

Король Тандар

ГРЕГ
КИЗ

ТЕРНОВЫЙ
КОРОЛЬ

Королевство Костей и Терний

Грегори Киз

Терновый Король

2002

Киз Г.

Терновый Король / Г. Киз — 2002 — (Королевство Костей и Терний)

...И явилась в мир новая королева, и пролились реки крови, и войска шли в битву не чтобы сражаться, но чтобы умирать, однако лорды-скасloi, давние правители, все же были повержены. И наступили новые дни, дни спокойствия. Надолго ли? Ибо нечто грозное дремлет в лесной глуши, зловещий Терновый король, и легенды гласят, что, пробудившись, он разорвет само небо. И спутниками его будут тернии, гниль и распад – и мантикоры, и страшные греффины. Деревья, сама земля уже чувствуют приближение конца. И на этот раз нет героя, который может спасти мир. Нет волшебного меча, который сразил бы зло, поскольку и зла как такового нет. Есть лишь пешки, передвигающиеся по огромной доске. И действующие по воле случая. И умирающие. Хотя исход большинства сражений решают как раз самые незначительные фигуры.

Содержание

Прелюдия	5
Пролог	14
Часть первая	19
1. Лесничий	19
2. В другой таверне	29
3. Оруженосец	32
4. Послушник	41
5. Принцесса	53
6. Король	65
7. Тор Скат	78
8. Черная роза	89
9. На Выгнутом лугу	98
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Грегори Киз

Терновый Король

Посвящается моему брату Тимоти Говарду Кизу

Узнай же, о Великолепное Сердце Ужаса, что были дни, когда мир не знал ни королей, ни королев, ни лордов, ни вассалов. Тысячи лет назад до наступления Эверона, названного эпохой человечества, на земле жили лишь повелители и рабы. Род повелителей восходил к глубокой древности, и были они столь же искушены в жестокости, сколь звезды искушены в умении освещать небеса. Могиществом они превосходили богов и не принадлежали ни к одному человеческому племени. Число рабов было так велико, что не поддавалось счету, и все мы потомки тех, кто испытал бремя рабства на своих плечах. Надменные повелители видели в рабах покорное стадо, безропотных исполнителей своей злой воли. Но даже среди тех, чьи предки пребывали в рабстве на протяжении тысячелетий, рождались люди с сердцами, в которых жила надежда, наделенные силой духа, чтобы исполнить то, что должно быть исполнено. И пришла великая пора, когда раб поднялся из грязи, сжал в руке кинжал и сказал своему господину: «Ты мной не владеешь».

Речь святого Анемлена при дворе Джестера Черного, произнесенная незадолго до того, как святой был предан на смертные муки

Прелюдия

Рожденная стать королевой

Сверкающий зигзаг молнии внезапно расколол небо. В следующее мгновение свинцовые небеса разверзлись, и на землю хлынул поток черной воды, пахнущий дымом, медью и серой. А потом раздался адский грохот.

Карсек приподнялся и ощупал пропитавшиеся кровью повязки на своих ранах. Он надеялся, что эти грязные тряпки не дадут его внутренностям вывалиться наружу, до тех пор пока сражение не кончится.

– Скоро она наверняка прикажет начать атаку, – пробормотал он и, опираясь на свою пику, встал на ноги.

Чья-то рука схватила Карсека за лодыжку.

– Ложись, идиот, если только хочешь дожить до атаки, – раздался хриплый голос.

Карсек взглянул на товарища, облаченного в изодранную кольчугу и неизвестно когда лишившегося шлема. Его голубые глаза сверкали сквозь пряди упавших на лицо спутанных мокрых волос.

– Ты трус, Таниель, – процедил Карсек. – Что до меня, то мне надоело ползать на брюхе. Вот уже четырнадцать дней, как мы прячемся в этих грязных вонючих норах, спим в собственных дерьме и крови. Ты что, не слышишь? Они приближаются, и я должен увидеть это собственными глазами.

Карсек отвернулся и принялся вглядываться в сплошную стену дождя, пытаясь разглядеть, что происходит за ней.

– Все, что ты увидишь, – это смерть, – глубокомысленно изрек Таниель. – Смерть, которая радостно машет рукой и манит тебя к себе. Скоро она придет за нами.

– Плевать. Лучше умереть, чем пресмыкаться в грязи. Я привык сражаться стоя, глядя врагу в глаза. И я хочу встретиться с достойным противником, пролить его кровь, переломать его кости. Клянусь Тараносом, я воин, а не дождевой червь! И мне обещали войну, а не бойню. Я не желаю, чтобы раны мне наносили какие-то бесплотные тени, призрачное оружие и железные ветры.

– Желать или не желать ты можешь все, что тебе угодно. Я, например, сейчас больше всего хочу посадить к себе на колени пухленькую аппетитную девчонку, которая знает, как доставить мужчине удовольствие. Хочу хорошенько позабавиться. А еще я не прочь осушить добрую кружку эля и как следует закусить. А потом завалиться в постель, понежиться на перине из гагачьего пуха. Но тем не менее я с тобой за компанию торчу в этой вонючей дыре. А как насчет твоего желания? Может, хоть оно исполнилось? Увидел ты, наконец, достойного противника, встречи с которым так жаждешь?

– Единственное, что здесь есть, – это поля, поля до самого горизонта. Все они дымятся, несмотря на этот проклятый дождь. А еще я вижу башню, высоченную, как гора. Вижу...

Карсек осекся – перед его глазами возникла черная стена, растущая с невероятной скоростью.

– Режущий ветер! – закричал он и торопливо скатился назад, в траншею. Упал он неловко, уткнувшись лицом прямо в грязь, разящую мочой и кровью.

– Что случилось? – обеспокоенно спросил Таниель, но тут солнце, наполовину скрытое клубами дыма, исчезло окончательно, и оглушительный звук, подобный скрежету тысяч мечей о тысячи точильных камней, взорвался внутри их черепов. Они увидели, как обезглавленные тела двух их товарищей, не успевших пригнуться, покатались по земле, обагрив ее кровью.

– Еще одна мерзкая выходка скаслоев, – буркнул Таниель. – Я тебя предупреждал, они мастера на подобные штуки.

Карсек в ответ лишь застонал от ярости и бессилия. Дождь припустил еще сильнее. Стремясь ободрить приятеля, Таниель положил руку ему на плечо.

– Держись, Карсек. Надо переждать. Это долго не продлится. Когда она придет, скаслои лишатся всей своей поганой магической силы.

– С чего ты взял? По-моему, это все твои мечты. Пока что им нет никакого подтверждения.

– Ты сам знаешь, как велико ее могущество.

Карсек раздраженно дернул плечом, сбросив руку Таниеля.

– Ты из того же племени, что и она. Ты тоже из истинных людей. Она – твоя королева, твоя чародейка. Что ж удивляться, что ты слепо веришь в ее могущество.

– Конечно, удивляться тут нечему. Мы, истинные люди, открыв рот, внимаем всему, что нам скажут. Такой уж мы тупой и доверчивый народ. Обвести нас вокруг пальца ничего не стоит. Но ведь ты тоже веришь в нее, Карсек. И не говори, что это не так. Иначе бы тебя здесь не было.

– Согласен, она знает правильные слова. Но разве слова могут заменить сталь? Боюсь, твоя королева доведет нас до гибели.

– А разве ты не предпочтешь гибель рабству?

Карсек ощутил во рту железный привкус крови. Он сплюнул в грязь черную слюну.

– Поколения за поколением мои предки жили и умирали рабами скаслоев, – процедил он. – Я не знаю даже их имен. Вы, истинные люди, появились здесь всего двадцать лет назад. В большинстве своем вы выросли вдаль от этих мест, там, где нет повелителей и кнутов. Что ты и такие, как ты, можете знать о рабстве? Все вы и эта рыжеволосая ведьма, ваша королева?

Таниель ответил не сразу. Когда он наконец заговорил, его голос звучал непривычно резко.

– Карсек, я знаю тебя не так давно, – отчеканил он. – Но мы с тобой вместе сражались против великанов-вомаров у брода Безмолвия. Мы отправили на тот свет столько врагов, что смогли бы построить мост из их тел. Плечо к плечу мы с тобой брели через Горгонскую равнину, и многие из тех, кто шел вместе с нами, так и остались лежать в пыли. Я видел тебя в бою. Я знаю, с каким пылом ты сражаешься. Сейчас слова твои холодны и насмешливы, но тебе не обмануть меня. Да, твой народ был в рабстве дольше, чем мой, но это ничего не меняет. Рабство остается рабством, сколько бы оно ни длилось. И мы победим, Карсек, победим во что бы то ни стало. На, возьми, выпей и порадуйся тому, что мы до сих пор живы.

С этими словами он протянул Карсеку флягу, и тот сделал глоток. Напиток обжег гортань, однако притупил боль.

– Спасибо, – буркнул Карсек, возвращая флягу товарищу. Несколько мгновений оба молчали, потом Карсек вновь подал голос.

– Прости, если я тебя обидел, – сказал он. – Но от этого проклятого ожидания можно с ума сойти. Это все равно что сидеть в клетке и ждать, когда хозяину будет угодно послать тебя драться на арену.

Таниель понимающе кивнул, отхлебнул из фляги и завинтил крышку. Финдос Безрукий, метавшийся в лихорадке на дне траншеи, издал пронзительный вскрик. Вероятно, ему привиделся кошмар.

– Меня давно занимал один вопрос, который я никак не решался задать, – задумчиво произнес Таниель. – Почему вы, вири кротени, зовете нас истинными людьми? По-моему, это название лишено всякого смысла. Мы все – люди, рожденные людьми.

Карсек тыльной стороной ладони вытер стекающие по изможденному лицу струи дождя.

– Станный вопрос, – хмыкнул он. – Сами-то вы как себя называете? Вири гени, что значит подлинные люди, не так ли? Или истинные, ведь это одно и то же. А ваша королева, первая среди вашего народа, разве она не зовется Гения, Истинная?

Таниель с недоумением посмотрел на него и вдруг, закинув голову назад, расхохотался.

– Что такого смешного я сказал? – возмутился Карсек.

– Теперь я все понял, – кивая головой, заявил Таниель. – Так эти слова переводятся на ваш язык. Но на самом деле...

Он замолчал на полуслове, потому что по траншеям эхом прокатился крик, полный невыразимого ужаса.

Решив узнать, в чем дело, Карсек оперся на земляную насыпь и внезапно ощутил, что грязь стала теплой. Тягучий, испускающий сладковатый запах поток, примерно в два пальца глубиной, струился по дну траншеи.

– Ради всех святых, это что еще такое? – растерянно прошептал Таниель.

В следующее мгновение он понял – это кровь, целая река крови.

С приглушенным стоном Карсек поднялся на ноги.

– Довольно! С меня хватит!

И он принялся выбираться из траншеи.

– Остановись, воин, – приказал чей-то голос. Мелодичный и звонкий женский голос прозвучал более властно, чем удар хозяйского кнута.

Карсек повернулся и увидел королеву.

На ней была черная кольчуга, а лицо казалось блее кости. С ее длинных золотисто-каштановых волос стекала вода, но все равно она была прекраснее, чем любая из женщин. Глаза ее сверкали, словно молнии на грозовом небе.

Рядом с ней стояли ее воины, в кольчугах, с обнаженными мечами, блестящими, как раскаленная бронза. Все они были высоки, стройны и не ведали страха. Все они походили на богов.

– Великая королева! – благоговейно прошептал Карсек.

- Ты готов сражаться, воин? – спросила она.
- Да, ваше величество, клянусь Тараносом, я готов!
- Тогда возьми с собой пятьдесят человек и следуй за мной.

Передние окопы были до краев наполнены кусками изуродованной плоти, в которой с трудом можно было признать человеческие останки. Карсек пытался не обращать внимания на отвратительные звуки, раздававшиеся из-под ног, звуки, так не похожие на обычное хлюпанье жидкой грязи. Труднее было не замечать удушающего зловония гниющих внутренностей. Кто убил всех этих людей? Демоны? Духи? Призраки? Карсек не считал нужным ломать над этим голову, да и времени у него не было. Товарищи его мертвы, но живых ожидает великое сражение, и да пребудут с ними Близнецы и Телец!

Когда возглавляемый им отряд занял позиции в самой первой траншее, глубиной примерно в половину человеческого роста, Карсек увидел возвышавшиеся невдалеке черные стены неприступной крепости. В одной из стен зияла небольшая брешь – единственный результат упорной осады, которая длилась почти месяц и стоила более двух тысяч человеческих жизней.

– Теперь нам осталось совершить лишь небольшую увеселительную прогулку! – усмехнулся Таниель. – Что нам эти толстые каменные стены и непробиваемые ворота! Битва, считай, почти выиграна.

– К чему сейчас твои насмешки? – вспыхнул Карсек. – У нас есть шанс стяжать славу и умереть с гордо поднятой головой. Лучшей участи я для себя не желаю.

– Угу, – хмыкнул Таниель. – Ты у нас известный герой. А вот мне хотелось бы не только покрыть свое имя славой, но и хорошенько выпить, когда все это закончится. – Он протянул товарищу руку. – Слышишь, Карсек, давай с тобой заключим договор. Как только все будет позади, встретимся и устроим грандиозную пирушку. А потом еще раз взглянем на арену, где были вынуждены сражаться. Выясним, кто из нас более прославленный боец. И наверняка окажется, что я! Идет?

– Да будет так, клянусь задницей своего хозяина! Идет, – буркнул Карсек и крепко сжал протянутую руку.

– Значит, замечано, – довольно изрек Таниель. – Ты никогда не нарушаешь своих обещаний, я тоже, значит, мы оба останемся живы.

– А как же иначе, – пожал плечами Карсек.

Принесли доски, чтобы воинам было легче выбираться из траншеи.

Потом Гения Отважная, королева и военачальница, наградила небольшой отряд своей ослепительной улыбкой.

– Когда солнце сядет, мы обречем свободу или смерть, – торжественно изрекла она. – И хотя смерть меня не страшит, свобода кажется намного желаннее. – С этими словами она извлекла из ножен меч и повернулась к Карсеку. – Я должна добраться до ворот. Ты понял меня, воин? Пока ворота не рухнут, не имеет значения, сколько нас, – пять тысяч воинов ничем не лучше пятидесяти. Так или иначе, я смогу уберечь от гибельных чар скаслоев не более пятидесяти человек – если на вас упадет смертоносный взгляд, вы уже не сможете ему воспротивиться. Но стоит нам открыть ворота, и мы проскользнем внутрь крепости так быстро, что враг не успеет нанести удар. Это будет тяжелая битва, мои доблестные герои, но я клянусь вам – колдовство, которым владеют враги, не унесет более ни одной жизни. Вам придется сражаться лишь с живыми людьми из плоти и крови, против мечей и копий.

– Плоть и кровь – это спелая рожь, а мой меч – острый серп, – вскинул голову Карсек. – Ваше величество, я сумею расчистить вам путь к воротам.

– Тогда – вперед, сделай это!

Карсек почти не чувствовал боли от ран. В голове у него пылал огонь, а в животе ощущались странная пустота и легкость. Он первым шагнул на доску, первым коснулся ногой влажной земли.

Молния сверкнула прямо над ним, вновь налетел режущий ветер, но на этот раз они не причинили ни малейшего вреда ни Карсеку, ни Таниелю, ни прочим воинам. Карсек слышал, как Таниель испустил восторженный вопль, обнаружив, что вражеская магия лишилась своей губительной силы.

Воины королевы бежали вперед в клубах густого дыма, и наконец затуманенному яростью взору Карсека открылось то, что он так жаждал увидеть, – стройные ряды врага.

– Я вижу войска вомаров, парни! – закричал он. – Это они, провалиться мне на этом самом месте!

Таниель расхохотался.

– И их всего ничего, – заявил он.

Действительно, всего ничего – всего несколько сотен воинов, стоящие в шесть рядов перед воротами. И каждый из них был на целую голову выше самого высокого бойца в отряде Карсека. Он не раз встречался с воинами вомаров на поле брани и уважал их, так как достойный противник всегда заслуживает уважения. Но сейчас он пылал к ним лютой ненавистью, которую никогда не вызывали у него смертные. Из всех принадлежащих скаслоям невольников лишь вомары предпочли сохранить верность хозяевам и сражались с повстанцами, решившими свергнуть иго рабства.

Сотни беспощадных врагов одновременно натянули тетивы сотен луков, и целая стая стрел с черным оперением накрыла отряд Карсека, – каждый третий воин рухнул замертво.

Враги вновь натянули тетивы своих луков, однако на этот раз дождь прибил стрелы к земле и они не причинили людям никакого вреда. Сам Карсек уже стоял перед первой шеренгой врагов – плотной стеной облаченных в стальные латы гигантов с грубыми, словно высеченными из камня лицами.

Сладостный миг, когда он наконец очутился перед противником, показался Карсеку невероятно длинным. Все звуки неожиданно стихли, и в полной тишине он пожирал врагов глазами. Ничто не укрылось от его взора – ни острые копья, ни крепкие щиты, ни грязные капли дождя, стекающие по изборожденным шрамами щекам; прямо перед ним возвышался гигант с разными глазами – черным и голубым, и над черным глазом темнела родинка...

А потом звуки вернулись так же внезапно, как и исчезли, и Карсек, встрепенувшись, приступил к привычной работе. Он взмахнул копьем, сделав вид, что хочет вонзить его в лицо гиганта, но, когда тот поднял щит, Карсек проворно пригнулся и вогнал копье под непробиваемые пластины доспехов. Он закричал во всю мощь своих легких, ощущая, как острие копья прокалывает одежду, кожу и живую плоть. Вражеский воин упал, и Карсек попытался выдернуть свое оружие, однако половина копья осталась в теле поверженного противника.

Тогда Карсек, не теряя времени, выхватил свой боевой топор. Вомары двигались прямо на него, а люди Карсека, одержимые желанием пролить вражескую кровь, теснили своего предводителя сзади. Карсек оказался зажатым между двумя сплошными плотными стенами, и у него не было возможности как следует замахнуться топором. Что-то тяжелое с размаху ударило в его шлем, так что сталь зазвенела. А потом кто-то сорвал шлем с головы Карсека, сильные жесткие пальцы вцепились ему в волосы, и воин ощутил, что его ноги уже не касаются земли.

Тщетно он размахивал ногами в воздухе, пытаясь лягнуть могучего противника; гигант поднес его к своему лицу и принялся внимательно разглядывать, словно никогда не видал подобной диковины. А затем вомар поднял свой огромный меч, явно намереваясь отсечь Карсеку голову.

– Ах ты, мерзкий ублюдок! – что есть мочи заорал Карсек и, изловчившись, вышиб великану несколько зубов своим топором.

Воспользовавшись замешательством неповоротливого гиганта, он нанес второй сокрушительный удар, разрубивший шею врага. Взревев, словно раненый зверь, вомар выпустил

Карсека и схватился руками за шею, пытаясь удержать хлынувший поток крови. Третьим ударом топора Карсек подсек ему ноги и вновь устремился в гущу битвы.

Предстояла кровавая работа, и Карсек не знал, как долго она продлится. Стоило ему убить одного воина, как его место занимал новый, а порой даже двое или трое. В пылу сражения Карсек позабыл, что его целью являются ворота крепости. Неожиданно он увидел, что сумел приблизиться к ним почти вплотную. Сквозь суету битвы он разглядел блеск меча, сияние золотистых волос и гневный взгляд королевы. Но тут новые полчища врагов заставили Карсека податься назад и отступать, пока ворота не исчезли из его поля зрения и в том числе из мыслей.

Дождь прекратился, однако небо становилось все более темным и мрачным. Карсек давно уже не слышал ничего, кроме собственного хриплого дыхания; взор его различал лишь льющиеся вокруг потоки крови и взмахи мечей, которые беспрестанно вздымались и опускались, словно волны железного моря. Его усталые руки с трудом поднимались для новых смертоносных ударов. Из пятидесяти человек, что вступили в бой вместе с ним, осталось лишь восемь, и среди них был Таниель. А ряды врагов, казалось, не убывали.

Внезапно звук, подобный зубному скрежету богов, коснулся его слуха. Сотни воинов, испуская оглушительный боевой клич, покинули траншеи, и за спиной Карсека выросла целая стена, которая ринулась на врага и сокрушила его в мгновение ока. В первый раз Карсек позволил себе передохнуть и поднять глаза. Тут утомленному взору отважного воина открылось невероятное зрелище. Массивные стальные ворота крепости были сорваны с петель, створки лежали на земле, и из-за них пробивался луч ослепительно белого света.

Волна бойцов ворвалась во вражескую цитадель. Тут ноги Карсека подкосились, но подоспевший вовремя Таниель успел его подхватить.

– Она сделала это, – одними губами прошептал Карсек. – Ваша ведьма сдержала свое слово.

– А я тебе что говорил? – пожал плечами Таниель. – Она всегда держит свое слово.

Карсек не участвовал во взятии внутренних укреплений цитадели. Его раны открылись и потребовали новой перевязки. Но вечером, когда дождевые тучи рассеялись и закатное солнце окрасило горизонт в багрово-красные тона, за ним зашел Таниель.

– Королева хочет тебя увидеть, – сообщил он. – Это высокая честь. Но ты ее заслужил.

– Мы все заслужили высокую честь, – возразил Карсек.

Опираясь на плечо Таниеля, Карсек поднялся по залитым кровью ступеням главной башни. Воспоминания о том, как в прошлый раз он проделал этот путь закованным в цепи рабом, вихрем пролетали в его голове. Тогда по прихоти хозяина ему предстояло сражение на арене. Позолоченные балюстрады, загадочные картины и удивительные статуи, сверкающие в таинственном рассеянном свете, поражали его воображение и одновременно наводили ужас.

Даже теперь, несмотря на то что после штурма убранство башни оказалось в плачевном состоянии, оно по-прежнему внушало благоговейный страх. Страх этот вошел в кровь и плоть Карсека еще с детства. То был трепет перед непререкаемой властью хозяина, перед невидимой плетью, способной нанести обжигающий душу удар.

Даже теперь все, что он видел вокруг, казалось иллюзией, частью некоей замысловатой игры, которую хозяева затеяли, чтобы в очередной раз насладиться страданиями и отчаянием своих рабов.

Но когда они вошли в парадный зал и Карсек увидел, как королева-воительница, Гения Отважная, попирает ногами распростертое на полу тело хозяина, встав ему на горло, радостное сознание того, что они победили, проникло в его сердце.

Что до лорда скаслоя, он по-прежнему скрывался в тени. Карсек ни разу не видел лица своего бывшего повелителя, не довелось ему увидеть его и сейчас. Но приглушенный хозяйский смех, доносившийся из-под башмака королевы, был ему знаком слишком хорошо. Кар-

сек знал, что до конца дней в его ушах будет звенеть этот призрачный, издевательский, убийственный смех.

Однако звучный голос Гении Отважной перекрыл сдавленное хихиканье скаслоя.

– Мы захватили твою крепость, разгромили твою армию, и теперь ты должен умереть, – изрекла она. – Если это обстоятельство тебя забавляет, могу сказать лишь одно. Мне искренне жаль, что мы не доставили тебе эту радость раньше и не убили тебя много лет назад.

Смех хозяина внезапно оборвался. Он заговорил, и слова его походили на отвратительных пауков, медленно выползающих изо рта трупа. Звук его голоса застигал слушателя врасплох и заставлял сердце болезненно трепетать и сжиматься.

– Да, вы меня очень позабавили, ничтожные, самодовольные твари, – процедил он. – Мне смешно слушать, как вы рассуждаете о своей победе. Вас ждет не победа, а гибель. Зря вы воспользовались силой седосов, неразумный вы сброд. Видно, вы в своем ослеплении вообразили, что нам, вашим повелителям, ничего не известно о силе седосов, – надменно продолжал лорд. – Жалкие вы идиоты. Мы имели веские причины на то, чтобы никогда и ни при каких обстоятельствах не прибегать к этой силе. А вы сами себя погубили. Навлекли проклятие на себя и на своих потомков. Каким бы ни был мой конец, вас ожидает куда более ужасная участь. Безумцы, вы сами не знаете, что натворили.

Истинная королева лишь усмехнулась.

– Плевала я на твоё проклятие, – презрительно бросила она. – Твоими устами говорят бессилие и злоба.

– Это не мое проклятие, рабыня, – возразил поверженный хозяин. – Не я наложил его на вас. Вы сами виноваты в том, что отныне оно тяготеет над вами и вашими отпрысками.

– Мы более не рабы.

– Вы рождены рабами. И вы умрете рабами. Вам удалось добиться лишь смены хозяина. Вашим детям придется пожинать плоды ваших усилий, и будь уверена, они не поблагодарят вас.

В это мгновение вспышка ослепительно яркого света подобно молнии сверкнула перед глазами Карсека. А в следующую секунду перед его внутренним взором с невероятной отчетливостью возникла страшная картина. Он увидел зеленые леса, где деревья гнили на корню, увидел мрачное, губительное солнце, которое опускалось в свинцовые воды унылого моря. Он прошел сквозь вымершие города и села, и человеческие кости хрустели у него под ногами. А над всем этим парила королева, Гения Отважная. Она хохотала, словно жуткое зрелище доставляло ей радость.

А потом пугающее видение исчезло, и Карсек вновь очутился в парадном зале главной башни. Все, кто находился рядом с ним, рвали на себе волосы, стонали и заливались слезами. Лишь королева стояла недвижно, лицо ее оставалось невозмутимым, но с пальцев стекало белое пламя. Скаслоя хранил многозначительное молчание.

– Тебе не запугать нас страшными сказками! – раздался властный голос Гении. – Мы уже не твои рабы. Мы не испытываем пред тобой ни трепета, ни страха. Твоя власть, твои проклятия, твоя сила – все это ныне превратилось в ничто. Теперь этот мир принадлежит нам, людям. Ответом ей было безмолвие.

– Он заслужил медленную смерть, – донесся до Карсека приглушенный голос королевы. – Очень медленную, мучительную смерть.

Последняя встреча с хозяином завершилась. В следующее мгновение лорда скаслоя увели прочь, и Карсек более никогда не видел его.

Истинная королева, величаво вскинув голову, повернулась к собравшимся, чтобы поблагодарить их за мужество и отвагу, и Карсек ощутил, как его взгляд встретился с взглядом Гении. И вновь белое пламя вспыхнуло у него перед глазами, и ему отчаянно захотелось рухнуть перед королевой на колени.

Однако он подавил в себе это желание. Отныне он ни перед кем не будет вставать на колени.

– Теперь мы начнем новый счет дней и времен года, – торжественно провозгласила королева. – Пусть сегодняшний день зовется днем Доблести, или, на древнем языке кротени, Васрис Сланон! С этого мгновения, с этого дня, с этого месяца начинается наше время! Начинается новая эра – эра владычества людей!

Несмотря на то что все, кто внимал этим гордым словам, изнемогали от ран и усталости, стены парадного зала задрожали от радостных криков.

Карсек и Таниель спустились вниз, туда, где уже начинались приготовления к празднику. Что до Карсека, ему хотелось лишь одного – завалиться спать, забыть обо всем пережитом и никогда более не вспоминать о нем. Однако у Таниеля были совсем другие намерения. Он напомнил товарищу о клятве, которую они дали друг другу перед боем.

И хотя раны Карсека мучительно ныли, они с Таниелем осушили немало кружек с бренди, элем и портером. Потом, усевшись на халцедоновый трон, Карсек бросил взгляд вниз, на арену, куда он так часто выходил, чтобы убивать других невольников.

– Там, перед воротами, я положил целую сотню, – хвастливо заявил Таниель.

– Я тоже прикончил целую сотню и еще пять человек, – не остался в долгу Карсек.

– Но ты не умеешь считать до ста пяти, – возразил Таниель. – Ты еле-еле считаешь до ста.

– Врешь, умею. Именно сто пять раз я переспал с твоей сестрой. Ни разом больше, ни разом меньше.

– Даже если это правда, считал не ты, а моя сестра, – веселился Таниель. – Она у нас умница, вся в меня. Что до твоей почтенной матушки, она умеет считать лишь по пальцам. И когда пальцев у нее не хватило, мне пришлось самому подсчитывать, сколько раз мы с ней переспали.

Исчерпав свой небогатый запас шуток, приятели немного помолчали.

– Веселые мы люди, правда? – довольно пробурчал Карсек.

– Да, веселые, – с неожиданной серьезностью откликнулся Таниель. – А самое главное – мы действительно люди и заслужили это звание. Мы живы и свободны. Как этому не порадоваться. – Таниель задумчиво почесал свою всклокоченную голову. – Вот только я не совсем понял, что королева сказала под конец. Как будет называться день, с которого мы начнем отсчет нового времени?

– Она оказала нам великую честь, – пояснил Карсек. – Вспомнила древний язык вири кротени, язык моих предков. Васрис означает рассвет. А Сланон означает... Ну, это трудно объяснить одним словом.

– Так используй несколько, приятель.

– Сланон – это и прекрасный, и радостный, и полный надежд. Сланон значит подобный новорожденному младенцу, не знающему ни позора, ни скорби, ни горестей.

– Ну, Карсек, я смотрю, ты настоящий поэт.

Карсек почувствовал, что его щеки заливают предательский румянец. Чтобы сменить тему, он указал на расстилавшуюся внизу арену.

– Ни разу прежде мне не доводилось смотреть на нее с такой высоты, – сообщил он.

– Отсюда, с трона, арена выглядит иначе?

– Еще бы. Она кажется такой маленькой. Отсюда она мне даже нравится.

– Мы победили, Карсек, – радостно выдохнул Таниель. – И, как сказала королева, отныне мир принадлежит нам. Что же мы будем делать теперь, приятель?

– Об этом знают только боги. Что до меня, я никогда не думал, чем займусь после победы, – сказал Карсек и поморщился от внезапной боли, которую причинила ему одна из многочисленных ран.

– Карсек, что с тобой? – встревожился Таниель.

– Ерунда. Скоро я буду совсем здоров, – заверил его Карсек и вновь глотнул обжигающий напиток. – Давай-ка лучше поговорим о другом – раз уж мы сегодня даем друг другу уроки языка. Напомни, что ты говорил там, в траншеях? О том, что представителей твоего племени напрасно называют истинными людьми и на самом деле имя твоего народа переводится совсем по-другому.

Таниель усмехнулся.

– Я всегда считал, вы называете нас истинными потому, что мы появились на этой земле недавно. Мы – последнее племя, которое скаслои захватили в рабство, но родились мы свободными. Вот уж не думал, что вы всего лишь неверно расслышали, как мы зовем себя сами.

– Ты говоришь слишком туманно, – перебил его Карсек. – А я, похоже, вот-вот отдам концы, и мне трудно тебя понять. Не мог бы ты выразаться более ясно и толково?

– Вовсе ты не собираешься отдавать концы, хитрец. Сам сказал, что скоро будешь здоровехонек. Но раз ты настолько туп, я попытаюсь объяснить попроще. Когда мой народ оказался здесь, мы думали, что это место называется Виргенья. Скорее всего, оно было названо в честь королевы, что правила там, у нас на родине. Не могу сказать точно, так как сам я родился здесь. Но наша нынешняя королева тоже носит имя той, прежней. Ты знаешь, что ее настоящее имя Виргенья Елизавета Отважная. И вот мы все повторяли: Виргенья, Виргенья, – а вы, тугоухие кротени, решили, что мы на своем языке зовем себя вири гени – истинные люди. Теперь ты понимаешь сам, это всего лишь случайное созвучие, из-за которого и произошла вся эта путаница с названиями.

– Понимаю, – кивнул головой Карсек и потерял сознание.

Очнувшись четыре дня спустя, он первым делом осведомился, не приснилась ли ему победа над жестокими повелителями, и с радостью узнал, что скаслои повержены наяву.

Шел четвертый день новой эпохи, получившей название Эберон Васрис Сланон.

Пролог

В день, когда пал последний оплот скаслоев, началась эра, на древнекаварумском языке получившая название Эберон Васрис Сланон. Сам язык был давно забыт, и лишь несколько старых ученых оставались его хранителями. С течением лет люди переделали непривычное для слуха имя, и новая эра стала называться Эверон, а слово Сланон напоминало о месте, где была одержана судьбоносная победа.

Эверон стал эпохой человеческих существ – их взлетов и падений. Потомки восставших рабов размножились и основали собственные королевства.

Но на 2223 году эпоха Эверон приблизилась к внезапному и ужасному концу.

И по всей вероятности, я – последний, кто помнит об этом.

Кодекс Тереминнам, автор неизвестен

Шел месяц этрамен 2215 года эпохи Эверон. Две маленькие девочки, мысленно молясь о том, чтобы их никто не заметил, крались по темным зарослям священного сада в городе мертвых.

Старшая из них, восьмилетняя Энни, осторожно всматривалась сквозь плотно переплетенные ветви деревьев, опутанные плющом.

– Там правда скаос? – подала голос Остра, которая была годом младше подруги.

– Ш-ш, – приложила палец к губам Энни. – Да, это скаос, и вид у него жуткий. Так что пригни голову пониже, иначе он тебя заметит, и тогда нам несдобровать. Волосы у тебя слишком желтые.

– А у тебя слишком рыжие, – не осталась в долгу Остра. – Фастия говорит, волосы у тебя ржавеют, потому что ты редко пользуешься мозгами.

– Плевать на Фастию. Придержи язык и иди за мной.

– Но там так темно.

– Знаю, что темно. Но если скаос нас схватит, нам конец. Он, разумеется, нас сожрет, только не сразу. Будет лакомиться в свое удовольствие, откусывать по кусочку. А здесь, в этих зарослях, ему не пролезть. Он слишком большой, не то что мы.

– Наверняка у него есть топор или меч. Он может срубить ветки и добраться до нас.

– Не может, – возразила Энни. – Ты что, и правда ничего не знаешь, глупышка? Это ведь *хори*, священная земля, а не просто старый сад. Никто не имеет права сорвать здесь даже листик. И скаос в том числе. Если он осмелится это сделать, святая Фесса и святой Селфан проклянут его.

– А нас они не проклянут? За то, что мы сюда залезли?

– Мы же ничего не трогаем, – покачала головой Энни. – Мы просто прячемся. Хотя, можешь мне поверить, если скаос нас схватит, это будет хуже любого проклятия. От нас и косточек не останется.

– Прекрати, Энни. Мне страшно.

– Он шевелится! – пискнула Энни. – Он приближается к нам! Ради всего святого, бежим!

Остра издала приглушенный визг и бросилась прочь, спотыкаясь об узловатые корни древних дубов, продираясь сквозь сети терновника и дикого винограда, стебли которого были толще, чем ее ноги. Сад был пропитан сладковатым запахом разложения – запахом земли и прелых листьев. Солнечный свет, пробиваясь сквозь плотный лиственный купол, приобретал тусклый зеленоватый оттенок. За пределами сада, на широких, мощенных свинцом улицах города мертвых стоял ослепительный полдень. Здесь же царили вечные сумерки.

Наконец девочки оказались на крошечной полянке, где ветви деревьев переплелись в воздухе так густо, что на земле, лишенной солнечного света, ничего не росло. Место это напоминало комнатку, построенную феей. Припав к земле, девочки перевели дыхание.

– Скаос гонится за нами, – тихо произнесла Энни. – Слышишь его топот?

– Слышу. Что же нам делать?

– Попробуем... – Она не успела закончить.

Внезапно раздался негромкий треск, подобный звуку разбившейся тарелки, обе девочки соскользнули в разверзнувшуюся в земле глубокую щель и приземлились на жесткую каменную поверхность.

В течение нескольких мгновений Энни лежала на спине, глядя вверх, откуда изливался рассеянный свет, и сплевывала набившуюся в рот грязь. Испуганная Остра лишь тяжело дышала и жалобно всхлипывала.

– Ты цела? – спросила Энни у подруги.

– Угу, – буркнула Остра. – Но что случилось? Где мы? – Тут она вытаращила глаза. – Мы погребены! Мертвецы забрали нас к себе!

– Ничего подобного, – оборвала ее Энни, не подавая виду, что и сама не на шутку перепугана. – Мы всего лишь провалились в старую гробницу. Ужасно старую. Ведь этот хорц стоит здесь уже четыре века, а значит, гробница была еще раньше. – Она указала на тусклый луч света, струившийся вдоль серой пыльной стены. – Наверное, слой земли был совсем тонким. Но ничего страшного, сейчас выберемся.

– Так давай скорее вылезать, – взмолилась Остра. – Я не хочу здесь оставаться.

Энни покрутила на пальце прядь огненно-рыжих волос.

– Прежде надо посмотреть, куда мы попали. Разве тебе не интересно? Наверняка ни одна живая душа не проникала сюда тысячу лет, а то и больше.

– По-моему, это вовсе не гробница, – заметила Остра. – Гробницы похожи на дома, а это что-то совсем другое.

Остра была права. Присмотревшись, девочки поняли, что находятся в большой круглой комнате. Семь огромных камней, подобно колоннам, поддерживали плоскую каменную плиту, заменявшую крышу, а стены были сложены из более мелких камней.

– Может, именно так выглядели дома тысячу лет назад, – предположила Энни.

– А что, если это могила скаосов! – воскликнула Остра. – *Его* могила!

– Нет у них никаких гробниц! – возразила Энни. – Они считают себя бессмертными. Иди-ка сюда, посмотрим, что это такое.

– О чем ты?

Энни, не отвечая, подошла к каменному ларцу, длинному и узкому.

– По-моему, это саркофаг, – заявила она. – Хотя саркофаги обычно бывают украшены орнаментом, а этот нет. Но все равно, форма в точности как у саркофага.

– Ты что, думаешь, что там, внутри, – мертвец?

– А как же иначе? – Энни провела рукой по каменной крышке и ощутила под пальцами какие-то выпуклости. – О, да тут что-то написано.

– Написано?

– Да. Но это всего лишь буквы. В, И, О, Т. Из них не составишь никакого слова.

– А может, это слово на другом языке. Языке, которого мы не знаем.

– Или сокращение. Например, В означает...

И Энни осеклась, пронзенная внезапной догадкой.

– Остра, я все поняла! Это означает Виргенья Отважная. В-И – первые буквы слова Виргенья, а О-Т – Отважная.

– Может, ты ошиблась, – пожала плечами Остра.

– Нет, не может, – горячо возразила Энни. – Я чувствую, так оно и есть. Посмотри, ведь это старая, невероятно старая гробница. А Виргенья Отважная – первая из моей семьи. Наверняка это ее могила.

– А мне казалось, твоя семья правит в Кротении всего лишь сто лет, – заметила Остра.

– Так оно и есть, – откликнулась Энни. – Но Виргенья Отважная пришла сюда еще во времена первых королевств. Никому не известно, куда она исчезла после того, как войны были закончены, и где она похоронена. А теперь мы с тобой отыскиали ее могилу. Здесь лежит именно Виргенья, иначе и быть не может. Помоги мне сдвинуть крышку, я хочу посмотреть, что там, внутри!

– Энни! Не надо, прошу тебя! – умоляюще выдохнула Остра.

– Не бойся, Остра. Уверена, Виргенья Отважная на нас не рассердится. Ведь я же принадлежу к ее потомкам.

С этими словами Энни изо всех сил налегла на крышку, но тяжелая каменная плита не сдвинулась с места. После долгих уговоров Остра, опасливо вздыхая, присоединилась к подруге, однако плита оставалась неподвижной. Наконец отчаянными совместными усилиями девочкам удалось сдвинуть крышку саркофага примерно на ширину пальца.

– Получилось! Сейчас мы ее своротим! – возликовала Энни.

Однако радость оказалась преждевременной. Сколько подруги ни налегали на массивную плиту, та больше не подвинулась даже на волосок.

Энни попыталась заглянуть в щель. Разумеется, она ничего не увидела, однако в нос ей ударил странный запах. Не противный, а именно странный. Так порой пахнет под кроватью, где давным-давно не подметали.

– Леди Виргенья? – прошептала девочка и услышала, как ее собственный голос эхом откликнулся из глубин каменного ларца. – Меня зовут Энни. Мой отец – Уильям, король Кротении. Я рада приветствовать вас.

Ответа не последовало, но Энни не сомневалась – дух слышит ее слова. В том, что королева хранила молчание, не было ничего удивительного – тому, кто так долго был погружен в сон, трудно быстро очнуться.

– Я принесу сюда свечи и зажгу их для вас, леди Виргенья, – пообещала Энни. – А еще я принесу вам подарки.

– Пожалуйста, пойдем отсюда, – хныкала Остра.

– Пойдем, так и быть, – согласилась Энни. – Все равно матушка или Фастия скоро нас хватятся.

– На обратном пути мы тоже будем прятаться от скаоса?

– Нет, – покачала головой Энни. – Мне надоело играть. А это – *реальность*. Пусть это будет нашей тайной. Я не хочу, чтобы кто-нибудь еще знал о том, что мы с тобой видели. Так что пошли быстрее. Нас наверняка уже ищут. Того и гляди Фастия заявится прямо сюда.

– Но почему мы должны скрывать, что нашли гробницу?

– Потому, – отрезала Энни. – Просто держи язык за зубами, и все. А сейчас пошли.

Девочки выбрались из расщелины и, продираясь сквозь путаницу ветвей и лиан, добрались до древней каменной стены хорца. Там, спиной к ним, стояла Фастия. Ее роскошные каштановые волосы струились по зеленому платью. Заслышав шаги, она обернулась.

– Где вы пропадали? Почему я должна гоняться за вами повсюду? – начала она возмущенным тоном. Разглядев девочек получше, она осеклась и расхохоталась. – Ну и хороши же вы обе! В грязи по самые уши! Где, ради всех святых, вы так изгваздались?

– Прости, Фастия, – кратко ответила Энни. – Мы играли. Представляли, что за нами гонится скаос.

– Сейчас матушка вам задаст. Достанется обеим. Пожалуй, вам придется пожалеть, что скаос вас не поймал. Не забывай, Энни, ты – представительница великого рода. На нас посто-

янно смотрят наши славные предки. Сегодня мы оказали последние почести тете Фиене, отнесли ее тело в гробницу. Это печальный долг, и тебе следовало принять участие в ритуале, а не затевать глупые игры в хорце.

– Ну правда, нам так надоело. А тетю Фиену все равно похоронили.

– Ей-то, возможно, и все равно, а вот нашим отцу и матери – нет. – Фастия попыталась отряхнуть испачканное белое платье Энни. – Привести тебя в порядок невозможно, – сокрушенно вздохнула она. – Что ж, пусть матушка полюбуется...

– Раньше ты тоже играла здесь, – заявила Энни. – Вспомни, ты мне сама рассказывала.

– Может быть, – пожала плечами старшая сестра. – Но теперь мне пятнадцать, я скоро выйду замуж, и я забыла про детские глупости. И тебе я тоже не позволю заниматься ерундой, по крайней мере сейчас. Моя обязанность – присматривать за тобой. А ты навлекла на меня неприятности.

– Прости нас, Фастия...

Старшая сестра улыбнулась и пригладила чудные каштановые локоны, столь похожие на волосы матери и не имевшие ничего общего с непослушной медной гривой Энни.

– Ладно, сестренка. Пока я снисходительно смотрю на твои проказы. Но скоро твоя вольница кончится. Когда я выйду замуж, то стану куда строже с вами, младшими. Так что тебе лучше относиться к моим словам повнимательнее и стараться мне не перечить. Привыкай меня слушаться. Для начала попытайся делать это хотя бы через раз. Тебя это тоже касается, Остра.

– Да, архигреффесса, – присела в реверансе Остра.

– Спасибо, Фастия, – добавила Энни.

В какой-то момент ей отчаянно захотелось рассказать старшей сестре о гробнице, которую они обнаружили. Однако Энни сдержалась. В последнее время характер Фастии изменился отнюдь не в лучшую сторону. Она стала такой серьезной, такой занудной, такой скучной особой. Одним словом, выросла и повзрослела. Энни по-прежнему горячо любила сестру, однако сильно сомневалась в том, что ей можно доверять.

Ночью, после того как девочек как следует выбрали и они улеглись в темной комнате на свою широкую перину, Энни ущипнула Остру за руку. Ущипнула не больно, однако ощутимо.

– Ой! – воскликнула Остра. – Ты что, с ума сошла?!

– Если ты хоть словом обмолвишься о том, что мы видели сегодня, я тебя еще не так ущипну, – грозно пообещала Энни.

– Я же сказала, что буду молчать.

– Поклянись. Поклянись своими отцом и матерью. Несколько мгновений Остра молчала.

– Но ведь они же умерли, – прошептала она наконец.

– Тем лучше. Мой отец часто повторяет, что мертвые слышат обещания и клятвы куда лучше, чем живые.

– Пожалуйста, не заставляй меня, – попросила Остра. Судя по дрожащему голосу, она едва сдерживала слезы.

– Ладно, не надо, – сжалась над ней Энни. – Прости, если я тебя расстроила. Завтра я придумаю для тебя какую-нибудь другую клятву. Согласна?

– Согласна, – всхлипнула Остра.

– Спокойной ночи, Остра. И пусть Черная Мэри не тревожит твой сон.

– Спокойной ночи, – откликнулась Остра.

Через несколько минут раздалось ровное посапывание, свидетельствовавшее о том, что она уснула.

Но Энни не смыкала глаз. В голове ее теснились захватывающие истории, героические сказания о войнах со скаосами, легенды о демонах и о Виргенье Отважной. Она вспомнила саркофаг со сдвинутой крышкой и легкий вздох, который раздался из-под каменной плиты.

Девочка упивалась своей тайной и в конце концов со счастливой улыбкой на устах погрузилась в сладкие видения.

Часть первая

Пришествие греффина

2223 год эверона, месяц тертмен

1. Лесничий

*Он телом – лев, лицом – орел
Проворен и силен,
И кровь его страшна, как яд.
Кто, угадайте, он?*

Из песни-загадки Восточной Кротении

*Кровь королей потечет реками
И затопит она весь мир.*

Переведено из «Тафлес Тацеис», или «Книги шепотов»

Эспер Белый ощущал запах убийства. Запах, подобный аромату прелых осенних листьев, схваченных первым морозцем, листьев, которые скрипят под ногами и крошатся в ладони.

Грязная Джесп, женщина из племени сеффри, которая вырастила Эспера, некогда рассказала ему, что причина этого особого свойства, присущего ее питомцу, в том, что Эспер был рожден от умирающей матери прямо под виселицей, где Неистовый принимал приносимые ему жертвы. Однако словам Джесп не стоило слишком доверять, ибо она пользовалась репутацией отъявленной лгуны. Впрочем, происхождение удивительного чутья не слишком занимало Эспера. Он твердо знал одно – его нос никогда не ошибается. И сейчас кто-то поблизости или замысливает убийство, или уже успел его совершить.

Эспер только что вошел в таверну «Свиные сиськи». Целую неделю он бродил по Валхамским предгорьям. Мышцы ныли от усталости, во рту пересохло, и он мечтал о кружке холодного темного портера. Но стоило поднести к губам вожденную кружку, ощутить легчайшее прикосновение пены и упоительный вкус, как запах убийства ударил ему в ноздри и отравил все наслаждение.

Испустив тяжкий вздох, Эспер поставил тяжелую глиняную кружку на испещренную пятнами дубовую поверхность стола и огляделся по сторонам, пытаясь понять, откуда исходит угроза смерти и на кого она направлена; правой рукой он незаметно сжал гладкую костяную рукоять кинжала.

В скудно освещенной таверне толпилось множество народу. Однако посетители были ничем не примечательны – по большей части углежог с почерневшими от вьевшейся копоти лицами. Громко хохоча и отпуская грубоватые шутки, они осушали кружку за кружкой, пытаясь избавиться от вкуса сажи на языках. Неподалеку от двери, широко распахнутой, чтобы пропускать в душную таверну вечерний воздух, сидел Ло, сын мельника. Одет он был лучше, чем другие здешние завсегдатаи; чистую белую рубашку украшали кружевные вставки. Юноша бурно жестикулировал, размахивая кружкой, а потом осушил ее залпом; поступок этот был встречен ликующими возгласами его приятелей. Четверо купцов из Хорнлада, все как один в клетчатых камзолах и красных узких штанах, стояли около камина, где жарилась кабанья туша; капли расплавленного жира шипели на углях, испуская аппетитный запах. Вокруг купцов собрались несколько совсем молодых людей. Лица юношей разгорелись от близости огня

и желания послушать о том, что творится на свете, за пределами их крошечной деревеньки Колбели.

Судя по всему, все собравшиеся пребывали в миролюбивом и добродушном настроении, никто не собирался затевать ссору и тем более потасовку. Эспер вновь поднес кружку к губам. Возможно, все дело в пиве, просто оно сегодня не слишком свежее.

И тут он понял, откуда исходит угроза. Запах убийства доносился из открытой двери, вместе с первыми, неуверенными криками козодоев и редкими каплями дождя, предвещающими ливень.

Там, в дверях, стоял мальчик, на вид не более пятнадцати лет. Эспер точно знал, что он не из Колбели и, скорее всего, даже не из греффи Холтмар. Судя по всему, он проделал дальний путь. Новый посетитель окинул таверну беспокойным, торопливым взглядом. Потом прищурился, пристально вглядываясь в полумрак. Несомненно, он кого-то искал.

Заметив сидевшего за столиком лесничего, незнакомый юноша устремился напрямик к нему. Эспер разглядел, что одет мальчишка в потертые штаны из лосиной кожи и грубую домотканую рубашку, явно знававшую лучшие дни. В каштановых, слипшихся от грязи волосах парня запутались несколько листочков и хвойных иголок. От внимания Эспера не ускользнуло также, что паренек, ускоряя шаг, вытаскивает из ножен внушительных размеров меч и при этом кадык на тощей шее судорожно ходит ходуном.

Эспер отхлебнул пива и вновь тяжело вздохнул. На этот раз любимый напиток показался ему совершенно отвратительным. Во внезапно наступившей тишине слышно было, как деревянные башмаки парня стучат по выложенному плитками полу.

– Ты – хранитель лесов, – произнес странный юноша, приблизившись к Эсперу. В речи его ощущался сильный алманный акцент. – Карлевский слуха.

– Ты прав, я – королевский лесник, – согласился Эспер. – Это видно каждому, ведь на мне одежда королевских цветов. Моя имя Эспер Белый. А ты кто такой? И что тебе от меня надо?

– Я – чэлоэк, который щас тэбе прикончит, – дрожащим голосом сообщил парень.

Услышав столь грозное обещание, Эспер приподнял голову и, прищурив один глаз, пристально взглянул на мальчишку. Тот сжимал рукоять меча побелевшими пальцами.

– Но почему, позволь узнать? – невозмутимо осведомился Эспер. – Я вижу тебя впервые. Что я тебе сделал?

– Сам знашь чэво, – последовал ответ.

– Нет. Понятия не имею. Иначе не спрашивал бы. У меня нет привычки задавать вопросы, если ответ известен мне заранее.

– Усе ты знашь, саволоть, – ты и таваи людаги убиваты маю сэмыю... – в запальчивости мальчишка окончательно сбился на диалект.

– Эй, парень, без грубостей! – перебил Эспер. – Оставь свою тарабарщину. Говори на королевском языке. Выражайся прилично.

– Шоб эму пусто было, тавоему карлю! – взревел юнец. – Это не эвоный лес.

– Что ж, тебе лучше обсудить этот вопрос с самим королем. Он, знаешь ли, уверен, что лес принадлежит именно ему. А королю, как говорится, виднее.

– Не бойсь, до тавоего карля я тожэ доберусь, – угрюмо пообещал мальчишка. – После того, как прикончу тэбе. Вскорости начнется хорошая заваруха. Тавой кароль за усе отэветит. Но допрежь того ты, поганый убийца, поплатишь савоей жызиныю.

Эсперу оставалось лишь вздыхать. Судя по запальчивым интонациям и решительной позе мальчишки, возражения бесполезны. Он что-то крепко вбил себе в голову, и словами его не переубедишь. Эспер проворно вскочил, сделал шаг в сторону направленного на него меча и огрел юнца кружкой по голове. Глиняный сосуд треснул, а мальчишка завопил и схватился за рассеченное ухо, из которого ручьем хлынула кровь. Эспер меж тем неторопливо извлек из ножен свой длинный кинжал и сгреб парня за воротник могучей мозолистой рукой. Без

всякого усилия он протащил злоумышленника несколько шагов и швырнул его на скамью, на которой только что сидел сам.

Несмотря на гримасу боли, искажившую лицо, паренек по-прежнему смотрел вызывающе и дерзко. Рука, зажимающая раненое ухо, покраснела от крови и поблескивала в тусклом свете.

– Гляните, гляните усе! – что есть мочи орал мальчишка. – Вы усе видэли! Этот гад прэкончил усю маю сэмью, а теперь хочет убить минэ.

– Лучше заткнись, парень! – рявкнул Эспер. – По-хорошему тебя прошу, заткни глотку!

Он схватил меч незадачливого убийцы и положил рядом с собой на скамью, так чтобы мальчишка не мог до него дотянуться. Собственный кинжал лесничий по-прежнему держал наготове.

– Арманн, принеси-ка мне еще пива, – окликнул Эспер.

– Ты расколотил мою кружку, – в ответ рявкнул трактирщик, круглое лицо которого побагровело от досады.

– Ты шевели ногами, пока я еще кое-что не расколотил.

Кто-то из углежогов рассмеялся, услышав слова лесника, и к нему присоединились остальные. Минуту спустя в таверне вновь царило оживление. Люди болтали и смеялись, позабыв о разыгравшейся у них на глазах стычке.

Пока слуга ходил за пивом, Эспер внимательно разглядывал злополучного мстителя. Мальчишка сидел, угрюмо потупившись, окровавленные пальцы дрожали. Он больше не делал попыток наброситься на лесничего. Казалось, отвага и решимость вытекли из него вместе с кровью.

Так происходит сплошь и рядом, отметил про себя Эспер. Небольшое кровопускание – отличное средство, когда надо привести в чувство такого вот зарвавшегося сопляка.

– Так что случилось с твоей семьей, парень? – спокойно и дружелюбно спросил он.

– Будтта ты не знашь. Карлевский прихвостэнь.

– Тебе что, мало показалось? Может, добавить? Вижу, чтобы выбить из тебя дурь, понадобится еще несколько хороших оплеух. Заруби себе на носу: я не слишком люблю, когда мне угрожают. И совсем не люблю, когда меня почем зря называют убийцей. Хотя мне ровным счетом наплевать на то, что там произошло с каким-то сбродом. Все, что меня волнует, – это лес. Я служу, чтобы он был в целости и сохранности. Потому что это моя работа. Охранять королевские владения. Так что не выводи меня из терпения, приятель, а то хуже будет...

– Они... мая сэмья... они усе... они погубились, – едва слышно пролепетал парнишка и внезапно разрыдался.

Слезы текли по его измученному бледному лицу, оставляя на щеках грязные полосы. Эспер догадался, что, скорее всего, незадачливому убийце нет и пятнадцати. Наверное, лет тринадцать, просто он слишком рослый для своего возраста.

– Прекрати распускать нюни, – пробормотал Эспер. – Слезами горю не поможешь.

– Эспер Белый!

Звонкий голос заставил лесничего вскинуть голову. Перед ним стояла Винна Рафути, дочь хозяина таверны. Она была в два раза моложе Эспера, ей едва исполнилось девятнадцать. Винна выросла настоящей красоткой: нежное овальное личико, сияющие зеленые глаза, соломенно-желтые волосы. К тому же девица эта отличалась вздорным и своевольным нравом и была удивительно остра на язык. От таких только и жди неприятностей. Эспер старался держаться от нее подальше.

– Винна...

– Никакая я тебя не Винна. Ты разбил одну из наших лучших кружек да вдобавок затеял драку и чуть не вышиб этому несчастному молокососу мозги. И теперь ты что, намерен пить пиво и ждать, пока из него вытечет вся кровь?

– Да подожди ты! Послушай...

– Я не собираюсь тебя слушать, хотя ты и королевский слуга. У меня есть дела поважнее. Например, отвести этого мальчика в заднюю комнату и перевязать ему рану. И ты мне поможешь. А потом ты выложишь несколько монет за разбитую кружку. Иначе пива больше не жди.

– Ну, ваша таверна – не единственная в городе...

– Но ведь ты здесь? И если ты хочешь быть у нас желанным гостем...

– Ты хочешь меня выгнать?

– Нет. Зачем выгонять королевского слугу? Но если твое пиво по вкусу будет напоминать мочу, моей вины тут нет.

– Да ваше пиво и так немногим лучше мочи, – проворчал Эспер.

Винна, не удостоив лесничего ответом, уперла руки в бока и смерила его насмешливым взглядом. Эспер внезапно ощутил предательскую дрожь в коленях. За те двадцать пять лет, что он служил лесничим, ему приходилось сталкиваться с разным диким зверьем – и с кабанами, и с медведями, и даже со львами. А уж о браконьерах и незаконных порубщиках леса и говорить нечего. Со всеми он справлялся без труда. Но вот приручать норовистых красоток так и не научился.

– Ты что, забыла? Этот сопляк хотел меня убить. С тем сюда и явился, – попытался оправдаться Эспер.

– Что ж в этом удивительного? Мне и самой частенько хочется тебя прикончить. Или хотя бы надавать хороших тумаков. – С этими словами Винна вытащила из кармана чистую тряпку и протянула парнишке. – Как тебя зовут? – участливо спросила она.

– Ускаор, – пробормотал мальчик. – Ускаор Фралетсон.

– Не волнуйся, Ускаор, этот громила лишь слегка рассек тебе ухо. Крови много, а царапина ерундовая. До свадьбы заживет.

Эспер испустил долгий тяжкий вздох и резко встал, с грохотом оттолкнув скамью.

– Пошли, парень, – процедил он. – Тебе и в самом деле надо привести себя в порядок. Думаю, урок пойдет тебе на пользу, и в следующий раз, когда задумаешь меня прикончить, будешь действовать осмотрительнее. Скажем, попробуешь прирезать спящим в постели. И как знать, может удача от тебя не отвернется.

Но когда мальчик встал и, покачиваясь, сделал несколько шагов, Эспер вновь ощутил пронзительный запах смерти. Взгляд лесничего впервые упал на правую руку юного злоумышленника, и он увидел, что та сплошь покрыта багровыми и синими кровоподтеками. По спине у Эспера пробежали мурашки.

– Что это у тебя с рукой, парень? – спросил Эспер. – Кто ее так изукрасил?

– Нэ знаю, – одними губами прошептал Ускаор. – Нэ помятую.

– Пойдем, пойдем, Ускаор, – торопила Винна. – Тебе надо прилечь. Сейчас я придумаю, где тебя устроить на ночь.

Эспер, нахмурившись, смотрел парнишке вслед. Этот молокосос хотел его убить, хотя, конечно, кишка у него тонка, чтобы справиться с королевским лесничим. Возможно, запах говорил совсем про другое, про нечто связанное с распухшей рукой Ускаора.

Теряясь в догадках, Эспер ждал, когда ему принесут очередную кружку пива.

– Он уснул, – сообщила Эсперу Винна, вновь войдя в общий зал. Довольно долгое время она провела в задней комнате, где возилась с парнишкой. – По-моему, бедняга не ел и не спал несколько дней, – продолжала она. – А на руку страшно смотреть. Вся распухла и горит, как в огне. Непонятно, кто его так отделал. Никогда прежде не видела ничего подобного.

– Да, – протянул Эспер. – Может, я отрежу ему руку и отправлю в Эслен лекарям, пусть изучат?

– Хватит меня дурачить, Эсп. Ты можешь притворяться свирепым, как дикий вепрь. Но я-то знаю: лицо у тебя грубое, а сердце – доброе.

– Ты ошибаешься, Винна. Кстати, он не сказал, почему хочет моей смерти?

– Он твердит одно и то же. Думает, будто ты убил его семью.

– С чего это ему взбрело в голову?

– Винна! – раздался хриплый голос из дальнего угла комнаты. – Хватит точить ласы с этим медведем! Иди лучше сюда, налей мне пива! А то нечем промочить горло!

И в подтверждение своих слов кричавший ударил пустой кружкой об стол.

– Зря разорался, Банф, – отрезала Винна. – Ты прекрасно знаешь, где бочка, и умеешь поворачивать кран. О том, сколько ты выпил, я все равно узнаю – по количеству извергнутого.

Завсегдатаи таверны приветствовали хлесткий ответ Винны оглушительными раскатами хохота. Сама же она с невозмутимым видом опустила на скамью напротив Эспера.

– Этот парень сказал, что он и его родные поселились в лесу неподалеку от Таффского ручья, – сообщила она. – Знаешь, в нескольких лигах от того места, где ручей впадает в реку Ведьму...

– Как не знать. И насколько я понял, они поселились там незаконно.

– Да, эти бедные люди осмелились проникнуть в Королевский лес. Но это делают многие. Неужели подобный проступок карается смертью?

– Я не убивал их за это! Клянусь зубами Неистового! Я вообще их не убивал.

– А Ускаор рассказал мне, что всех его родных убили люди в одежде королевских цветов. Он видел это собственными глазами.

– Не знаю, что он сказал, но он не мог такого видеть. Никто из моих лесников и на тридцать лиг не приближался к ручью.

– Ты уверен?

– Провалиться мне на этом месте!

– Но тогда кто же убил родных парнишки?

– Мало ли кто. В Королевском лесу шатается немало всякого сброда. Так или иначе, дело темное. Похоже, мне придется самому заняться этим убийством и выяснить, что там произошло. – Эспер отхлебнул из своей кружки. – Говоришь, они поселились около Таффского ручья? Это примерно в двух днях езды. Завтра чуть свет мне придется двинуться в путь, так что вели Пэту приготовить лошадей.

Одним длинным глотком Эспер осушил кружку и встал из-за стола.

– Ладно, пока, Винна. Приятно было повидаться.

– Погоди, Эспер. Разве ты не хочешь поговорить с парнишкой? Выяснить, что ему известно?

– Не вижу надобности. Скорее всего, он никого не видел. А уж насчет королевских цветов точно врет.

– Почему ты так в этом уверен?

– Можешь не сомневаться, Винна. Все, кто поселился на королевских землях незаконно, живут в постоянном страхе перед законом. Думают, их вздернут на виселицу, отрубят им головы или затравят псами. А меня вообще считают чем-то вроде двуглавого уттина. И, говоря откровенно, я ничего не имею против подобной славы. Но иногда она выходит мне боком. Кто-то убил родных этого мальчишки. Он не видел кто, но, разумеется, вообразил, что всему виной я, вот и решил отомстить.

– Но его родные и в самом деле мертвы, – возразила Винна.

– Да, – кивнул головой Эспер. – В эту часть его истории я верю. Спокойной ночи, Винна.

– Ты собираешься отправиться туда сам?

– Все мои люди сейчас далеко. Надо действовать, пока след еще не остыл.

– Подожди кого-нибудь. Пошли за Донгалом.

– Некогда. Почему ты так нервничаешь, Винна? Я знаю, что делаю.

Винна медленно покачала головой.

– Я чувствую, что теперь многое изменилось. Обитатели леса... изменились.

– Я знаю лес лучше, чем кто-либо. Все осталось таким же, как и всегда.

Винна, не отвечая, задумчиво кивнула.

– Ладно, я пошел. Еще раз доброй ночи, – повторил Эспер.

Неожиданно девушка схватила Эспера за руку и крепко сжала ее.

– Прошу тебя, будь осторожен, – шепнула она.

– А как же иначе, – пробормотал он и торопливо отвернулся, надеясь, что Винна не заметила, как его небритые щеки вспыхнули предательским румянцем.

Эспер поднялся с первыми петухами. За окнами еще стояла темнота, нарушаемая лишь светом меркнувших звезд. Но к тому времени, как лесничий побрызгал себе в лицо водой из глиняного таза, кое-как сбрил жесткую серую щетину, натянул кожаные штаны и заплатанную куртку, небо на востоке слегка порозовело.

Эспер поколебался, прежде чем облачиться в обшитую кожей тяжелую кирасу: судя по всему, день предстоял жаркий.

После недолгого раздумья он все же надел и кирасу. Лучше жара, чем смерть.

Затем Эспер сунул в ножны кинжал с костяной ручкой и закрепил на поясе своей боевой топор. Извлек из чехла лук, проверил, нет ли трещин, хорошо ли натянута тетива, пересчитал стрелы. После чего вновь сунул лук в чехол, зашнуровал высокие ботинки на толстой подошве и спустился по лестнице вниз.

– Ты, я смотрю, ранняя пташка, – приветствовала его Винна, когда он проходил через зал.

– Нам, старикам, по утрам не спится, – проворчал Эспер.

– Садись, позавтракай. Если только в такую рань тебя не воротит от еды.

– О, хорошо, что ты мне напомнила! Мне надо бы купить...

– Если ты о еде, то мы упаковали тебе недельный запас. Пэттар как раз сейчас навьючивает твою лошадь.

– О, благодарю.

– Присаживайся.

Эспер послушно опустился на скамью, и Винна поставила на стол тарелки с черным хлебом, чесночной колбасой и печеными яблоками. Эспер проворно уничтожил все до последней крошки. Покончив с едой, он огляделся по сторонам. Винны в комнате не было, но он слышал, как она возится на кухне. На мгновение он вспомнил собственный дом, свою кухню, где тоже когда-то возилась женщина.

С тех пор прошло много лет, а боль так и не утихла. Винна так молода, что могла бы быть его дочерью. Чувствуя себя малодушным трусом, он тихонько поднялся и, стараясь не привлекать внимания Винны, пошел к двери. Оказавшись во дворе, он двинулся напрямик к конюшне.

Пэттар, младший брат Винны, возился с лошадьми – Ангел и Огром. Пэт был долговязым, белобрысым, нескладным мальчуганом. Интересно, сколько ему лет, подумал Эспер. Должно быть, тринадцать. Как и тому, вчерашнему.

– Доброе утро, сэр, – улыбнулся Пэт, увидев лесничего.

– Я не рыцарь, парень.

– Да, но из моих знакомых вы ближе всех к рыцарскому званию. За исключением, конечно, старого сэра Саймена, что живет в замке Тор Скат.

– Рыцарь есть рыцарь. Сэр Саймен рыцарь. Я – нет. – Эспер кивнул в сторону своих скакунов. – Лошади готовы?

– Огр рвется в путь, а Ангел – нет. Думаю, вам стоит оставить Ангел у нас. – Пэт потрепал чалую по шее.

– Она сама тебе так сказала? – усмехнулся Эспер. – Должно быть, устала после вашей вчерашней скачки.

– Да я вовсе...

– Давай, давай, соври. Я тебя как следует выпорю, а твой отец только поблагодарит меня за это.

Пэт покраснел как рак и уставился в землю.

– Ну... она застоялась в стойле.

– В следующий раз спроси разрешения. И пожалей себя, не вздумай покататься на Огре. Как раз в этот момент гнедой жеребец громко фыркнул, словно подтверждая слова хозяйина, а Пэт рассмеялся.

– Что смешного?

– Вчера Том уже пытался прокатиться на Огре.

– И где его похоронили?

– Он лишился двух передних зубов, только и всего.

– Редкостный счастливец.

– Так точно, мастер Белый.

Эспер потрепал Огра по холке.

– Я вижу, парень, ты все упаковал как следует. Хочешь укрепить мой лук и колчан со стрелами?

– Еще бы! – В глазах мальчугана вспыхнули огоньки радости.

– Тогда действуй, – распорядился Эспер и протянул ему оружие.

– А это правда, что вы убили из этого лука шесть уттинов?

– Уттинов не существует, парень. Как и греффинов, альвов, василисков и добросердечных сборщиков налогов.

– Мой отец тоже так говорит. Но Ринк как-то рассказывал, что однажды его дядя видел уттина своими глазами...

– Напился и случайно увидел собственное отражение.

– Ну ладно, но ведь Черного Варга и его шайку вы и в самом деле убили? Вы были один, а их десять.

– Да, – коротко ответил Эспер.

– Когда-нибудь и я сделаю что-нибудь такое!..

– Это отнюдь не все, что надо делать, – ответил Эспер, и вскочил в седло.

Огр тронулся с места. За ним последовали Ангел и Пэт.

– А ты куда собрался, парень? – удивился Эспер.

– В долину реки Ведьмы. Прошлым вечером там раскинули свой лагерь сеффри. Хочу пойти к ним, попросить, чтобы они мне погадали. Говорят, они мастера предсказывать судьбу.

– Держись от них подальше и сбережешь деньги, – посоветовал Эспер.

– Почему, мастер Белый? Вы ведь сами выросли среди сеффри? Разве Грязная Джесп не заменила вам мать?

– Да. И поэтому знаю, что говорю.

Для лагеря сеффри выбрали прекрасное место над рекой – поросший фиалками луг, с трех сторон окруженный дубовой рощей. Они еще не успели раскинуть свои разноцветные шатры. Лишь один, самый большой, полинявший от солнца и ветра пурпурный с золотом шатер уже был установлен, и флаг клана – три глаза и полумесяц – развевался на теплом летнем ветру. Стреноженные лошади паслись на шелковистой траве, а с десятков мужчин и несколько десятков ребятишек вбивали в землю колья, разматывали веревки и разворачивали свернутые шатры. Большинство из тех, кто суеился на лугу, были раздеты до пояса, так как нежные лучи утреннего солнца не могли обжечь их молочно-белую кожу. В отличие от большинства народностей, сеффри никогда не загорали на солнце. Как только оно становилось по-настоящему жарким, сеффри с головы до ног закутывались в длинные одежды.

– Эй, привет, – заметив Эспера, крикнул один из мужчин, узкоплечий и долговязый парень. На первый взгляд ему можно было дать лет тридцать, но Эспер знал: внешность обман-

чива, и на самом деле этому человеку далеко за сорок. Эфаса он знал с детских лет, и тот был несколькими годами старше.

– Никак к нам пожаловал Ублюдок Грязной? – громогласно осведомился сеффри, выпрямившись и положив на землю молоток.

Эспер спешил. Ублюдок Грязной. Нельзя сказать, чтобы это прозвище было ему по душе.

– Привет, Эфас, – откликнулся он, стараясь скрыть свое раздражение. – Рад видеть тебя.

– Явился, чтобы прогнать нас?

– С чего это ты взял? Не скрою, я предпочел бы, чтобы вы разбили свой лагерь в другом месте, вне моей юрисдикции. Но я просто заехал по пути.

– Это великодушно, – сеффри склонил голову в поклоне. – *Она* сказала, что ты непременно явишься сегодня. А она никогда не ошибается.

– Кто, она?

– Матушка Килт.

– Клянусь Мраком! Она еще жива?

– Они редко умирают, эти старухи.

Эспер отступил от Эфаса на несколько шагов. Они были примерно одинакового роста, но на этом сходство кончалось. Крепко сбитый, широкоплечий Эспер походил на кряжистый дуб, а тонкокостный Эфас казался рядом с ним гибкой ивой. К тому же вблизи кожа Эфаса напоминала карту – сеть вен и багровых прожилок покрывала ее, подобно паутине рек и ручейков. На узкой волосатой груди виднелись шесть сосков – в точности как у кошки. Волосы, черные как вороново крыло, были схвачены золотистой лентой.

– Откуда ты явился на этот раз? – спросил Эспер.

– С юга.

– Шел через лес?

Ярко-синие глаза Эфаса буквально полезли на лоб.

– Как же ты плохо о нас думаешь, королевский лесничий! Мы никогда не входим в леса короля Рэндольфа, не получив на это разрешения.

– Король Рэндольф скончался тринадцать лет назад. Нынешнего нашего короля зовут Уильям.

– Не имеет значения.

– Хорошо, попробую объяснить. Я направляюсь к Таффскому ручью. Прошлым вечером один мальчуган заявил, что всю его семью убили поблизости от этих мест. Буду признателен, если ты со мной поделишься сведениями. Допытываться о том, кто тебе об этом рассказал и где, я не собираюсь.

– Очень благодарно. Но я ничего не знаю об этом, и вот что я тебе скажу: на твоём месте я бы в этот лес вообще не совался. Наоборот, бежал бы оттуда со всех ног.

– А куда вы сейчас направляетесь?

– Несколько дней отдохнем здесь, пополним запасы. А потом? Куда-нибудь. Может, в Тери Галле, может, в Виргенью.

– Почему?

Эфас кивнул головой в сторону самого большого шатра, украшенного флагом.

– Потому что *она* так сказала. Что до меня, я ничего больше не знаю и знать не хочу. Но ты можешь спросить у нее сам.

– Хм-м. Думаю, придется.

– Что ж, это здраво.

– Хорошо. И без неприятностей, да? У меня хватает своих проблем, и я не хочу потом ловить еще и вас.

– Конечно. Ничего такого, Грязный.

Много лет назад, когда Эспер был мальчишкой, матушка Килт уже казалась ему глубокой старухой. Сейчас она превратилась в подобие призрака, стоящего на самом пороге небытия. Старая сеффри восседала на куче подушек, с ног до головы закутанная в черное покрывало. Лишь лицо ее, бледное, точно украшенная сапфировыми прожилками костяная маска, выглядывало из складок ткани. Прозрачные золотистые глаза матушки Килт пристально наблюдали за каждым движением гостя. У Джесп были глаза в точности такого же странного оттенка. И у Керлы тоже.

– Вот и ты, – раздался дребезжащий голос матушки Килт. – Джесп перед сообщила мне, что сегодня ты непременно явишься.

Эспер хотел возразить, что Джесп давным-давно мертва, но вовремя прикусил язык. Для старухи это не имело ровным счетом никакого значения. Эспер никогда не мог понять, кривят ли сеффри душой или искренне верят в собственную ложь. Впрочем, это тоже не имело значения – в любом случае их обыкновение сообщать о беседах с мертвыми, как о самом заурядном деле, действовало ему на нервы. Мертвецы мертвы и хранят безмолвие; разговаривать с ними невозможно.

– Ты хотела меня увидеть? – произнес Эспер, пытаясь скрыть охватившее его раздражение, но не слишком в этом преуспев.

– Я вижу тебя теперь. Я хотела поговорить с тобой.

– Я здесь, матушка. И внимательно тебя слушаю.

– Так же груб. Так же нетерпелив. Я думала, моя сестра воспитала тебя лучше.

– Может, она добилась бы больших успехов, если бы все остальные хоть чуть-чуть ей помогали, – процедил Эспер, уже не пытаясь скрыть раздражение. – Принимай меня таким, каков я есть, или не принимай вовсе. Не я хотел говорить с тобой.

– Да, это так.

До определенной степени слова старухи были правдой, однако Эспер не желал признаваться в этом даже самому себе. Он резко повернулся, намереваясь уйти.

– Терновый король просыпается, – раздался ему вслед хриплый шепот матушки Килт.

Эспер замер на месте, ощущая затылком какое-то неприятное покалывание. Потом он медленно повернулся и уставился прямо в лицо старухи.

– Что ты сказала?

– Терновый король. Он пробуждается.

– Чушь, – отрезал Эспер, чувствуя при этом, как земля уходит у него из-под ног. – Всю свою жизнь я странствую по королевским лесам. Я приникал в самые темные, непроходимые чащобы, поднимался высоко в Заячьи горы, туда, куда не забредают даже олени. И нигде я не встречал никакого Тернового короля. Вы, сеффри, любите сочинять глупые сказки.

– Ты сам знаешь, что это правда. Он спал и потому был невидим. Сейчас он пробуждается. Есть признаки. Наверняка Джесп учила тебя, как их определить.

– Она учила. А еще она учила меня мошенничать при игре в кости и говорить голосом духа на ее сеансах.

Лицо старой женщины стало еще более непроницаемым и суровым.

– Тогда ты должен различать, – прошипела она. – Чувствовать разницу между холодом и жарой, между легким ветерком и бурей. – Она подалась вперед, чтобы быть к нему ближе. – Загляни мне в глаза! Загляни туда!

Эспер не имел ни малейшего желания повиноваться ее приказу, но глаза матушки Килт неодолимо приковывали его взор. Наверное, нечто подобное ощущает мышь, которую гипнотизирует змея. Золотистая радужная оболочка, окружавшая зрачки старухи, все расширялась, пока Эспер не утонул в ней окончательно. И тогда...

Все деревья в лесу превратились в виселицы, гниющие трупы болтались на каждом суку. Да и сами деревья гнили на корню, стволы их покрывали острые черные шипы, а на голых

ветвях, лишившихся листьев, сидели привыкшие питаться падалью птицы – вороны и грифы, жирные, раздувшиеся от сытости.

В гуще леса меж деревьями мелькали какие-то причудливые тени, словно там двигалось нечто громадное. Эспер попытался разглядеть, что это такое, но движение, которое он замечал краем глаза, немедленно прекращалось, стоило ему повернуться.

А потом он присмотрелся к трупу, висевшему ближе остальных. Ветка, стягивающая шею женщины, почти сгнила, да и от самой повешенной остались лишь кости, на которых лишь кое-где держались куски почерневшей плоти. Но глаза по-прежнему были живы и горели огнем – холодным золотистым огнем...

Как и те, в которые он смотрел сейчас. Глаза матушки Килт.

Сделав над собой усилие, Эспер медленно отвел взгляд. Матушка Килт разразилась коротким хриплым смехом.

– Ты видел сам, – изрекла она.

– Ерунда, – попробовал возразить Эспер, хотя ноги его дрожали мелкой дрожью, а по спине стекал холодный пот. – Обычный фокус.

Матушка Килт откинулась назад.

– Ладно, хватит. Я думала, ты тот, чье появление было предсказано. Возможно, я ошиблась. Ты ничего не знаешь и не желаешь знать.

– Я могу лишь надеяться.

– Позор. Стыдись. Если я в тебе ошиблась, значит, избранный еще не родился. А если он еще не родился, значит, твой народ – и мой тоже – скоро будет сметен с лица земли, и от нас не останется даже следов. Только тупицы могут сомневаться в этой части предсказания. Но ты, как я вижу, и есть тупица, упорствующий в своей тупости. Моя сестра зря погубила свою жизнь. – С этими словами матушка Килт опустила черную ткань себе на лицо. – Я сплю, – раздалось из-под покрывала. – Оставь меня.

Эспер повиновался. Выйдя из шатра, он с трудом подавил в себе непривычное желание пуститься наутек. Лишь когда не менее лиги отделяло лесничего от лагеря сеффри, он вздохнул свободнее.

Терновый король.

«Полная чушь», – повторял про себя Эспер.

Но краем глаза он по-прежнему улавливал какое-то непонятное движение.

2. В другой таверне

– Королева, конечно, должна умереть первой. Она представляет наибольшую угрозу для наших планов.

Речь говорившего была правильной и грамотной, однако в шипящем голосе слышался ощутимый южный акцент. От этих слов по спине у Лукота пробежали мурашки, и он внезапно испугался, что в наступившей тишине сидевшие за столом услышат стук его сердца.

«Я *мышь*, – мысленно сказал он себе. – Мышь, и никто больше».

Именно так все его и звали. Настоящее его имя было Дунхальт МейпХинтгал, но никто, кроме матери, никогда не называл его Дунхальт. Для всех прочих жителей маленького городка Одфата он был Лукотом, что на местном наречии означало «мышь».

Никто не нарушал безмолвия, последовавшего за словами о смерти королевы. Спрятавшийся на стропилах под самой крышей, Лукот не видел лиц собравшихся, но знал, что их тут трое и, судя по голосам, все они мужчины. Знал он также, что они щедро заплатили МейпКоргу, хозяину таверны «Черный петух», за то, чтобы их пустили посидеть в задней комнате. По опыту Лукота это могло означать лишь одно – у них есть секретное дело, которое необходимо обсудить без посторонних глаз и ушей.

Лукоту не раз доводилось незримо присутствовать на подобных встречах. Между ним и трактирщиком существовала договоренность, согласно которой МейпКорг давал знать Лукоту всякий раз, когда кто-то выражал желание без помех побеседовать с друзьями в задней комнате. По большей части Лукот подслушивал совещания контрабандистов и бандитов. Сведения, добытые таким образом, МейпКорг нередко использовал к собственной выгоде и частью барышей неизменно делился с Лукотом.

Но сегодня в таверне собрались не контрабандисты и не разбойники с большой дороги. Впрочем, Лукоту не раз случалось подслушать, как замышляются убийства, но о таком злодеянии, как убийство королевы, речь шла впервые. Страх уступил место волнению. Тут раздался другой голос, и Лукот наострил уши.

– Королева... – пророкотал чуть скрипучий бас. – Значит, это о ней говорится в пророчестве?

– Да, причем совершенно недвусмысленно, – откликнулся первый голос. – Когда он придет, в Эслене не должно быть королевы.

– А как поступить с ее дочерьми? – подал голос третий. У него был сильный акцент, происхождение которого не мог определить даже Лукот, слыхавший на своем веку много причудливых наречий. Город Одфат стоял на пересечении дорог. Двигаясь на восток, можно было попасть в Виргенью, западная дорога вела в порт Палдх, северная в Эслен, а южная – в Ханзу. Эта южная дорога пересекалась с Великим Вителлианским путем, по которому брели пестрые купеческие караваны.

– Возможно, дочери королевы никогда не взойдут на трон, – заявил второй заговорщик.

– Однако есть силы, желающие закрепить за ними право на престол, – возразил первый. – Поэтому все они должны умереть. Король, королева и все их отпрыски женского пола. Лишь тогда наши планы смогут стать реальностью.

– Это серьезный шаг, – задумчиво проронил третий заговорщик. – Шаг, после которого вернуться назад невозможно.

Голос первого заговорщика упал до едва слышного шепота.

– Терновый король просыпается, – сообщил он. – Век людей близится к концу. Если мы не совершим, что задумали, то все наши дальнейшие действия будут бесполезны и бессмысленны. Ничего не случится.

– Согласен, – процедил второй.

– Я тоже, – подхватил третий. – Но нам следует соблюдать осторожность. Один ошибочный шаг способен погубить все. Новая эра приходит, но она еще не настала.

– Разумеется, – согласился первый.

Лукот облизнул пересохшие губы. Сладостные мысли о том, какая награда ожидает его за спасение королевы, кружились у него в голове. Да что там королевы, всей королевской семьи!

Он всегда мечтал увидеть мир и найти свое счастье и удачу. Однако у него хватало ума понять, что четырнадцатилетний мальчишка, оказавшийся на дороге без гроша в кармане, наверняка плохо кончит. Всю свою жизнь Лукот копил деньги, и теперь у него набралась сумма, по его собственному разумению, почти достаточная для путешествия.

Но теперь... теперь все будет иначе. Перед глазами Лукота уже блесело золото, груды золота. А может, ему пожалуют баронский титул. Или... Вдруг его удостоят руки принцессы? Это будет вполне справедливой наградой за подвиг.

МейпКорг, хозяин таверны, не узнает о том, что Лукоту посчастливилось услышать сегодня. Скорее всего, алчный трактирщик попытается бы шантажировать заговорщиков, выманить у них деньги в обмен на молчание. Лукот собирался иначе использовать посланный судьбой шанс. Сейчас он тихонько выберется из своего укрытия, а завтра с утра подкараулит злоумышленников у ворот таверны и как следует их рассмотрит, чтобы впоследствии подробно описать. Затем достанет из тайника свои сбережения, купит осла и отправится в Эслен. А там испросит аудиенции у императора Уильяма и расскажет об опасности, нависшей над его семьей.

Внезапно Лукот осознал, что собравшиеся за столом затихли, и, моментально позабыв о приятных мечтах, вгляделся вниз.

Один из злоумышленников вскинул голову, и хотя в потемках глаз было не видно, Лукот всей кожей ощутил его гневный взгляд.

Но этот человек никак не мог его заметить! Затаив дыхание, Лукот ждал, когда наваждение развеется.

– Твое сердце слишком громко стучит, парень, – произнес заговорщик. Голос его был вкрадчив и мягок, точно бархат.

Лукот попытался спастись бегством, но явь неожиданно обернулась ночным кошмаром. Чердак таверны он знал как свои пять пальцев, однако сейчас все вокруг словно прониклось к нему ненавистью и всячески ему препятствовало. Несколько ярдов, которые надо было преодолеть, чтобы оказаться в безопасности, показались Лукоту бесконечными. Но несмотря на испуг, какая-то часть его рассудка сохраняла ясность и отдавала дельные распоряжения.

«Беги к чердачному окну и прыгай вниз, – твердил внутренний голос. – Твои преследователи наверняка побегут к дверям, и ты выиграешь время. Время, достаточное для того, чтобы найти укромное местечко и спрятаться. Такому мышонку, как ты, это сделать нетрудно».

Что-то ударило его по лицу, однако удар оказался не слишком сильным. Лукот догадался: это заговорщики швырнули в него каким-то предметом, – и порадовался, что им под руку не подвернулось ничего более увесистого.

А потом он вдруг понял, что загадочный предмет как будто прилип к его шее. Однако у Лукота не было времени с ним разбираться. Он перелез через перегородку, которая чуть-чуть не доходила до потолка, и оказался в соседней комнате. Окно там было распахнуто, словно поджидая беглеца. Голова у Лукота слегка кружилась, и вообще, он чувствовал себя не лучшим образом. В горле почему-то першило и хотелось откашляться.

Лишь благополучно выпрыгнув из окна и выскочив на улицу, Лукот понял, что за предмет так крепко прилип к нему. К немалому своему удивлению, он обнаружил, что это рукоять кинжала. Рукоять? Что за ерунда... А куда же подевался сам клинок?

А потом Лукот вдруг осознал, что произошло. Рукоять торчала из шеи, потому что лезвие кинжала впилося ему в горло. Теперь он явственно ощущал смертоносное острие.

«Не трогай кинжал, – приказал Лукоту внутренний голос. – Если ты его выдернешь, то истечешь кровью».

Лукот бросился по улице наутек. Рукой он судорожно сжимал рукоятку кинжала, а слабеющий рассудок отказывался поверить в реальность произошедшего.

«Все будет хорошо, – упрямо повторял про себя Лукот. – Это просто царапина. Я непременно выживу. Сейчас я пойду к старому коновалу, он вытащит кинжал и зашьет рану. Все будет хорошо».

За спиной Лукота раздались тяжелые шаги. Обернувшись, он увидел какую-то тень, явно имеющую человеческие очертания.

И тень эта стремительно приближалась к нему.

Собрав последние силы, Лукот побежал.

Он ощущал, как что-то булькает у него в горле, мешая дышать. Перед глазами расплывались красные круги, его тошнило. Внезапно Лукот понял, что ноги отказываются ему повиноваться и вся левая сторона тела онемела. Однако он, шатаясь, проковылял еще несколько шагов.

«Святые, смилуйтесь надо мной, спасите меня, оставьте меня в живых, и я никому не скажу о том, что слышал», – пытался произнести он, но язык уже не двигался.

А потом Лукот почувствовал, как что-то холодное вошло ему в спину. За первым ударом последовал еще один, потом еще. Возможно, их было три, возможно, четыре. Последний показался Лукоту легким и нежным, словно поцелуй, и пришелся точно в основание черепа.

– Спи спокойно, парень, – раздался над ним мягкий, вкрадчивый голос.

Он так походил на голос святого, что душу Лукота наполнила безмерная радость.

3. Оруженосец

Плотные ночные облака скрыли луну, и свежий морской ветер придавал темноте терпкий вкус. Пальцы на руках и ногах Нейла так онемели от холода, что он почти не ощущал их. До его слуха доносились лишь завывания ветра и мерные удары волн о песчаный берег; ноздри щеко-тал солоноватый запах морской воды. Однако разыгравшееся воображение мальчика рисовало все остальное. Он видел, как в непроглядной тьме беззвучно крадутся враги. Слышал бряцанье оружия, что неминуемо раздастся сегодня на рассвете. А еще он слышал заунывную песнь духов, которые носятся в пучине волн, не зная ни отдыха, ни покоя, этих живых мертвецов с острыми, как у акул, зубами. Они открывают свои жуткие пасти в предвкушении пиршества. Скоро им достанутся куски живой плоти. Его, Нейла МекВрена, плоти.

– Рассвет уже близок, – шепотом сообщил отец, опускаясь рядом с Нейлом на песок. – Смотри, не зевай.

– Они могут быть где угодно, – раздался в темноте чей-то голос. Нейл решил, что это дядюшка Одчер.

– Нет, – возразил отец. – Есть только две удобные бухты, где они могли поставить на якорь свои корабли. Тут или на Молочном берегу. Мы – здесь. Значит, они – там.

– Говорят, эти вейханды могут передвигаться по ночам. Они, знаешь ли, поклоняются троллям. И видят в темноте не хуже этой нечисти.

– Они видят в темноте ничуть не лучше, чем мы, – отрезал отец Нейла. – И если они высадились с кораблей, сейчас они точно так же притаились на берегу и ждут, когда взойдет солнце.

– А мне плевать на то, как они видят в темноте и что они сейчас делают, – проворчал еще один голос – Одно знаю: они и думать не думают, что их ждет встреча с воинами из клана МекВрен.

Вернее, с тем, что осталось от клана, подумал Нейл. Минувшим вечером он пересчитал бойцов, и их оказалось двенадцать. А утром того же дня их было тридцать.

Нейл потер руки одна об другую, пытаясь согреть окоченевшие пальцы. Неожиданно он ощутил на затылке прикосновение крепкой шершавой ладони.

– Ты готов, сынок? – шепотом спросил отец.

– Да, па, – откликнулся Нейл.

В темноте он не видел лица отца, но особая интонация, с которой был задан вопрос, заставила мальчика вздрогнуть.

– Зря я взял тебя с собой.

– Но я уже был на войне, па.

– Да. И ты знаешь, как я тобой горжусь. Никому из воинов клана МекВрен – да и других кланов, насколько мне доводилось слышать, тоже – не удавалось убить первого врага в возрасте всего одиннадцати зим. А ты сделал это, мой мальчик. Но сейчас...

– Ты хочешь сказать, па, что сейчас нас ждет поражение? Что все мы погибнем?

– Все в воле святых, будь они неладны.

Отец Нейла прочистил горло и тихонько затянул песню, печальную и заунывную.

Мы рождены, чтоб в битве пасть.

Смейся, ворон, кушай всласть.

Нейл снова вздрогнул, услышав слова смертной песни клана МекВрен.

Но отец ободряюще похлопал его по плечу.

– Я вовсе не думаю, что мы погибнем, парень. Мы захватим их врасплох и перебьем как мух.

– И тогда господин барон щедро заплатит нам, да, па?

– Конечно. Ведь он сам затеял эту войну. И он привык держать свое слово. А сейчас нам надо быть тише воды, ниже травы. Солнце взойдет совсем скоро.

И в самом деле, небо на востоке заметно посветлело. Двенадцать человек из клана МекВрен недвижно лежали на песке, скрытые дюнами. Нейл гадал, зачем барону и вейхандам понадобился этот несчастный остров. Неужели они затеяли заваруху из-за этого жалкого клочка земли, к тому же на редкость жесткой и каменистой? Даже овец здесь пасти нельзя. Повернув голову, он бросил взгляд на море. Было уже так светло, что он смог разглядеть силуэт корабля, на носу которого красовалась лошадиная голова.

А чуть дальше еще один силуэт. И еще один.

Но у клана МекВрен один-единственный корабль....

Нейл потряс отца за рукав.

– Па, посмотри...

Вдруг что-то просвистело в воздухе и ударило отца в спину; тот дернулся и издал странный свистящий вздох. Началась перестрелка. Под градом стрел воины клана МекВрен вскочили на ноги, чтобы лицом к лицу встретиться с врагом, превосходящим их численно в три раза. Нейл на секунду зажмурил глаза, потом открыл их и побежал по песку вместе с остальными; заочневшие пальцы не ощущали холода от древка копья, но он неотрывно смотрел на свое оружие, готовясь нанести удар.

И тут стрела вонзилась ему в грудь. Она точно так же прошипела в воздухе, как и та, что поразила отца, но стон, который издал Нейл, был тоньше и жалобнее.

Нейл медленно открыл глаза и увидел, что его рука судорожно сжимает грудь, как раз напротив сердца. Дышал он так тяжело, словно только что пробежал не менее лиги. Перед глазами все плыло, и юноше казалось, будто он падает.

«Где я?»

В следующую секунду он, оглядевшись по сторонам, узнал свою каюту и ощутил мягкое покачивание судна. Дыхание стало более спокойным, и он ощутил под пальцами небольшой выпуклый шрам.

Прошло восемь лет, но в его снах каждый миг той кровавой битвы оживает с прежней отчетливостью.

Восемь лет.

Несколько мгновений Нейл недвижно сидел на койке, прислушиваясь к доносившимся с палубы голосам моряков. Потом понял, что спать больше не хочет, и поднялся, чтобы побриться. Сегодня нужно выглядеть наилучшим образом.

Нейл наточил бритву и провел острым концом по щеке, потом по крепкому квадратному подбородку; движения были тверды и решительны. Ни разу не поцарапавшись, он закончил бритье и тем же самым лезвием подровнял падавшие на глаза волосы цвета спелой пшеницы.

Воспоминания о давней битве на берегу отступили. Охватившее Нейла радостное волнение росло с каждой минутой. Сегодня великий день! Сегодня он увидит Торнрат!

Нейл побрызгал водой себе в лицо, тщательно промыл ярко-синие глаза и поднялся на палубу.

Во второй половине дня их корабль достиг мыса Странствий и долго плыл вдоль белоснежных скал, тянувшихся с левой стороны. Затем, обогнув мыс, они двинулись в сторону Пенной бухты – широкой гавани, имевшей форму полумесяца; с северной стороны ее границей служил мыс Странствий, с южной – Поднебесные утесы. С запада раскинулось море, а на востоке, куда сейчас двигался «Соленый гарпун», открывалось зрелище до того грандиозное,

что Нейлу казалось, сердце его разобьется при взгляде на это дивное диво. Что ж, смерть в столь поразительное мгновение он счел бы счастливым уделом.

– О святые моря и бури... – благоговейно прошептал он.

Ветер, разгуливавший по палубе «Соленого гарпуна», отнес в сторону эту горячую благодарность, однако стоявший рядом с Нейлом старик, Файл де Лири, услышал его слова, и лицо старца тронула счастливая улыбка. Откинув назад развевающиеся на ветру длинные седые волосы, Файл пристально взглянул на Нейла. И хотя за те шесть десятков лет, что старый рыцарь прожил на этой земле, лицо его покрылось многочисленными морщинами и шрамами, в это мгновение он казался молодым.

– Да, это она, сынок, – сказал он с коротким приглушенным смешком. – Крепость Торнрат. Что, впечатляет?

В ответ Нейл лишь молча кивнул головой. Мыс медленно удалялся. Небо на востоке было черным как уголь, и его сплошь затягивала пелена грязно-серых туч. Но на западе небосвод оставался чистым, и заходящее солнце бросало прощальные золотистые лучи на гавань и на самую неприступную крепость в мире, такую величественную на грозном фоне.

– Торнрат, – повторил Нейл. – Я помню: вы рассказывали мне...

И он осекся, пытаясь постичь рассудком то, что открылось его взору, убедиться, что это не обман зрения.

Целую треть бухты – протянувшись на расстояние не менее четырех лиг – занимала исполинская стена цвета слоновой кости. Семь огромных башен из того же камня уходили в небо, а центральная была так высока, что при взгляде на ее заостренную вершину начинала кружиться голова.

Пока Нейл, словно зачарованный, пожирал глазами крепость, военный корабль вошел в одну из шести виднеющихся в стене арок. Хотя высота мачт корабля составляла не менее двадцати ярдов, не было ни малейшей опасности, что верхушки их коснутся каменных сводов. А сами стены крепости были в два раза выше арок.

– Клянусь всеми святыми, – потрясенно выдохнул Нейл. – Неужели эта крепость – дело рук человеческих? Или, может, ее построили еще эцеслы?

Произнес последнее слово, он прикоснулся ко лбу кончиком согнутого пальца – необходимая предосторожность, оберегающая того, кто произносит имя зла.

– Нет, эту крепость построили люди, – заверил своего молодого спутника Файл. – Камень они доставляли издалека, с гор Энг Фиар, что находятся в двух сотнях лиг от берега. Строительство крепости продолжалось шестьдесят лет. Но теперь ни один неприятель не сможет напасть на Кротению с моря.

– Это настоящее чудо, – восхищенно протянул Нейл. – Я счастлив, что буду служить этой крепости.

– Нет, парень, – с улыбкой возразил Файл. – Тебе предстоит служить вовсе не груде камней, пусть даже на редкость грандиозной. Тебе предстоит служить великой империи Кротения, ее королю и славной династии Отважных.

– Именно это я имел в виду, шевер Файл.

– На королевском языке к рыцарю принято обращаться «сэр», парень.

– Хорошо, сэр Файл.

Непривычное слово Нейл выговорил с запинкой. Королевский язык вообще давался ему с трудом. На вкус Нейла, ему не хватало мелодичности и благозвучия. Но то был язык его повелителя, и Нейлу пришлось выучиться этому языку и достичь в нем такого же искусства, как в обращении с мечом, копьем и луком.

Ну или почти такого же.

– Сэр Файл, – вновь повторил он.

– А тебя скоро будут называть сэр Нейл.

– Мне трудно в это поверить. Заслуги мои не столь велики, чтобы король посвятил меня в рыцари. Впрочем, это не имеет значения. Я готов служить ему даже простым воином. Служить до тех пор, пока у меня останутся силы.

– Да будет тебе известно, парень, я был удостоен рыцарского звания, когда мне едва минуло восемнадцать зим. Я сражался рука об руку с пятью братьями Крессон в битве у Вороньей пустоши и послал в мир иной сэра Давгала МейпАвага, а на его счету было не менее двух десятков убитых рыцарей. Так что рыцарей на своем веку я навидался немало, сынок. И вот что я тебе скажу: за все свои пятьдесят шесть лет я не встречал воина, который заслуживал бы рыцарского звания больше, чем ты.

Глаза у Нейла защипало от любви и признательности к этому суровому пожилому человеку.

– Благодарю вас, сэр Файл. Благодарю вас за все.

– Видно, ветер надул тебе в глаза, парень. Ты знаешь, я терпеть не могу, когда воин распускает нюни, по какой бы то ни было причине.

– Всему виной ветер, шев... сэр.

– Вот и славно. Вот что я хотел тебе сказать. Скоро ты окажешься при дворе. Там тебя ждет много испытаний. Всегда оставайся таким, какой ты сейчас. И не позволяй никому из этих придворных щеголей сбить тебя с истинного пути. Ты воин, достойный сын своего отца и мой воспитанник. Твое дело – битвы и сражения. Помни об этом всегда. Сталь в руках воинов охраняет золото, что сияет во дворцах. Золото очень красиво, блеск его ослепляет глаза, но оно не способно разрезать даже масло. Пусть этот обманный блеск никогда не прельщает тебя, парень. Все, что тебе нужно, – надежное оружие, верное и крепкое. И помни: подчас обошление королевского двора опаснее для истинного воина, чем тысяча всадников из Вейханда.

– Я всегда буду помнить об этом, сэр. – Нейл расправил плечи. – Поверьте, вы будете мною гордиться.

– Пошли вниз. Я хочу кое-что тебе подарить.

– Я собирался сделать этот подарок лишь после того, как король посвятит тебе в рыцари. Но твои доспехи получили серьезные повреждения в битве у Темного озера, и теперь проку от них немного. И кроме того, лорд обязан снабжать своих воинов всем необходимым для битвы, правда?

У Нейла язык присох к нёбу. В течение последнего часа он уже дважды лишился дара речи от восхищения – в первый раз, когда увидел Торнрат, второй раз сейчас, когда его наставник развернул сверток из кожи тюленя и пред глазами Нейла блеснула покрытая смазкой сталь.

Нейл впервые облачился в доспехи, когда ему минуло десять лет. Сначала, до того несчастного утра, когда погиб его отец, то был нагрудник из специально выделанной кожи. Потом пришло время стального шлема и поножей и, наконец, кольчуги, которую он носил по сей день. Стальное плетение на груди было просечено вражескими ударами, однако кольчуга еще годилась в дело.

Но о доспехах, которые только что подарил ему Файл де Лири, Нейл мог только мечтать. То были латы, достойные лорда, легкие, удобные и надежные. Искусная, но простая работа, без всяких украшений и изысков.

Нейл понимал, что такие доспехи стоят целое состояние.

– Сэр Файл, я недостоин такого подарка. Как я могу... Нет, такие доспехи не для меня... Они слишком хороши.

– Они прекрасно тебе подходят, – возразил старый рыцарь. – Сделаны по твоим меркам. По тем самым, что были сняты, когда ты в последний раз заказывал себе камзол. Так что они твои, и ничьи больше. И, надеюсь, тебе известно, что отказаться от подарка – значит нанести оскорбление дарителю.

– Я... – губы Нейла расплылись в улыбке. – Меньше всего на свете я хочу оскорбить вас, сэр Файл.

– Тогда почему же ты не примеришь доспехи?

– Клянусь всеми святыми, я сделаю это немедленно.

И когда военный корабль миновал высокую арку крепости Торнрат, на палубе, сияя от гордости, появился Нейл МекВрен. Плащ с гербом дома Лири развевался поверх самых величественных доспехов, которые когда-либо носил воин. Нейл чувствовал, что сам стал сверкающим и неустрашимым, словно боевой меч.

Одно чудо следовало за другим. Миновав арку, они увидели выступающий из воды остров, покрытый холмами.

– Здесь встречаются две реки, – поведал своему воспитаннику Файл. – Кровожадная бурная Ведьма, что течет с юго-востока, и Свежесть, берущая начало на севере, в горах Барг.

– Значит, этот остров – не что иное, как королевский Инис?

– Да, ты прав. Реки сливаются в пяти лигах отсюда, с другой стороны острова, потом снова разделяются и возвращаются сюда вместе.

– Инис! Но где же Эслен? Где реки, что текут не по земле, а над землей?

– Терпение, мой мальчик, терпение. Это на востоке. Мы будем там к закату. А что до рек, ты скоро увидишь их.

Инис расстился перед ними. Плоскую равнину пересекала гряда холмов, на которых тут и там виднелись изящные замки, увенчанные остроконечными шпилями, деревенские домики с красными черепичными крышами, леса. Долина, окружавшая холмы, была почти сплошь покрыта зеленеющими полями, на которых виднелись работники. Вдали возвышались диковинные башни с огромными вращающимися колесами. Равнину пересекали многочисленные каналы, они были так длинны, что исчезали в туманной дымке за горизонтом.

Всматриваясь сверху вниз в этот мирный пейзаж, Нейл ощущал, как растет охватившее его возбуждение. Вдоль берегов реки тянулась насыпь, благодаря которой уровень воды был выше уровня земли.

– Когда наши предки захватили последний оплот эчеслов, никаких холмов здесь не было, – сообщил сэр Файл. – Так, по крайней мере, гласит легенда. Инис – так называли гору, которую эчеслы насыпали для своего замка. Но после того как они потерпели поражение, на этом месте был основан замок Эслен. Однако вся земля здесь, вплоть до самого горизонта, превратилась в болото, и трясина засосала гору.

Эчеслы знали некий магический способ, при помощи которого им удавалось сдерживать воду. А когда их власти пришел конец, вода вновь завладела этой землей. Люди, которые здесь жили, могли бы оставить эти места и перебраться на восток, но они не пожелали этого делать. Они поклялись, что отвоюют свою землю у воды.

– И им удалось узнать магическое средство эчеслов?

– Нет. Они просто работали не покладая рук. Они возвели дамбы. Построили насосы, которые ты видишь там, вдали. Ветер приводит их в движение, и они гонят воду прочь. Две тысячи лет прошло в тяжелой, упорной борьбе. Но зато теперь ты видишь результат.

И старый рыцарь опустил руку на плечо своего воспитанника.

– Так что все, что перед тобой, мой мальчик, – тоже дело рук человеческих.

И наконец, проплывая над землей, подобно героям сказочных историй, они достигли Эслена.

На самом высоком холме стоял замок, и багровые отблески заката играли на восьми его белокаменных башнях. Разноцветные флажки, украшавшие каждую из башен, развевались на фоне розоватых облаков. Казалось, город рассыпался по холму, подобно застывшему потоку воды, пролитому с самой вершины. Каждая из стен, окружавших город, останавливала этот поток, но ни одна не могла сдержать его полностью, и волны крытых шифером домов заливали

ближайшие, менее высокие холмы. Лишь докатившись до берега реки, волны эти разбивались о каменные причалы и деревянные пирсы. Низины застилали облака вечернего тумана и дыма, идущего из печных труб; во многих окнах уже зажглись уютные огоньки свечей.

– Как здесь красиво, – прошептал изумленный Нейл. – Мы словно попали в зачарованный город Квирнн, о котором говорится в старых сказках. Я даже боюсь – вдруг, стоит мне отвести глаза, все это исчезнет, как наваждение.

– Бояться нечего, – успокоил его сэр Файл. – Эслен построен из более прочного материала, чем лунный свет и паутина. Это самый настоящий город, а не видение. И если он показался тебе невероятно красивым, что же ты скажешь, когда увидишь королевский двор?

– О, я просто стораю от нетерпения...

– Тебе придется стать терпеливее, мой мальчик. Без сомнения, скоро ты научишься ждать.

«Соленый гарпун» подошел к причалу, который представлял собой нечто вроде водной площади, со всех сторон окруженной доками. В доках стояли бесчисленные суда всех цветов, форм и размеров. Один из кораблей сразу приковывал к себе взгляд – то была пятимачтовая шхуна, рядом с которой «Соленый гарпун» и все прочие парусники казались игрушечными суденышками. Нейл пожирал прекрасный корабль восхищенным взором, пока не разглядел флаг, развевающийся на одной из мачт. В то же мгновение рука его инстинктивно сжала рукоять меча.

Сэр Файл заметил его движение и сделал предостерегающий жест.

– Спокойно, сынок. Хвататься за оружие нет нужды.

– Но ведь это боевой корабль Ханзы.

– Ну и что с того? В этом нет ничего необычного. Ты что, не знаешь, что сейчас мы в мире с Ханзой и Рейксбургами?

У Нейла челюсть отвисла от изумления. Несколько мгновений он молчал, не находя подходящих слов, и наконец выпалил:

– О каком мире может идти речь, сэр Файл? Разве разбойники из Вейханда не получают от правителей Ханзы щедрую мзду за скальпы и уши представителей дома Лири? Разве их военные корабли не топят наши рыболовные суда?

– Ты говоришь о реальной жизни, а я – о политике двора, – спокойно пояснил старый рыцарь. – Это не совсем одно и то же. Двор утверждает, что между нашими странами царит мир. Так что будь благоразумен – не хватайся за меч всякий раз, как увидишь Рейксбурга, и держи язык за зубами. Понял?

Нейл сморщился, будто проглотил что-то отвратительное, однако кивнул головой:

– Да, сэр. Я все понял.

Едва корабль успел встать на якорь, на землю упала ночь. Нога Нейла впервые ступила на мостовую неведомого Эслена в полной темноте.

Впрочем, в доках горели фонари, в свете которых множество людей, мужчин и женщин, спешили по своим делам. Перед глазами Нейла мелькали лица – красивые и уродливые, добродушные и злобные, нежные и грубые. Все эти люди появлялись и исчезали, точно призраки, поднимались и спускались по трапам кораблей, встречались и расставались, куда-то торопились, что-то горячо обсуждали. В воздухе носились запахи сырой рыбы, горячей смолы, керосина и нечистот.

– Верхние ворота города уже закрыты, так что нам придется переночевать в таверне, – сказал сэр Файл, когда они, протолкавшись сквозь толпу, оказались на длинной площади, где молодые девушки и потрепанного вида женщины встретили их зазывными взглядами. Около домов жались слепые и безногие нищие, громко взывавшие к людскому милосердию. Дети, визжа и награждая друг друга тумаками, носились меж ног прохожих и колесами повозок.

Со всех сторон площадь окружали трех – и четырехэтажные дома; они походили на стоящих плечом к плечу великанов, играющих в бабки. Из окон изливался на мостовые золотистый свет, из труб валил дым, запах жареного мяса наполнял прохладный ночной воздух.

К одному из этих домов-великанов и направились путники. Позолоченная надпись над его дверями возвещала, что здесь находится таверна «Лунная рыба».

– Позаботься о наших лошадях, сынок, – распорядился сэр Файл. – Посмотри, чтобы им отвели хорошее место в конюшне. За каждую лошадь заплатишь по медной монете, ни больше и ни меньше. Потомними доспехи и ступай в общую залу. Я буду ждать тебя там.

– Будет сделано, сэр Файл, – с готовностью откликнулся Нейл.

Пирог с треской был очень хорош, намного лучше стряпни корабельного кока, но Нейл едва ли оценил кушанье по достоинству. Юноше было не до еды, так его занимало происходившее вокруг. Никогда прежде не доводилось ему видеть столько необычных лиц и диких нарядов, слышать такую причудливую смесь языков. Через два стола от них сидела компания темнокожих людей в разноцветных длинных одеяниях. Они говорили на каком-то непонятном гортанном наречии. Когда служанка принесла этим чужеземцам еду, их губы под черными усами изогнулись в гримасах отвращения, и прежде, чем прикоснуться к тарелкам, они принялись за спиной служанки делать пальцами какие-то удивительные знаки. Рядом с ними, за другим столиком, люди не менее темнокожие, судя по всему, по очереди возносили друг другу хвалы и благодарности. Они наполняли стаканы вином и опустошали их с неразумной поспешностью. Эти были облачены в камзолы мрачных расцветок, огненно-красные штаны, а на поясах у них болтались излишне длинные, нелепые на вид мечи.

Представителей некоторых народов Нейл узнал – так, тут были смешливые белокурые шиллинги, с красными, загрубевшими от рыбной ловли руками. Чуть поодаль Нейл увидел морских разбойников с островов Тер-на-Фат. За одним из столов восседал рыцарь из Хорнлада в окружении своих вассалов, каждый из которых носил герб дома Мейп-Хол – желтый олень и пять шевронов. Нейл спросил у своего наставника, известен ли ему этот рыцарь.

– Это сэр Фергюс Лонсет, – сообщил сэр Файл.

– А это кто? – и Нейл незаметно указал на крупного мужчину с темно-рыжими, коротко подстриженными волосами и ухоженной бородой.

На черном плаще незнакомца красовался герб – золотой лев, стоящий на задних лапах, три розы, меч и рыцарский шлем. За столом вместе с ним сидели еще шесть человек, судя по виду, все северяне. Они вполне могли быть вейхандами, и Нейл мгновенно ощутил приступ жгучей неприязни.

– Этого я не знаю, – пожал плечами сэр Файл. – Он слишком молод. Но герб его принадлежит дому Уишилмов из Готферы.

– Значит, он из Ханзы. Наверное, прибыл на том корабле, что мы видели в порту.

– Наверное. Помни о том, что я говорил тебе, – предостерегающе заметил старый рыцарь.

– Я помню, сэр.

Тут к их столу подошел один из вассалов хорнладского рыцаря.

– Шевер Файл де Лири, мой господин, сэр Фергюс Лонсет, просит удостоить его вашего общества.

– Сочту за честь воспользоваться его приглашением, – любезно изрек сэр Файл. – Сейчас мы присоединимся к вам.

– Согласно законам учтивости это моему господину следует присоединиться к вам, – возразил вассал. – И по старшинству, и по заслугам вам принадлежит первенство, а значит, вам надлежит остаться за столом, который вы удостоили своим присутствием.

– Вижу, парень, в правилах учтивости ты силен, – усмехнулся сэр Файл. – Но нас только двое, а вас – восемь человек, и к тому же за вашим столом больше свободного места. Старшин-

ство, спору нет, важная вещь, но здесь, в таверне, лучше руководствоваться практическими соображениями.

Старый рыцарь поднялся и повернулся к Нейлу.

– Будь так добр, сынок, попроси рыцаря Уишилма и его людей присоединиться к нам.

– Сэр, я уже пригласил его от имени моего господина – сообщил хорнладский оруженосец. – Однако он пренебрег приглашением.

– Возможно, мое приглашение постигнет столь же печальная участь, – развел руками сэр Файл. – Но хотя бы никто не посмеет сказать, что я пренебрег правилами учтивости.

Нейл кивнул и направился к столу, за которым восседал рыцарь из Ханзы и его вассалы.

Приблизившись, он несколько мгновений стоял молча, как того требовал этикет. Но никто из людей рыцаря даже не взглянул в его сторону – они отпускали шутки на своем языке и оглушительно хохотали. Наконец Нейл громко откашлялся, чтобы привлечь к себе внимание.

– Прошу прощения, – сказал он на ханзейском языке.

– Клянусь Тайвом! Это потешное создание, оказывается, говорить умеет! – рявкнул один из оруженосцев, огромный детина с перебитым носом. Он устремил на Нейла свои злобно посверкивающие голубые глаза. – Ну-ка, красотка, принеси мне пинту эля, да пошевеливайся.

Его идиотская выходка была встречена раскатами хохота.

Изо всех сил сдерживая ярость, Нейл придал своему лицу непроницаемое выражение.

– Мой господин, сэр Файл де Лири, просит удостоить его вашего общества, – процедил он.

Рыцарь из Ханзы изобразил растерянность.

– Файл де Лири? – переспросил он. – Никогда не слыхал о таком рыцаре. Если мне не изменяет память, какой-то дряхлый старикашка носит это жалкое имя, но я уверен – он никогда не был рыцарем. Такая честь не для него. А ты, значит, служишь ему, парень. Любопытно узнать, в каком качестве?

– Я его оруженосец, – с подчеркнутым хладнокровием изрек Нейл. – А если вам не известно славное имя рыцаря Файла де Лири, вы или глухи, или лишились памяти.

– Мой господин! По-моему, этот соплик хочет тебя оскорбить! – воскликнул один из ханзейских оруженосцев.

– Неужели? – глумливо ухмыльнулся рыцарь. – Откровенно говоря, я не считал нужным вслушиваться в его лепет.

Голубоглазый указал на Нейла пальцем.

– Слышишь, ты, молокосос! Мой господин не желает пачкать о тебя руки. Он сражается только с достойными рыцарями, а ты, ясное дело, к ним не относишься. Так что можешь квакать, сколько угодно. Все твои оскорбления для него – пустой звук.

– Но не для нас, – угрожающе добавил кто-то из оруженосцев ханзейского рыцаря.

– Вам повезло, – процедил Нейл. – Я дал своему господину обещание не извлекать из ножен меч и не устраивать драки в доме, который дал нам приют.

– Да этот парень трус! – взревел голубоглазый оруженосец так громко, что все разговоры вокруг смолкли и десятки глаз уставились на стол ханзейцев.

Нейл чувствовал, что его руки слегка дрожат. Однако он приложил все усилия, чтобы голос звучал твердо и невозмутимо.

– Я передал вам приглашение своего господина, и вы ответили отказом, – произнес он. – Наш разговор окончен.

С этими словами он резко повернулся и направился к столу, за которым сидели его господин и рыцарь из Хорнлада.

– Не покидай меня, красотка! – раздалось вслед. Нейл даже ухом не повел.

– Ты отлично справился с поручением, мой мальчик, – одобительно сказал сэр Файл, подвигаясь и освобождая Нейлу место на скамье рядом с собой. – Если бы ты затеял скандал в таверне, это покрыло бы позором нас обоих.

– Я никогда не покрою вас позором, сэр Файл, – выпалил Нейл.

– Позволь мне представить тебя своему новому знакомому. Сэр Фергюс Лонсет, это мой юный друг, Нейл МекВрен.

Лонсет сжал руку Нейла.

– А я было подумал, что это ваш сын, сэр Файл. Разве это не так?

– Нейл – все равно что сын для меня, но честь его рождения принадлежит другому. Его отец был славным воином, служившим нашему роду верой и правдой.

– Рад познакомиться с вами, юноша, – изрек сэр Фергюс, не выпуская руки Нейла. – Значит, вы принадлежите к клану МекВрен? Боюсь, я никогда не слыхал о таком рыцарском доме. Ваш клан примыкает к клану Финжельн, не так ли?

– Нет, сэр. Мой клан не является рыцарским домом.

За этим заявлением последовало секундное молчание, во время которого собеседник Нейла, по всей вероятности, пытался привыкнуть к мысли о том, что не все оруженосцы являются рыцарями по праву рождения.

– Что ж, приветствую вас за нашим столом, – нарушил молчание сэр Фергюс. – Тот, кого удостоил своим расположением сэр Файл де Лири, заслуживает не меньшего уважения, чем человек, в жилах которого течет кровь десяти благородных родов.

И они осушили кружки. Нейлу показалось, что некоторые из оруженосцев сэра Фергюса не вполне согласны со своим господином, однако сочли за благо промолчать.

– Скажите мне, сэр Фергюс, – подал голос сэр Файл, когда они во второй раз наполнили кружки. – Я мало что знаю о вашем прославленном дядюшке. Как ему нравится Палдх?

Оба рыцаря погрузились в разговор, а оруженосцы, согласно обычаю, хранили молчание. В большинстве своем люди Лонсета пользовались случаем, чтобы изрядно напиться. Нейл, по своему обыкновению, почти не пил.

Заметив, что в беседе двух рыцарей наступила пауза, Нейл коснулся плеча своего наставника.

– Пойду посмотрю, как там лошади, сэр Файл, – сказал он. – По-моему, Ураган слегка хромает на заднюю ногу, а Солнечный Луч повредил подкову.

– Конечно, посмотри, сынок, – кивнул головой сэр Файл, однако на губах его мелькнула понимающая улыбка. – Но не задерживайся в конюшне. Быстрее возвращайся назад.

Лошади пребывали в добром здравии. Впрочем, Нейл и не сомневался в этом. Не сомневался он и в другом – в том, что на улице перед таверной его ожидают огромный голубоглазый оруженосец и два других ханзейца.

4. Послушник

Эспер Белый устроился на ночлег в развилке меж ветвями громадного дуба; утром его разбудила музыка. То была знакомая лесная мелодия: раскатистая дробь дятла, льющаяся сверху трель жаворонка, нестройный хор цикад. Эспер потер глаза, прогоняя остатки сна, и, опершись руками на узкую деревянную платформу, укрепленную на стволе дерева, сел, чтобы полюбоваться рассветом.

Ветер шумел меж ветвями дубов; казалось, деревья потягиваются, расправляя со сна свои узловатые конечности, и оживленно переговариваются, приветствуя друг друга.

Поддеревом заржал Огр. Эспер, нагнувшись, убедился, что лошади стоят там, где он оставил их прошлым вечером. Отсюда, с высоты, огромные кони казались не больше собак.

Дятел вновь издал барабанную дробь, и Эспер принялся спускаться. Он с умыслом позволил себе поспать подольше. Эсперу нравилось встречать рассвет в ветвях дерева, наблюдать, как первый золотистый луч скользит по высоким кронам и все вокруг оживает, приходит в движение. Эта роща, где росли древние дубы, которых он называл монархами, была самым подходящим местом для подобного пробуждения. Хотя Королевский лес занимал огромное пространство, частые пожары, вырубки и болезни привели к тому, что в нем почти не осталось могучих дубов. В лучшем случае, один-два таких великана возвышались над остальными деревьями. А здесь, в роще, дубы на протяжении нескольких лиг стояли гордыми, стройными рядами. Они казались древними титанами, которые переплели свои мускулистые руки, готовые дать отпор любому врагу. Эта роща была особым заповедным миром, где человек мог провести всю жизнь, утоляя жажду влагой, что собиралась в поросших мхом ложбинах, питаясь грибами, белками и бескрылыми куропатками, которые во множестве сновали меж узловатых корней.

Здесь, в роще, весь остальной мир, тот, где жили королевские вассалы и сеффри, словно не существовал.

По крайней мере, так показалось Эсперу, когда он мальчишкой впервые забрел в эту рощу и устроил себе укрытие между ветвей. В ту пору он часто мечтал, как здорово было бы поселиться здесь навсегда.

Но даже монархи погибают от огня или ударов топора. И то, что кажется вечным, пожирает разбушевавшийся лесной пожар или уничтожает отряд дровосеков, выполняющих прихоть своего господина. Юный Эспер видел это собственными глазами. То был один из немногих случаев за всю жизнь, когда он не смог сдержать слез. Тогда-то Эспер и решил, что непременно станет лесничим.

Спору нет, Королевский лес – очень гордое имя. Но королю-то до своих владений и дела нет. Он приезжает сюда раз или два за год, поохотиться. В одном этот молокосос, что набросился на Эспера в таверне, был прав. На самом деле это лес не короля, а Эспера. Лес, который он защищает и оберегает.

И сейчас в этом лесу творится что-то неладное. Конечно, сеффри – отъявленные лжецы и выдумщики, и доверять их словам нельзя. Но если они покинули лес с его бесчисленными укромными пещерами, лес, в непроглядные заросли которого не проникают солнечные лучи, значит, на то были веские причины. Всем известно: сеффри не любят солнца, они предпочитают тень и полумрак. И все же они отважились выйти из леса на открытую равнину.

Размышляя обо всем этом, Эспер неспешно спускался вниз по стволу, опираясь ногами на сучья, и наконец оказался на земле, там, где вздувались узловатые корни.

Под сенью кряжистых дубов от недостатка света погибала вся прочая растительность, за исключением мха и папоротников, – деревья-монархи были настоящими тиранами.

Однако лоси и олени нередко заходили сюда, чтобы полакомиться желудями, толстым слоем покрывавшими землю. Дикие кошки, для которых лоси и олени были самой желанной

добычей, тоже не обходили рощу стороной. Как раз сейчас Эспер заметил в ветвях одного из этих хищников; пятнистый зверь устремил на него настороженный взгляд. Дикая кошка была невелика, лишь в три раза больше своих домашних собратьев. Эспер знал, что в Заячьих горах по-прежнему водятся львы, а в предгорьях порой можно встретить огромных пантер. Но опасаться диких зверей – не в привычках лесничего.

Огр бросил на хозяина взгляд искоса, нетерпеливо переступая ногами по ковру из почерневших прошлогодних листьев. Кроткая Ангел приветственно кивнула.

– Не смотри на меня так, коняга, – проворчал Эспер, поглаживая Огра по холке. – Чтобы пасться, у тебя была ночь. Или хочешь, чтобы я начал тебя привязывать или оставлять стреноженным?

Огр по-прежнему смотрел на хозяина укоризненно, однако позволил Эсперу сесть в седло и двинулся шагом, осторожно переступая через могучие корни. Вскоре они вновь оказались на Старой Королевской дороге, что тянулась вдоль гряды невысоких холмов. Дорога была выложена каменными плитами и благодаря насыпи возвышалась над уровнем земли. Нависающие над дорогой ветви деревьев были срублены, чтобы повозки могли проезжать беспрепятственно. Эспер не слишком жаловал Старую Королевскую дорогу. Для него она была оскорблением лесного величия, зияющей раной на живом теле леса. Впрочем, дубы-монархи, как видно, считали подобную рану пустяковой царапиной и не обращали на нее ни малейшего внимания.

К полудню Эспер захотел пить. Не желая тратить свой запас воды во флягах, он спустился и спустился вниз по холму. Лесничий знал: там, в ложбинке, бил необыкновенно чистый и холодный родник; вода его по вкусу не имела ничего общего с дождевой, которую пили в деревне. Родник Эспер нашел без труда, он весело журчал в расщелине скалы, чтобы через несколько шагов – широких мужских шагов – впасть в Эдвинов ручей. Эспер опустил на колени, сложил ладони пригоршней, но, так и не успев утолить жажду, застыл в недоумении.

Родник по-прежнему жизнерадостно журчал, однако природная песчаная криница была полна черными лягушками. Заметив человека, они попытались выбраться прочь. Примерно с полдюжины дохлых лягушек плавали на поверхности воды животами вверх.

В роднике оказались не только лягушки. Мертвый речной угорь, длиной не менее ярда, разлагался на дне ложбинки; глаза его были затянуты мутной пленкой. Эспер заметил также нескольких крупных жаб. Все они были живы, но, судя по всему, находились на последнем издыхании и при виде Эспера даже не сделали попытки ускакать.

Лесничий торопливо отвернулся, чувствуя, как его желудок судорожно сжимается. Никогда в жизни он не видал столь грустного и отвратительного зрелища.

Справившись с тошнотой, Эспер пошел вдоль журчащего потока, к тому месту, где родник впадал в ручей. Вода кишмя кишела дохлыми лягушками, а на дне виднелись трупы рыб.

В ручье также плавала дохлая рыба. Некоторые рыбыны зацепились за поросшие папоротником берега, другие запутались в сетях корней и водорослей.

Дрожь пробирала Эспера до самых костей. Он достал из чехла свой лук и, держа его наготове, двинулся вверх по течению. По непонятным причинам ручей оказался отравленным, и его обитатели устремились в родник в поисках чистой воды. Но кто мог совершить такое злодеяние? И главное, зачем? Эспер знал, что кое-кто из местных жителей порой использует во время рыбной ловли корни сонной травы – одурманенная рыба сама идет в руки. Но это средство действует лишь в маленьких закрытых водоемах. Для того чтобы отравить такой большой ручей, не хватит всей сонной травы в мире.

Эспер прошел уже сто шагов, а ручей по-прежнему был полон трупиками; еще через сто шагов печальная картина оставалась прежней. Лесничий уже собирался вернуться к своим лошадям, как вдруг увидел, что вода стала чистой. Эспер еще немного продвинулся вверх по течению, чтобы убедиться в этом, затем вернулся и тут обратил внимание на еще одно странное

обстоятельство. Заросли папоротника, видневшиеся по берегам ручья, высохли и пожелтели. Несомненно, растения умирали, подобно лягушкам и рыбе.

А поблизости от родника Эспер обнаружил след.

На плотной лиственной подстилке, покрывающей землю в лесу, следы были видны не слишком отчетливо, однако на вязком берегу ручья Эспер разглядел глубокий отпечаток когтистой лапы. Хотя вода уже наполнила след и размыва его очертания, у лесничего не вызывало сомнений, что след этот принадлежит представителю семейства кошачьих. Однако то была кошка огромных, прямо-таки невероятных размеров. Куда крупнее, чем рысь и даже чем пантера. Эспер попытался накрыть след ладонью и не смог этого сделать, а рука у него была не из маленьких. Даже львы, что водятся в Заячьих горах, не оставляют таких громадных следов, – подумал он. Если здесь действительно побывала кошка, то размером она никак не меньше лошади.

Эспер обвел контур следа пальцем. Удивительно, но стоило лесничему прикоснуться к отпечатку лапы неведомого зверя, как он ощутил металлический привкус во рту, а желудок вновь болезненно сжался, явно намереваясь извергнуть все содержимое. Повинуясь инстинкту самосохранения, Эспер на внезапно ослабевших ногах отошел от ручья шагов на пятнадцать и опустился на землю. Голова у него шла кругом, он дрожал как в лихорадке.

Лесничий просидел без движения довольно долго, пока слуха его не коснулись голоса, долетевшие издали. Со стороны дороги.

Как раз оттуда, где он оставил лошадей.

Тогда Эспер встал и, преодолевая слабость, поспешил назад, стараясь двигаться как можно быстрее и не поднимать шума. Голова у него по-прежнему кружилась, но тошнота отступила и к ногам вернулась твердость. Это позволяло надеяться, что странный недуг пройдет так же стремительно, как и овладел Эспером.

Их было четверо, и когда Эспер добрался до того места, где оставил лошадей, незнакомцы уже окружили Огра и Ангел.

– Славные коняги! Глянь-ка, на них королевское клеймо. Ну дела! – сообщил один из них, долговязый, нескладный парень, у которого не хватало переднего зуба.

– Нам лучше их не трогать. Если мы их уведем, то, провалиться мне на этом месте, добра из этого не выйдет, – заявил второй.

Этот был постарше, невысокого роста, большеносый, обросший жирком. Третий, крепко сбитый рыжеволосый малый, похоже, не имел никакого мнения на этот счет. Что касается четвертого, то у него, несомненно, имелось свое мнение, но не было никакой возможности его выразить – изо рта торчал кляп, а руки и ноги перетягивали веревки.

На вид этому последнему казалось не более шестнадцати лет, и, судя по щеголеватому наряду, он был городским жителем. Веревка, стягивающая его тонкие запястья, была прикреплена к сбруе старой желтой кобылы. Рядом стояли еще две лошади – гнедой мерин и кобыла такой же масти.

Рыжеволосый то и дело настороженно смотрел по сторонам. Дважды взгляд его, казалось, уперся прямо в Эспера, притаившегося в зарослях папоротника, однако, похоже, рыжеволосый не заметил ничего подозрительного.

– Стал бы тебе королевский слуга так запросто бросать своих коняг, – вновь подал голос долговязый. – Наверняка он погиб. Откинул копыта. Или клячи сами убегли от раззявы. Глянь-ка, они даже не стреножены.

– А зачем их стреноживать? – возразил длинноносый. – Вишь, какие умные коняги. Их хозяин, я так смекаю, отошел в сторонку, справить нужду, и вот-вот вернется.

– Далеко же его унесло, – усмехнулся рыжий. – Стыдливый, видно, малый. Не хочет, чтобы коняги видели его за срамным делом.

Эспер никогда прежде не встречал этих парней, однако он почти наверняка знал, кто они такие. Все приметы троицы в точности соответствовали описанию разбойников, которые недавно явились из Визгарта и уже успели доставить немало неприятностей купцам, путешествующим по Королевской дороге. Лесничий собирался изловить их летом, когда в распоряжении у него будет достаточно людей.

Сейчас он притаился, выжидая. Если они оставят лошадей в покое, он не будет выходить из засады, но украдкой проследит, куда эти люди направляются. Возможно, они и есть те самые неведомые убийцы, которых он ищет. Кроваво-красный, с коричневой отделкой плащ долговязого легко принять за пурпурную с золотом одежду королевских слуг.

– Мы возьмем этих кляч, – процедил долговязый. – Зачем добру пропадать? Если даже этот лопух, их хозяин, жив, здоров и бродит где-то поблизости, на своих двоих ему за нами никак не угнаться.

Он сделал несколько шагов по направлению к Огру и пробормотал: «Спокойно, спокойно. Хорошая лошадка».

Эспер, по своему обыкновению, тяжело вздохнул, вытащил из колчана стрелу и натянул тетиву лука. Ввязываться в драку ему сейчас было совершенно ни к чему, но дарить своих коней этой троице он отнюдь не собирался.

Огр тоже не собирался менять хозяина и потому начал обороняться самостоятельно. Как только долговязый приблизился к нему, огромный жеребец встал на дыбы и нанес разбойнику сокрушительный удар копытом в грудь. Долговязый полетел на землю. Его длинноносый товарищ меж тем в недоумении рассматривал невесть откуда взявшуюся стрелу, пронзившую ему бедро.

Тогда как рыжий проявил больше проворства, чем рассчитывал Эспер, да и глаз у него оказался острым. Эспер пустил в него вторую стрелу, но руки все еще дрожали от той внезапной хворобы, что приключилась у ручья. Он промахнулся, и рыжий натянул тетиву своего лука. Лесничий отчетливо видел, как стрела летит в его сторону. Зловещий полет казался ужасающе медленным, но Эспер знал, что это иллюзия. Уклониться от летящей стрелы невозможно.

Однако стрела встретила на своем пути неожиданное препятствие в виде лозы дикого винограда, отклонилась от цели и просвистела у самой щеки Эспера.

– О, Неистовый! – пробормотал Эспер, чудом избежавший смерти.

Теперь надо было действовать, не теряя ни секунды. Впрочем, рыжий тоже понимал это. Скрываясь за деревьями, оба одновременно вскинули луки. Рыжий занимал более выгодную позицию. Несомненно, разбойник не только отлично стрелял, но и был чрезвычайно легок на ногу. Перебегая от ствола к стволу, противники постепенно сходились.

Их разделяло примерно пятнадцать ярдов, когда рыжий выпустил вторую стрелу. Она попала в верхнюю часть груди Эспера, однако вреда не причинила, отскочив от кожаного нагрудника. Эспер тоже выстрелил, но промахнулся. Теперь противников разделяла небольшая рощица, где деревья росли слишком густо, не позволяя целиться.

Вновь они увидели друг друга, когда оба оказались на поляне. Расстояние между противниками уже не превышало шести ярдов. Эспер остановился, как следует прицелился и послал стрелу.

Стрела, выпущенная разбойником, пронеслась в воздухе у самого уха Эспера. На этот раз выстрел лесничего оказался более удачным. Его стрела вонзилась рыжему в плечо.

Разбойник пронзительно завизжал, словно ему заживо вспороли брюхо, и выронил лук. Пятью широкими шагами Эспер покрыл разделявшее их расстояние. Рыжий потянулся за кинжалом, но Эспер был начеку. Точным движением он нанес противнику удар прямо в локоть.

– Если хочешь остаться в живых, не дергайся, – процедил лесничий.

Разбойник вновь завершал, когда Эспер, срезав тетиву с его лука, бесцеремонно схватил пленника за висящую плетью руку и связал ее за спиной вместе со здоровой. Затем лесничий вытащил из кармана веревку, сделал петлю и накинул рыжему на шею.

– Пошел, – скомандовал он, озираясь по сторонам в поисках сообщников разбойника.

Однако опасаться было нечего. Долговязый по-прежнему валялся около лошадей, и Огр, высоко вскидывая ноги, топтал его копытами. До самой холки жеребец был забрызган кровью. Длинноносый недвижно распростерся на земле, потрясенно взирая на учиненную конем кровавую расправу.

Едва они дошли до лошадей, ноги рыжего подкосились и он повалился на землю, тяжело и хрипло дыша.

Эспер срезал поводья у желтой кобылы и перетянул ногу носатого. Взглянув на долговязого, лесничий понял, что тот уже не нуждается в помощи – осколки ребер вонзились разбойнику в легкие, и он захлебнулся собственной кровью.

Все это время юноша, привязанный к лошади, отчаянно мычал, пытаясь привлечь к себе внимание Эспера. Но тот повернулся к нему, лишь убедившись, что жизни двух уцелевших разбойников ничего не угрожает. Как только Эспер вытащил кляп, паренек торопливо заговорил.

– Благодарую, благодарую, – едва переводя дух, забормотал он на алманнийском наречии, которым явно владел несвободно. – Ты мне спасоваты...

– Я говорю на королевском языке, – отрезал Эспер, хотя прекрасно понял все, что сказал юноша.

– О, я тоже, – обрадовался тот, и его речь моментально стала правильной и чистой. – Я просто думал, вы из здешних жителей.

– Это так. Только я не идиот и выучил королевский язык, поступив на службу, – сообщил Эспер, не на шутку рассерженный замечанием мальчишки. – Кстати, Виргеня здесь совсем рядом, за горами, поэтому виргенейский язык в этих местах общеупотребителен.

– Ради всех святых, простите, если мои слова показались вам дерзкими, – смутился юноша. – Поверьте, у меня не было ни малейшего намерения вас обидеть. Я хотел лишь поблагодарить, ведь вы спасли мне жизнь. Если вас не затруднит, развяжите мне руки.

Эспер взглянул на узел. Тот выглядел не особенно сложным.

– Возможно, – буркнул лесничий.

– Прошу вас. Вы меня очень обяжете.

– А почему тебя связали?

– Чтобы я не убежал. Они ограбили меня и захватили в плен. Возможно, вы спасли мне жизнь.

– Возможно.

– Вы меня спасли. И я за это очень, очень вам признателен.

– Почему?

Юноша растерянно замигал.

– Как почему? Вы сами понимаете, мне было бы жаль расстаться с жизнью. Я еще совсем молод и чувствую – в будущем мне предстоит много свершений, которые...

– Нет, – медленно, точно разговаривая с малым ребенком, произнес Эспер. – Почему они взяли тебя с собой, после того как ограбили?

– Они, наверное, намеревались потребовать за меня выкуп.

– А почему они решили, что это получится?

– Потому что я... – Внезапно юноша осекся и бросил на Эспера подозрительный взгляд. – Вы такой же, как они, да? Вы тоже разбойник, я понял. Поэтому и не торопитесь развязывать мне руки. Тоже надеетесь получить за меня выкуп.

– Парень, – проворчал Эспер – Ты не видишь королевские цвета и знак королевского лесничего? А ты еще и идиот, раз со связанными руками оскорбляешь вооруженного незнакомца.

– Значит, вы лесничий?

– Я не лгал.

– Но я вас вижу в первый раз в жизни. Почему я должен верить вашим словам? Вдруг на самом деле вы убили лесничего и забрали его одежду?

Эспер почувствовал, как губы его против воли расплываются в улыбке. Однако он постарался скрыть ее и придал своему лицу суровое выражение.

– Такое могло случиться, – изрек он. – Но я действительно королевский слуга и не собираюсь торговать твоей шкурой или чем-нибудь еще. А кто ты такой?

Юноша приосанился и гордо вскинул голову.

– Меня зовут Стивен Даридж. Я из Дариджей с мыса Чэвел.

– В самом деле? А меня зовут Эспер Белый из Эсперов Белых. Какое дело привело тебя в Королевский лес, Даридж с мыса Чэвел? Ты потерял карету?

– Я путешествовал по Королевской дороге, только и всего. По-моему, это никому не возбраняется.

– Если ты купец, то должен заплатить пошлину.

– Мой отец и в самом деле купец, но я не принадлежу к этому сословию. Я направляюсь в монастырь д'Эф. Точнее, направлялся, пока эти мерзавцы меня не схватили. Я послушник и собираюсь принять обет.

Несколько мгновений Эспер внимательно разглядывал юношу, потом вытащил кинжал и перерезал веревку, стягивающую его руки.

– Спасибо, – сказал Стивен, потирая покрасневшие запястья. – А почему вы вдруг решили меня развязать? Узнали, что перед вами будущий послушник, и решили, что мне можно доверять? Вы, насколько я понимаю, человек благочестивый?

– Нет, – покачал головой Эспер и указал рукой на валявшихся на земле разбойников. – Монах, значит? Стало быть, разбираешься во врачевании?

– Я учился в колледже, в Рей ли. Там нам преподавали врачевание. Так что я умею перевязывать раны и вправлять кости.

– Ну-ка, продемонстрируй! Вынь стрелы у этих двоих и постарайся, чтобы хоть один не истек кровью до смерти. Мне нужно с ними побеседовать. – Эспер бросил взгляд вокруг. – Скажи, их было только трое или где-то поблизости бродит целая банда?

– Я видел лишь этих троих.

– Хорошо. Я сейчас.

– Но куда вы? – спросил Даридж, отчаянно пытаясь скрыть испуг.

– По королевским делам. Я скоро.

Эспер прошел по дороге примерно с лигу, желая убедиться, что новая встреча с бандитами ему не угрожает. На обратном пути он свернул к Эдвинову ручью и попытался отыскать еще какие-нибудь следы неведомого создания, оставившего след громадной лапы. Однако все поиски были безуспешны. Эспер предположил, что чудовищная кошка, должно быть, ушла по ручью. Будь у него время, он, возможно, сумел бы определить, в какую сторону та двигалась, но сейчас ему приходилось спешить. Судя по всему, мальчишка заслуживал доверия, однако никогда нельзя всецело полагаться на первое впечатление. К тому же интуиция подсказывала Эсперу, что необходимо как можно быстрее узнать, кто был истинным виновником кровавой бойни, разыгравшейся у Таффского ручья.

Вернувшись, он обнаружил Стивена отнюдь не в лучшем состоянии. Мальчишка был бледен как полотно, и похоже, его только что вырвало.

– Ну, Даридж с мыса Чэвел, как дела?

Стивен указал в сторону долговязого и прошептал одними губами:

– По-моему, он мертв.

Эспер попытался сохранить непроницаемый вид, однако не смог сдержать усмешки.

– Что здесь такого забавного? – обиделся юноша.

– Ты. Конечно, он мертв.

– Может быть... – Глаза Стивена увлажнились, и он судорожно слотнул, борясь с новым приступом рвоты. – Но я никогда прежде не видел мертвых. Не видел ничего подобного.

– Думаю, за свою жизнь тебе придется повидать немало мертвецов, – наставительно изрек Эспер. Потом он вспомнил, как сам в первый раз увидел убитого, и голос его смягчился. – Постарайся не смотреть на него. Как те двое? Удалось тебе их перевязать?

– Я... я начал, но... – забормотал Стивен и пристыженно потупился.

– Зря я поручил тебе это дело. Моя ошибка.

– Я пытался, честное слово! Сделал все, что мог! Но кровь так хлестала...

– Я сам виноват, – угрюмо буркнул Эспер. – Должен был понять, что ты никогда не видел ни ран, ни крови. С тобой все ясно.

– Вы думаете, эти двое тоже умерли? – робко осведомился Стивен.

– Сомневаюсь. Я стрелял в мышцы, видишь? Не в органы.

– Но почему? Мне... мне показалось, вы не слишком переживаете... В общем, вам ничего не стоит убить человека.

– Я объяснил. Мне надо с ними поговорить.

– Понятно.

– Начнем. Приготовишь повязки? Сможешь?

– Я уже все приготовил.

– Хорошо. Посмотрим, удастся ли нам спасти их от матушки Смерти. В желудке у тебя уже пусто, да?

– Да, – смущенно кивнул головой Стивен.

Эспер опустился на колени около рыжего. Разбойник был без сознания, однако еще дышал. Стрела вонзилась ему в плечевую кость, и для того, чтобы извлечь ее, понадобилось приложить усилие. Рыжий застонал, как только Эспер взялся за древко стрелы.

– А о чем вы хотите их расспросить? – подал голос Стивен.

– Хочу узнать, где они были несколько дней назад, – проворчал Эспер, раскачивая стрелу туда-сюда.

– Похищали меня.

– И где же это случилось?

– Два дня назад они меня похитили.

– Не *когда*, а *где*, – буркнул Эспер. Ему наконец удалось извлечь стрелу, и он прижал приготовленную Стивеном тряпку к кровоточащей ране. – Подержи-ка здесь, – скомандовал он.

Мальчишка страдальчески сморщился, однако выполнил приказ. Эспер принялся бинтовать плечо разбойника.

– Где? – повторил он. – Держи крепче.

– Два дня назад на Королевской дороге, – ответил Стивен.

– В каком месте? Ближе к Уэксдэлу или Форсту?

– Я не знаю точно.

– Хорошо, ты уже пересек Совиную Могилу?

– А что это такое – Совиная Могила? Река?

– Да, Совиная Могила – это *река*. И ее никак не миновать. Переправиться через нее можно только по старой каменной дамбе. Теперь отпускай.

Стивен принялся сосредоточенно разглядывать свои испачканные кровью руки. Глаза его снова затуманились.

– А, так вы имеете в виду Понтро Ольтиумо, – пробормотал он.

– Я имею в виду то, что сказал. Что это за тарабарщина?

– Это древний вителлианский язык, – пояснил Стивен. – На этом языке говорили гегемоны, которые тысячу лет назад построили дамбу. И дорогу тоже. А Совиная Могила – название, которое придумали не так давно.

– Откуда ты знаешь?

– Прежде чем отправиться в путь, я изучил карты. Древние карты, составленные еще гегемонами.

– Почему ты думаешь, что карты, составленные тысячу лет назад, соответствуют реальности?

– В деле картографии гегемоны были куда искуснее нас. Их карты намного точнее современных. Кстати, они у меня с собой. Можете взглянуть, если хотите.

Несколько мгновений Эспер пристально смотрел на юношу, а потом отрицательно покачал головой.

– Монахи!.. – неодобрительно буркнул он. – Займемся следующим.

Носатый доставил им меньше хлопот. Стрела вонзилась ему в мышцы бедра, даже не затронув кость.

Если долговязый и его сообщники схватили Стивена к востоку от Совиной Могилы, два дня назад они никак не могли оказаться поблизости от Таффского ручья, рассуждал про себя Эспер. Значит, они тут ни при чем, и ему надо отправляться к ручью и своими глазами увидеть, что там случилось. Но прежде необходимо решить, что делать с разбойниками и парнишкой.

И какое бы решение лесничий ни принял, ему придется задержаться в пути по крайней мере на день.

Тут уж ничего не поделаешь, вздохнул он про себя. Впрочем, можно отделаться от обузы: прикончить обоих раненых, а будущий монах пусть топает в свою обитель пешком. Эспер еще раз вздохнул, отгоняя прочь соблазнительную мысль.

– Помогите мне усадить этих типов на лошадей, – проворчал он, когда с перевязками было покончено.

– А куда мы поедем?

– Увидишь, – отрезал Эспер.

– Я только хотел сказать, что, наверное, опоздаю в монастырь к назначенному сроку.

– Неужели? Я попробую не разрыдаться.

– Скажите, почему... почему вы так злитесь на меня, господин лесничий? Я вам ничего плохого не сделал. Я же не виноват, что эти проходимцы меня схватили.

– Плохого? О чем ты думал? Ты выехал из Виргеньи в полном одиночестве! В обществе одних лишь старых карт!

– Да.

– Дурацкая затея. Тоже в какой-нибудь книжке почерпнул?

– Отец Мантео поступил точно так же. Это было почти сто лет назад, когда он работал над «Амвионномом». Он писал...

– Не имеет значения, что он писал. Это не принесло тебе пользы.

– Теперь я сам понимаю, что поступил глупо, – покладисто согласился Стивен. – Но мне до сих пор не ясно, почему вы с первого взгляда меня невзлюбили.

В самом деле, почему? Эспер не нашел что ответить. Стивен вовсе не производил впечатления наглого или испорченного мальчишки. Но он был сейчас для Эспера ненужным бременем, мешавшим выполнить срочное дело. К тому же высокомерие, нет-нет да и проскальзывающее в тоне Стивена, и его городское произношение отнюдь не способствовали тому, чтобы Эспер проникся к юноше симпатией.

– Каждый год я вижу много таких, как ты, – угрюмо сообщил он. – Благородных юнцов, отправившихся прогуляться по лесу. Обычно я нахожу их трупы.

– Вы хотите сказать, что я для вас обуза? Эспер пожал плечами.

– Садись на лошадь. Я доставлю тебя в безопасное место.

– Укажите мне путь, и я доберусь сам. Вы спасли мне жизнь, и я вам очень признателен. Отнимать у вас время было бы с моей стороны черной неблагодарностью.

– Я все равно должен сопроводить пленников, – буркнул Эспер. – Так что поедем вместе. И он сунул ногу в стремя.

– А хоронить его мы не станем? – спросил Стивен, указывая на труп долговязого.

Эспер на мгновение задумался, затем подошел к мертвому разбойнику, оттащил его в сторону от тропы и сложил руки покойника на груди.

– Ну, хватит с него, – бросил он с ухмылкой. – Лесные похороны. Произнесешь несколько слов?

– Да. Существуют специальные молитвы...

– Помолишься за него в пути. Нам надо добраться до места прежде, чем стемнеет.

Подобно большинству монахов – и большинству мальчишек – Стивен Даридж *обладал* способностью молоть языком без умолку. Вскоре он совершенно забыл о пережитых недавно передрыгах и принялся оживленно болтать на самые отвлеченные темы: о связи различных виргенейских диалектов, свойствах далеких звезд и прочей ерунде, ничуть не интересовавшей Эспера. Всему, что им встречалось на пути – деревьям, холмам, птицам, – юнец давал старинные названия, длинные, труднопроизносимые, и при этом явно гордился собственной ученостью. А еще ему постоянно хотелось остановиться, чтобы получше рассмотреть какую-нибудь достопримечательность, по мнению Эспера, совершенно не стоящую внимания.

– Во, вон еще один! – закричал он, наверное, в десятый раз за последние два часа. – Пожалуйста, давайте остановимся на минуточку, господин лесничий. Мне очень нужно осмотреть этот придорожный столб.

– Нет, – отрезал Эспер. – Никаких остановок.

– Ну пожалуйста! – взмолился Стивен. – Я только глазочком взгляну!

И, не дожидаясь разрешения, юноша спешил, достал из своей седельной сумки сверток бумаги и отделил от него один лист. Потом из кожаного мешочка, который висел у него на поясе, он извлек кусок угля и устремился к стоящему на обочине дороги камню, высотой примерно в половину человеческого роста. Вдоль Старой Королевской дороги встречалось немало таких камней, и все они походили на этот, представляя собой квадратные плиты примерно в две ладони толщиной. В большинстве своем, правда, они уже рухнули – корни росших вокруг деревьев выталкивали камни из земли.

– На этой плите можно разобрать какую-то надпись! – радостно сообщил Стивен.

– Ну и?..

Не отвечая, Стивен прижал к поверхности камня лист бумаги и принялся торопливо закрашивать его углем.

– Что ты делаешь, Мрак тебя задерит?

– Копирую надпись, – пояснил Стивен. – Потом я как следует изучу ее. Видите? Вот они, буквы, отпечатались на бумаге.

Он повернул листок к Эсперу, и тот в самом деле разглядел, что, помимо выпуклостей каменной поверхности и разводов лишайника, на бумаге проступили какие-то непонятные письмена, выполненные угловатым древним шрифтом.

– Это древний вителлианский язык, – в голосе Стивена звучало неподдельное ликование. – Раньше там, где стоит этот камень, проходила граница двух королевств. А надпись на нем сообщает, на каком расстоянии находилась ближайшая и последняя сторожевая башня. –

Юноша прищурился, вглядываясь в надпись. – Представляете, эта дорога здесь называется Кровавый путь. Любопытно, почему? На всех картах она обозначена как Вио Калдатум.

– Зачем ты забиваешь голову подобной чушью? – спросил Эспер.

– Это мое призвание – древние языки, история.

– Бесполезные звуки.

– Тот, кто забыл свое прошлое, не имеет будущего, – с горячностью возразил Стивен.

– Прошлое осталось в прошлом. Что касается Кровавого пути, то это название связано со старым суеверием.

– А, так, значит, вам известно это название? И откуда оно взялось? Что-то связанное с местными народными сказаниями?

– Тебе будет неинтересно.

– Я только что сказал, что интересуюсь историей.

– Но это не история. Это старая бабья сказка.

– Может быть. Но иногда в народных сказаниях хранится истинная мудрость, о которой забывают ученые. В них почти всегда отражаются реальные исторические события. Однако они предстают здесь в преображенном виде, подчас приукрашиваются и становятся более назидательными, так чтобы простые люди могли извлечь из них поучительный смысл. Конечно, сплошь да рядом такие легенды слишком примитивны, исторические факты в них порой искажаются. Но тот, кто обладает прозорливостью и необходимыми знаниями, всегда сумеет понять, где правда, а где вымысел.

Выслушав взволнованную речь Стивена, Эспер расхохотался.

– Пожалуй, теперь начну гордиться, что принадлежу к «народу».

– Здесь действительно есть чем гордиться. Но я вовсе не хотел сказать, что вы кажетесь мне простым или примитивным. Пожалуйста, расскажите мне вашу легенду. О Кровавом пути.

– Если немедленно сядешь на свою проклятую лошадь и тронешься в путь.

– Да-да, конечно.

Стивен бережно свернул листок с письменами, спрятал его в дорожную сумку и вскочил в седло.

– Тут особенно и рассказывать не о чем, – произнес лесничий, когда они вновь двинулись по дороге. – Случилось это в стародавние времена, когда миром правили злобные демоны скаосы. Люди для них были хуже собак. Демоны устраивали что-то вроде гонок и заставляли людей бегать по этой дороге туда-сюда, так что те стирали ноги в кровь. Но демоны продолжали их гонять, пока люди не падали замертво. Говорят, в те времена земля на этой дороге была красной, так как насквозь пропиталась кровью. Вот и вся история.

– Но почему вы называли этих демонов «скаосы»? Ведь, насколько я помню, их звали «скаслой»?

– Я просто рассказал тебе сказку.

– Да, но вы сами видите, она основана на подлинных исторических фактах. Вы величаете этих злобных демонов «скаосы», тогда как на лирском языке они называются «эчесл». В Хорнладе они известны как «скасл». А в древности их называли «скаслай». И они в самом деле существовали, можете мне поверить, у историков на этот счет нет ни малейших сомнений. Все легенды об их жестокости ничуть не преувеличены. Много веков назад жители Виргеньи с помощью святых свергли их владычество и завоевали свободу.

– Я знаю эту историю. Но никогда не видел ни одного скаоса.

– Вы и не могли их видеть! Все они давно мертвы.

– А если это так, какая разница, верю я в них или нет?

– Просвещенный человек не может разделять подобную точку зрения, – важно изрек юноша.

Эспер в ответ лишь снова пожал плечами.

– И вот что меня занимает, – вновь заговорил Стивен, заглядывая в насупленное лицо своего спутника. – Возможно, эта дорога, прежде чем стала вителлианской, и в самом деле принадлежала демонам скаслой. И они вполне могли гонять по ней своих рабов.

– Почему бы нет? – хмыкнул Эспер. – Если ты веришь в подобные рассказы, тебе будет занятно узнать, что на всем протяжении этой дороги путников до сих пор преследуют альвы. Старики рассказывают, альвы появляются в облаках белого тумана, столь прекрасные и ужасные, что всякий, увидевший их, умирает на месте. Сеффри считают, что это призраки скаосов, мучимые голодом и жаждущие людской крови. Некоторые по-прежнему оставляют им всякие подношения на обочине дороги. Просят их о милости и снисхождении. Но в большинстве своем люди пытаются избегать встреч с этой нечистью.

– А что еще делают альвы?

– Похищают детей. Насылают болезни и непогоду. Заставляют людей творить зло, нашептывая им мерзкие посулы. Они могут даже остановить человеческое сердце – для этого им достаточно коснуться его своими бесплотными пальцами. Мне самому их встречать не довелось, а значит...

– Вы в них не верите, так ведь? По-моему, господин лесничий, я начинаю понимать вас и вашу философию.

– По-твоему, я философ? Что ж, лестно услышать. А теперь будь любезен помолчать. Спускаются сумерки, того и гляди, к нам подкрадутся альвы, греффины или вурдалаки. Я ничего не услышу, и они застанут нас врасплох.

Как ни удивительно, после этого Стивен погрузился в молчание и принялся сосредоточенно изучать письма, отпечатавшиеся на листке бумаги. Вскоре Эспер уже жалел о том, что ему удалось пресечь нескончаемый поток слов. В тишине им завладели неприятные воспоминания об отравленном ручье, мертвых лягушках, дохлой рыбе и поранившем землю следе огромной лапы. Тревожные мысли о том, что здесь, в этом лесу, который он знает как свои пять пальцев, скрывается нечто неведомое, не давали Эсперу покоя.

Если по лесу бродит какой-то загадочный зверь, значит, здесь вполне мог до поры до времени притаиться и Терновый король.

Эсперу пришла на ум песня, которую он частенько распевал в детстве, когда жил в таборе сеффри. Обычно ребятишки пели эту песенку, играя в какую-то игру, но подробностей игры лесничий уже не помнил. В памяти остались лишь незамысловатые слова:

Глазища открой:
Терновый король
Шатало-болтало
Живет за горой....

Играй тру-ля-лям,
Пуляй пу-ля-лям,
Терновый король
Тебя будет ням-ням.

Твой длинный язык
Тебя не спасет.
Что он не доест,
Мантикора дожрет.

Пора, не пора,
Беда, не беда,

Терновый король
Придет навсегда.

- Что это за песня? – донесся до него голос Стивена.
- О чем ты? – вздрогнул лесничий, внезапно пробужденный от своих воспоминаний.
- Вы что-то напевали себе под нос.
- Ничего я не пел.
- Нет, пели. Я только не смог разобрать слов.
- Не смог, и ладно. Забудь об этом.
- Как скажете, – пожал плечами юноша.

Эспер, нахмурившись, перебирал в руке поводья. Он и сам был бы не прочь навсегда забыть об этом вздоре. Но память услужливо подсказывала ему еще один куплет – на этот раз из другой старинной песни, которую он слышал от Джесп.

Холодный ветер деревья гнет,
И звуки песен уносит прочь,
Терновый владыка лесов и вод
Идет, чтобы день превратился в ночь.

5. Принцесса

– Они нас видели! – выдохнула Остра.

Энни припала к стволу дуба, цепляясь за шершавую кору. Рядом с ней била копытами и ржала белоснежная кобыла.

– Тише, Резвая, тише! – прошептала Энни. Девушки стояли в тени деревьев, на краю окруженного холмами луга, носившего странное название Выгнутый. Обе, не отрывая глаз, наблюдали, как три всадника, озираясь по сторонам, вскачь неслись по зеленому, украшенному разноцветным узором цветов, травяному ковру. Все трое были одеты в оранжевые плащи королевской легкой конницы, и солнце сияло на их стальных кольчугах. От девушек всадников отделяло довольно значительное расстояние.

– Нет, – покачала головой Энни, поворачиваясь к подруге. – Они нас не видели. Но, несомненно, они ищут именно нас. По-моему, их предводитель не кто иной, как капитан Катонд.

– Ты и в самом деле думаешь, что их послали за нами? – спросила Остра, пригибаясь ниже и откидывая с лица прядь светлых волос.

– Я в этом уверена. Что еще им здесь делать?

– Давай углубимся в лес. Если нас увидят...

– Ну и что же будет? – подхватила Энни.

– Мы... – Внезапно голубые глаза Остры стали круглыми, как монеты. Она догадалась, что задумала подруга. – Нет, Энни, не надо устраивать бешеную скачку. Прошу тебя, не делай этого, – взмолилась Остра.

Но Энни, усмехнувшись, уже накинула на золотисто-рыжие волосы капюшон, потом схватила Резвую за поводья, сунула ногу в стремя и ловко вскочила в седло.

– Я уведу их прочь. Подожди, пока мы не скроемся из виду, – распорядилась она. – Потом встретимся в Тенистом Эслене.

– Я не хочу! – воспротивилась Остра, стараясь не повышать голоса. – Ты останешься здесь!

Но Энни уже пришпорила лошадь.

– Пошла! – скомандовала она.

Белоснежная кобыла пустилась галопом, ветви деревьев слегка трепетали, когда она неслась мимо. В течение нескольких мгновений лишь приглушенные удары копыт по влажной земле нарушали тишину. А потом до Энни донеслись крики одного из всадников. Оглянувшись через плечо, она поняла, что не ошиблась: крики вылетали из глотки краснолицего капитана Катонда. Преследователи увидели ее, повернули своих белых меринов и бросились вслед за наездницей.

Энни засмеялась от радости, ощущая, как ветер бьет в ее разгоряченное лицо. Луг казался ей превосходной скаковой дорожкой – длинной, зеленой, красивой. Справа от нее лес радовал глаз нежной весенней листвой, цветущим кизилом и дикой вишней. Слева луг обрывался крутым склоном, за которым начиналось болото, окружавшее остров Инис и окаймляющее широкую реку Ведьму, чьи медово-золотистые волны ласково лизали песчаные берега.

Резвая не зря носила свою кличку. Она обладала быстротой молнии, и наездница была ей под стать. «Пусть попробуют меня догнать, – довольно усмехалась Энни. – Вот будет забава».

Выгнутый луг огибал южный край острова, а потом поворачивал направо и тянулся до двух равных по высоте холмов, стоявших рядом и именуемых Том Вот и Том Каст. Энни, однако, не стала ждать поворота; натянув поводья, она резко завернула лошадь и понеслась в сторону леса – комья земли и клочья травы летели из-под копыт. Оказавшись в лесу, всадница пригнулась пониже, чтобы ветви не царапали ей лицо, и лишь крепче вцепилась в поводья, когда лошадь перескочила через ручей. Оглянувшись назад, Энни не увидела своих пресле-

дователей и решила, что они, скорее всего, поскакали наперерез. Но в таком дремучем лесу немудрено заплутать, к тому же густая молодая поросль не позволит им пустить коней вскачь.

Вскоре Энни выехала на лесную дорогу, которую проложили несколько лет назад. Дорога была относительно ровной, и Энни любила скакать по ней галопом; здесь ветви огромных дубов и ясеней не мешали Резвой нестись во весь опор. Девушка испустила ликующий вопль, когда лошадь промчалась сквозь подобие арки, образованной двумя поваленными деревьями, взлетела на холм и вновь выскочила на луг, как раз в том месте, где он сворачивал в сторону парных холмов. По мере того как всадница поднималась все выше, справа, над деревьями, появлялись остроконечные башни замка Эслен; флаги развевались на ветру.

Когда преследователи вновь появились из лесу, выяснилось, что расстояние, отделяющее их от Энни, значительно увеличилось; к тому же их осталось только двое. С удовлетворением отметив это, девушка помчалась вокруг холма Том Вот, направляясь к южному краю острова. Теперь у нее уже не было необходимости дразнить всадников; когда она приблизится к Змее, узкому каменистому ущелью, те окончательно потеряют ее из виду. Ничего не скажешь, хороши королевские конники. Опозорились, просто опозорились.

– Молодец, девочка, – пробормотала Энни, слегка замедляя ход своей лошади и поглаживая ее по холке. – Мы обскакали их, Резвая. Они нам не соперники. Ты храбрая лошадка, и сейчас ты можешь немного отдохнуть, а потом я найду уютное местечко, где ты спокойно попиплешь травку. Непременно найду.

Тут краешком глаза девушка уловила какое-то движение, и испуганный вскрик вырвался у нее из груди. Третий всадник, подобно призраку, внезапно появился на лугу, совсем рядом с ней. И что еще хуже, за ним на серой лошади следовал другой всадник, в красном плаще. Энни ощутила, как румянец досады залил ее щеки.

– Немедленно остановитесь!

То был голос капитана Катонда, хорошо ей знакомый. Сердце Энни билось, как пойманная птичка, однако она и не подумала остановиться. Напротив, яростно наподдав пятками в бока лошади, наездница полетела вокруг холма. Том Вот и Том Каст напоминали гигантские женские груди. Энни проскочила как раз в выемку между ними.

– Остановись, сумасшедшая, иначе хуже будет! – орал за спиной капитан Катонд. – Там, на другой стороне, ничего нет.

Разумеется, он самым бесстыдным образом лгал. На другой стороне холмов было на что посмотреть: там зеленели болота, а далеко внизу сверкала река и тянулись южные топи. Когда на всем скаку Энни вылетела из узкой расщелины, на мгновение ее охватило чувство ужаса и восторга – казалось, весь мир расстилается перед ней.

– Туда, Резвая! – приказала Энни, когда кобыла оттолкнулась от края обрыва и ноги ее повисли в воздухе.

Теперь, когда остановиться было уже поздно, девушкой завладел приступ пронзительно острого страха. Она почти ощущала его привкус на губах.

Мгновение, когда Энни замерла, припав к холке Резвой и судорожно вцепившись в гриву, показалось вечностью. Она ничего не видела, ничего не слышала, лишь ощущала дуновение ветра на своем лице да теплый мускусный запах лошади, с которым смешивался исходивший от сбруи аромат кожи и масла. В животе у нее шекотало, словно она наглоталась птичьих перьев. Энни испустила отчаянный вопль, а в следующее мгновение копыта кобылы коснулись земли; теперь отважная всадница оказалась в извилистом ущелье, называемом Змея. И действительно, подобно змее, оно скользило вниз по скалистой стене.

Резвая уже выбивалась из сил, и ее задние ноги начали заплетаться. Неуверенной поступью она двигалась по самой кромке ущелья, иногда покачиваясь, но вновь обретая равновесие. Мир вокруг Энни прыгал и подскакивал, сердце ее замирало от страха, а голова кружилась от восторга. Чувства эти столь тесно переплелись, что девушка уже не замечала разницы между

ними. Но тут Резвая так сильно споткнулась, что едва не уткнулась головой в землю; случись это, и лошади, и наезднице настал бы конец.

«Что ж, чему быть, тому не миновать, – подумала Энни. – Если мне суждено умереть здесь, это будет прекрасная смерть». Лучше погибнуть во цвете лет, в яркий солнечный день, на полном скаку, чем, подобно ее бабушке, дожить до глубокой старости, превратиться в высохшее желтое существо, распространяющее вокруг себя запах тления, и мирно скончаться в своей постели. Или, подобно тете Фиене, истечь кровью во время родов.

Однако в глубине души Энни твердо знала, что останется в живых. Склон, по которому шла Резвая, стал менее крутым, и поступь лошади обрела уверенность. Огромные ивы, росшие внизу, манили кобылу. Прежде чем оказаться в их спасительной тени, Энни бросила взгляд назад, на опасный путь, который только что проделала, и на самой вершине различила силуэты королевских конников. Разумеется, они трусили и не решились броситься вслед за ней.

Сейчас ей удалось ускользнуть от погони. И если ей повезет, сегодня преследователи ее не настигнут.

Ноги Резвой дрожали от усталости, и Энни спешила, чтобы дать лошади немного отдохнуть. Теперь она могла позволить себе не торопиться. Для того чтобы спуститься вниз менее рискованным способом, преследователям понадобится целая вечность. К тому же им придется выбирать между двумя десятками троп. Девушка немного посидела в благодатной тени ветвей, отдышалась, потом взяла лошадь за поводья и пешком двинулась в сторону Тенистого Эслена.

– Это было здорово, Резвая! – сказала Энни, поглаживая лошадь меж ушами. – Как они перепугались! Уверена, у этих трусов и мысли не было спуститься в ущелье вслед за нами. – Энни отбросила с раздумывавшегося лица огненно-рыжую прядь. – Теперь нам осталось лишь отыскать Остру и до вечера спрятаться в гробницах. Туда они наверняка не сунутся.

Резвая дышала тяжело и шумно, а в висках у Энни стучала кровь, заглушая все прочие звуки; поэтому она не слышала цокота копыт и увидела всадника, лишь когда он выскочил из-за поворота позади нее. Энни резко повернулась и остановилась, разглядывая незнакомца.

То был всадник на сером коне, облаченный в красный плащ, – тот, кто присоединился к королевским конникам позднее. Высокий, светловолосый, темноглазый, очень молодой – на вид не старше девятнадцати лет. Бока его скакуна вздымались почти так же сильно, как бока Резвой.

– Святой Тарн, ну и гонку ты устроил! – воскликнул он. – Так и шею недолго сломать! Знаешь, парень, по-моему, ты...

Тут он разглядел Энни и осекся.

– Да ты вовсе не парень, – растерянно пробормотал он.

– И никогда не была им, – холодно подтвердила Энни.

Незнакомец меж тем удивленно таращил на нее глаза; брови его поползли вверх.

– Клянусь всеми святыми, вы принцесса Энни! – выдохнул он наконец.

– Вот как? Ну и что из того?

– Простите мою дерзость, принцесса. Я не знал, кто вы. Думал, королевские конники гонятся за вором или браконьером. Вот и решил помочь им, просто ради забавы. Поверьте, я никогда бы не посмел...

– Наверняка этих конников послала моя мать, – перебила юношу Энни. – Скорее всего, я, как обычно, забыла про какой-нибудь скучный прием, на котором мне обязательно надо присутствовать.

С этими словами она сунула ногу в стремя и вскочила в седло.

– Как? Вы уже хотите умчаться прочь? – удивился юноша. – Но я только что поймал вас. Неужели я ничего за это не получу?

– Вы меня еще не поймали, – покачала головой Энни. – И никогда не поймаете.

– Почему? – возразил юноша. – Ведь мне удалось вас догнать. Я скакал за вами по пятам.

– Нет, вовсе не по пятам. Вы слишком долго медлили там, наверху, набираясь смелости, чтобы прыгнуть в ущелье.

Юноша пожал плечами.

– Бьюсь об заклад, вы уже проделывали этот путь раньше. Здесь вам все знакомо. А я в Эслене недавно. И сегодня впервые ездил верхом в его окрестностях.

– Что ж, для первого раза неплохо, – снисходительно кивнула головой Энни, повернулась и взялась за поводья.

– Подождите! – окликнул ее юноша. – Неужели вы даже не пожелаете выяснить мое имя?

– А зачем мне ваше имя? – усмехнулась Энни.

– Не знаю. Но мне было очень важно узнать, кто вы такая.

– Ну хорошо, – смилостивилась Энни. – Так и быть, назовите свое имя.

Юноша проворно соскочил с лошади и отвесил принцессе низкий поклон.

– Родерик Данмрог готов служить вам, ваше высочество, – галантно произнес он.

– Рада знакомству, Родерик Данмрог, – важно произнесла принцесса. – А я Энни из рода Отважных. И запомните, сегодня вы меня не видели.

– Будь это правдой, я сгорел бы со стыда. Для мужчины уступить женщине в верховой скачке – страшный позор.

– Я смотрю, Родерик Данмрог, вы отчаянный храбрец.

– Моя храбрость ничто перед вашей красотой, принцесса Энни. Клянусь, сам святой Тарн почел бы за честь скакать рядом с такой наездницей. Но если вы сказали, что я вас не видел, так тому и быть. Ваше слово – закон для меня.

– Ага, вы не только храбры, но и разумны.

– Но... Могу ли я спросить... Почему я должен скрывать, что видел вас, принцесса? – Я же объяснила. Моя мать...

– Королева.

Энни сверкнула глазами в его сторону.

– Да, королева этой страны, и никто другой. Как говорится, пусть все святые хранят ее от бед и напастей. А меня – от ее гнева и от излишнего попечения.

– А ведь мне уже доводилось видеть вас, принцесса. При дворе, во время приема. Девять дней назад я был посвящен в рыцари.

– О, поздравляю. Значит, передо мной сэр Родерик, не так ли?

– Да. И во время церемонии я видел вас вместе с вашими сестрами.

– А как же иначе. И уж наверное, я казалась гадким утенком среди прекрасных лебедей.

– Ваши роскошные рыжие волосы приковали мой взор, – сообщил Родерик. – А всего остального я просто не заметил.

– Похоже, бедный рыцарь, у вас проблемы со зрением. Неужели вы не заметили моих веснушек? И того, что нос у меня размером точь-в-точь с киль хорошего корабля?

– Если вы хотите услышать от меня похвалу вашей красоте, принцесса, то мне нет нужды кривить душой, – с пылом произнес юноша. – Все в вас приводит меня в восхищение. Да будет вам известно, я разглядел ваш нос, и он понравился мне с первого взгляда. И веснушки тоже. Я счастлив сообщить вам об этом.

– Так-то вы не кривите душой, – укоризненно покачала головой Энни. – Если мне не изменяет память, с первого взгляда вы приняли меня за мальчишку.

– Но на вас мужская одежда! – попытался оправдаться Родерик. – И скачете вы лучше любого мужчины! Немудрено обмануться. Однако стоит взглянуть на ваше лицо, сразу становится ясно, что вы не мальчишка, а самая прекрасная из женщин. – Юноша слегка нахмурил брови. – Но, принцесса, не сочтите мой вопрос дерзостью, почему вы носите штаны?

– А вы пробовали скакать верхом в платье? Можешь мне поверить, удовольствие не из лучших.

– Но леди всегда ездят верхом в платьях.

– Да, в амазонках с дурацкими хвостами, сидя в седле боком. Как вы думаете, что бы со мной случилось, если бы я спустилась в ущелье, сидя на лошади боком?

– Теперь я вижу, вы правы, – расплылся в улыбке юноша. – Такой отважной наезднице не обойтись без мужского костюма.

– Увы, вы единственный, кто признает мою правоту, – сокрушенно вздохнула Энни. – Когда я была маленькой, мне позволяли делать все, что угодно. Мою привычку носить штаны находили при дворе очень милой. Меня даже называли «маленьким принцем Энни». Но с тех пор как я выросла и пришла пора выдавать меня замуж, все изменилось. Теперь меня заставляют носить идиотские амазонки. Никакой свободы не дают, следят за каждым шагом. Матушка постоянно твердит, что мне уже пятнадцать и пора оставить ребячество. А я...

Внезапно Энни осеклась и в глазах ее мелькнуло подозрение.

– Слушайте, а вы не из женихов ли будете? Сознавайтесь, вас подслала ко мне матушка?

– Я?... Из женихов? – запинаясь, пролепетал Родерик. Судя по выражению лица юноши, изумление его было искренним и неподдельным.

– Понимаете ли, моя дорогая матушка спит и видит, как бы побыстрее выдать меня замуж, – пояснила Энни. – Лучше всего за какого-нибудь старого, жирного, занудного кретина, с которым умрешь со скуки. Но вы совсем не такой, – добавила она, пристально глядя на юношу. – Так что вас вряд ли прочтат мне в женихи.

Впервые за все время разговора лицо Родерика исказила гримаса досады и раздражения.

– Я не претендую на подобную честь, принцесса, – отрезал он. – Все, что я хотел, – отдать должное вашей красоте. И я очень сомневаюсь, что королева, ваша матушка, решит выбрать вам в мужа представителя нашего дома. Мы не можем похвалиться баснословным богатством, не относимся к числу льстецов и подхалимов и поэтому не пользуемся особым расположением при дворе вашего отца.

– Но зато представителям вашего дома не занимать прямоты и искренности. Приношу вам свои извинения, сэр Родерик. Когда вы проведете при дворе побольше времени, то поймете: правду и честь там встретишь редко. И, надеюсь, простите мне мою излишнюю подозрительность.

– Улыбнитесь, принцесса. За вашу улыбку я готов простить любое оскорбление.

К немалому собственному смущению, Энни почувствовала, как губы ее против воли растягиваются в улыбке. На какое-то мгновение ее охватило упоительное чувство, сродни тому, что она испытала, спускаясь вниз по ущелью.

– Вот это настоящая награда. Даже более драгоценная, чем королевские извинения, – довольно изрек Родерик и вставил ногу в стремя. – Я был счастлив познакомиться с вами, принцесса. И надеюсь, судьба вновь пошлет мне счастье встречи с вами.

– Вы покидаете меня?

– Ведь именно этого вы хотите, не так ли? К тому же мне только что пришло в голову, что, продолжая столь сладостную для меня беседу, я могу навлечь неприятности на себя и на вас. Представьте, если кто-то увидит нас с вами в лесу, вдвоем, без придворных...

– Но мы не делали ничего постыдного, – холодно возразила Энни. – И не собираемся делать. Так что мне нечего опасаться чужих взоров. Однако если вы боитесь...

– Я ничего не боюсь, – вспыхнул Родерик. – Все, о чем я беспокоюсь, – это ваша репутация.

– Это чрезвычайно любезно с вашей стороны, сэр Родерик, но я могу сама позаботиться о собственной репутации, – процедила Энни.

– Принцесса, я вижу, что вызвал ваше недовольство. Но как мне следует поступить, чтобы загладить свой проступок?

– Дело в том, что я вам не доверяю. Наверняка вы разболтаете, что видели меня. Думаю, будет лучше, если до конца сегодняшнего дня вы поступите в мое полное распоряжение. Станете моим телохранителем.

– О, я и мечтать не мог о подобной счастливой участи. Прошло чуть больше недели, как я ношу рыцарское звание, и мне уже выпала честь сопровождать особу королевской крови. Я был бы счастлив выполнить вашу волю, леди, но, увы, я лишен возможности провести этот день в вашем блистательном обществе. Служба налагает на меня обязанности, которые я должен выполнять.

– А вы всегда столь неукоснительно выполняете свои обязанности?

– Должен признать, не всегда. Но есть обязанности, которыми я не могу пренебречь ни при каких обстоятельствах. Служба есть служба. Не всем выпадает счастье родиться принцессой.

– Не вижу в этом особого счастья, – сморщила нос Энни и тронула поводья. – Так вы едете со мной или нет?

– Дозволено ли мне будет узнать, моя прекрасная леди, куда мы держим путь?

– В Тенистый Эслен. В город мертвых, где вечным сном спят мои предки.

Несколько минут они ехали молча. В течение это времени Энни то и дело украдкой бросала взгляд на своего спутника. Родерик держался в седле прямо, непринужденно и гордо. Руки, которые костюм для верховой езды оставлял открытыми почти до плеч, были тонки, но жилисты. В горбоносом профиле юноши чувствовалось что-то ястребиное.

«А что, если он совсем не тот, за кого себя выдает?» – с запоздалым опасением подумала юная принцесса. Вдруг он – мошенник, вор или наемный убийца, подсланный к ней врагами? А что, если он вообще ханзейский шпион, вознамерившийся выведать у нее государственные тайны. В его речи ощущается заметный акцент, и внешне он вовсе не похож на уроженца севера.

– Данмрог, – произнесла она вслух. – Понятия не имею, где это.

– На юге, принцесса. На границе с королевством Хорнлад.

– Хорнлад, – повторила принцесса, пытаясь представить себе огромную карту, висевшую в Имперской галерее. Вроде бы этот Хорнлад действительно находился на юге. По крайней мере, ей так казалось.

Копыта лошадей застучали по каменным плитам моста через канал Цер. Каменные лица, вырезанные на столбах ограды, проводили всадников равнодушными взглядами. Вновь повисла тишина. Энни чувствовала, что ей следует нарушить затянувшееся молчание, но никак не могла придумать, что бы такое сказать.

– Эслен куда больше, чем я думал, – пришел ей на помощь Родерик, решивший самостоятельно предложить тему для разговора.

– Но то, что вы видите, – это вовсе не Эслен, – с готовностью откликнулась Энни. – Эслен – это всего лишь королевский замок и город вокруг. А остров, по которому мы едем, называется Инис. Сейчас мы как раз в низине, болотистой земле, что расстилается между островом и рекой Ведьмой.

– А что такое Тенистый Эслен?

– Подождите немного. Скоро увидите. Вот он.

И она указала вперед, туда, где деревья образует подобие сводчатой арки.

– Клянусь святым Тарном, в жизни не видал ничего подобного, – выдохнул Родерик, когда перед ним открылся город мертвых.

Окраины его были скромны и непритязательны. Ряды небольших деревянных домиков под соломенными или черепичными крышами тянулись вдоль пыльных улиц. Некоторые, благодаря постоянным заботам родственников усопшего, содержались в порядке, дворы их радовали глаз чистотой и ухоженностью. Но в большинстве своем последние жилища мертвых пре-

бывали в столь же прискорбном состоянии, что и останки, которые скрывались за их стенами. От зданий остались лишь ветхие остовы, поросшие плющом и наполовину засыпанные прелыми листьями, которые не убирались годами. Сквозь ветхие покосившиеся крыши некоторых усыпальниц проросли деревья.

Некрополь разделяли на части пять концентрических каналов. Как только принцесса и ее спутник пересекли первый канал, дома вокруг стали более крепкими и просторными. По большей части то были строения из шлифованного камня, с крытыми шифером крышами; почти все усыпальницы окружали литые железные ограды. Копыта лошадей теперь стучали по мощенной булыжниками мостовой. Чем дальше продвигались Энни и Родерик, тем величественнее и пышнее становились жилища мертвых; в центре города виднелись даже башни и купола.

– У нас в Данмроге тоже есть королевские гробницы, – сообщил Родерик. – Но конечно, ничего подобного там не встретишь. Скажите, принцесса, а кто похоронен в этих маленьких бедных домах?

Энни пожала плечами.

– Бедные люди, кто же еще. Каждой семье из Эслена-на-Холмах отводится здесь участок, в соответствии со знатностью и заслугами. А какое жилище родственники построят для своих мертвецов и как будут следить за усыпальницей – это их дело. Бывает, семьи обретают богатство и расположение короля – тогда они могут перенести останки своих предков ближе к центру. А если родственники тех, кто похоронен за третьим каналом, разорились или впали в немилость, им приказывается перенести прах своих мертвецов на окраины.

– Вы хотите сказать, принцесса, что порой усопших хоронят во дворцах, а столетие спустя они оказываются в хижинах?

– Да, конечно.

– Осмелюсь заметить, подобный обычай представляется мне не слишком справедливым. Поступать так с мертвецами по меньшей мере, не слишком почтительно.

– А то, что черви обгладывают останки до костей, представляется вам справедливым? – насмешливо спросила Энни. – Однако именно так происходит с мертвыми. Черви тоже не слишком почтительны с ними. Таков уж их удел.

Родерик усмехнулся, но не стал возражать.

– Я воспользовался выпавшей мне честью проводить вас, принцесса, – произнес он. – Я наслаждался вашим обществом, и я видел некрополь. А теперь я вынужден вас покинуть.

– Уже?

– А сколько времени мне потребуется, чтобы вернуться в главную башню? Больше часа?

– Несомненно.

– Тогда мне следовало оставить вас раньше. Скажите, как быстрее всего добраться до замка?

– Думаю, вы должны найти путь сами. Рыцарю необходимо учиться преодолевать трудности.

– Тогда, боюсь, сегодняшняя наша встреча будет последней. Видите ли, принцесса, мой отец обещал: если я хоть раз отступлю от своих обязанностей, то он отошлет меня в наши дальние владения, что расположены в сотне лиг отсюда. А родитель мой слов на ветер не бросает.

– Вижу, самонадеянности вам не занимать, – проронила принцесса. – Ради святого Лоя, скажите, почему вы возомнили, что я пожелаю увидеть вас еще раз?

Вместо ответа юноша подъехал вплотную, и его прозрачные голубые глаза приблизились к ее зеленому. Энни ощутила внезапный приступ испуга и в то же время почувствовала: Родерик словно зачаровал ее взглядом. И когда он наклонился и поцеловал принцессу, та не смогла бы ему помешать, даже если бы захотела.

Впрочем, она этого не хотела.

Поцелуй длился недолго – то было лишь мгновенное, чудное, упоительное прикосновение губ. В мечтах Энни часто воображала, что испытывает девушка, когда ее целуют. Но на самом деле все произошло совсем не так, как ей представлялось.

Все существо ее трепетало.

Она на мгновение закрыла глаза и произнесла чуть слышно:

– Поезжайте вдоль этого канала, до тех пор пока не увидите улицу, вымощенную свинцовыми плитами. Там поверните налево. Дорога приведет вас прямо к холму.

Родерик кивнул головой в сторону Тенистого Эслена.

– Мне бы хотелось без спешки осмотреть некрополь. Может, когда-нибудь...

– Приезжайте сюда через два дня, около полудня, – перебила Энни. – Я буду здесь.

Юноша расплылся в улыбке, кивнул и, не произнеся более ни слова, пришпорил коня. Вскоре он скрылся из виду.

Энни осталась в одиночестве; ошеломленная, растерянная, она долго глядела в темные воды канала, все еще чувствуя на губах вкус других губ и стараясь не дать ускользнуть этому сладостному ощущению. Она вспоминала каждое слово человека, который только что поцеловал ее, каждое его движение и не могла понять, что за наваждение с ней приключилось.

Она совершенно не знала этого юношу. Почему же он так быстро завладел всеми ее помыслами?

Внезапно до слуха Энни донесся цокот копыт. Она решила, что это возвращается Родерик, и сердце ее сжалось от надежды и страха. Однако, обернувшись, она увидела всего лишь Остру. Золотистые локоны девушки рассыпались по плечам, и, судя по выражению лица, она была очень сердита.

– Я видела, ты разговаривала с каким-то молодым человеком. Кто он такой? – первым делом осведомилась Остра.

– Один из королевских рыцарей, только и всего, – не стала пускаться в подробности Энни.

Несколько мгновений Остра, похоже, прикидывала, как отреагировать на это сообщение. Потом обожгла Энни гневным взглядом.

– Что ты вытворяешь, скажи на милость? Ведь ты спускалась ущельем, правда? Добром это не кончится, можешь мне поверить. Когда-нибудь ты непременно...

– Тебя кто-нибудь видел? – рассеянно проронила Энни, словно не слышавшая упреков.

– Ни одна живая душа меня не видела. Но не забывай, Энни, я твоя фрейлина. Для меня это большое везение, ведь в жилах у меня течет не самая благородная кровь. И если с тобой что-то случится...

– Мой отец любит тебя, Остра, – возразила Энни. – И ему все равно, какая кровь течет в твоих жилах – благородная или нет. Неужели ты думаешь, он когда-нибудь прогонит тебя?

Тут Энни заметила, что ее подруга едва сдерживает слезы.

– Остра? Что случилось? – обеспокоенно воскликнула она.

– Все твоя сестра, Фастия... – пробормотала Остра, пытаясь сморгнуть слезы. – Ты ничего не понимаешь, Энни.

– Но что я должна понимать? Мы с тобой выросли вместе, спали в одной постели с тех самых пор, как твои родители погибли и отец взял тебя ко двору. Тогда нам было по пять лет. Ты разделяла все мои игры и забавы. И мы с тобой частенько ускользали от охраны, как сегодня. Почему же ты плачешь? Что произошло такого особенного?

– Вчера Фастия сказала мне: если ты не станешь вести себя, как пристало взрослой принцессе, то она не позволит мне быть твоей фрейлиной. Сказала, что общество другой, более разумной девушки, которая не станет потакать твоим выходкам, пойдет тебе на пользу.

– Не обращай внимания на мою сестру, Остра. Она хочет тебя запугать, но на самом деле ничего плохого не сделает. И ведь я тоже рискую, не только ты. Знаешь сама, меня ждет нагоняй.

– Ах, Энни, ты и в самом деле ничего не понимаешь. Как ты можешь сравнивать? Ты принцесса, а я твоя служанка. Твоим родителям угодно обращаться со мной, как с особой благородного происхождения. Однако все при дворе знают, что, несмотря на роскошные наряды, я никто и ничто.

– Нет-нет, Остра, – горячо возразила Энни. – Ты не права. Не смей говорить, что ты никто. Ты мне как сестра, больше чем сестра. Я люблю тебя и никому не позволю тебя обидеть.

– Тише, – прошептала Остра, насторожившись. – По-моему, погоня близко.

– Поскакали. Прямо сейчас поедem домой. А они пусть здесь ищут. Обещаю тебе, нас не поймают.

– Но рыцари...

– Я от них улизнула. Оставила их в дураках. Однако они будут об этом молчать, уверяю тебя. Кому охота признаваться в своем позоре? Разве что матушка или Фастия спросят их прямо, видели они меня или нет. Но в любом случае тебя никто из них не заметил.

– Фастия все равно разозлится. Она или сочтет меня твоей сообщницей, или решит, что я за тобой не углядела. Так или иначе, я все равно окажусь виноватой.

– Да наплюй ты на Фастию. Она далеко не так могущественна, как тебе кажется. Поехали, нечего терять время.

Остра кивнула, вытерла слезы рукавом и с любопытством спросила:

– Но один из рыцарей тебя все-таки догнал. Кто это был?

– Он обещал, что никому не скажет о нашей встрече, – вспыхнув, пробормотала Энни. – И если он хочет сохранить голову на плечах, то сдержит обещание.

Потом она нахмурилась и резко сменила тему разговора.

– Как Фастия осмелилась говорить с тобой в подобном тоне? Угрожать тебе? Нет, я этого так не оставлю. И, кажется, я уже придумала, как проучить мою дорогую сестрицу.

– И как же?

– Сейчас я нанесу визит королеве Виргенье. Посещу ее гробницу. И скажу ей о том, как Фастия тебя обижает, а мне не дает шагу ступить. Уверена, она нам поможет.

Глаза Остры расширились от удивления.

– Но я... я думала, мы возвращаемся домой.

– Это не займет много времени.

– Но...

– Я делаю это исключительно ради тебя, – сказала Энни. – Поехали. Не бойся. Все будет хорошо.

– А через час или около того мы сможем вернуться в замок?

– Конечно.

– Ну, тогда поехали, – испустила сокрушенный вздох Остра и решительно вздернула подбородок.

Подруги пересекли несколько каналов и оказались в королевском квартале; улицы здесь были вымощены свинцовыми плитками, чисто выметены и отполированы до блеска башмаками многочисленных посетителей. Вытесанные из камня статуи святых поддерживали плоские или наклонные крыши, повсюду росли первоцвет и примулы, а двери были заперты на надежные стальные засовы и замки.

Последний круг окружала стена из черного, поблескивающего слюдяными вкраплениями гранита; поверху шел ряд острых железных зубцов. У ворот подобно часовым возвышались статуи: святой Андер с удлинённым мрачным лицом сжимал в руке молот, а святая Дан была изображена в венке из роз, и по ее щекам стекали слезы.

К тому же около ворот прохаживался здоровенный детина средних лет, в темно-серой ливрее; такова была форма рыцарей-священнослужителей, в обязанность которых входило охранять покой мертвых.

– Добрый вечер, принцесса Энни, – поклонился он, завидев всадниц.

– И вам желаю приятного вечера, сэр Лен, – приветливо ответила Энни.

– Я так понимаю, вы снова пожаловали сюда, не сообщив никому, куда направляетесь, – сказал он и почтительно снял шлем, открыв заплетенные в косы каштановые волосы, обрамлявшие лицо столь плоское, грубое и суровое, что оно казалось высеченным из камня.

– Кто вам об этом сказал? Неужели матушка или Фастия были здесь и расспрашивали обо мне?

Губы рыцаря тронула едва заметная улыбка.

– Я не имею права рассказывать вам об их посещениях, принцесса, точно так же, как не должен рассказывать им о ваших. Иначе я нарушу свой обет. Я храню молчание о том, кто сюда приходит и каким занятиям предаются посетители. Вы это знаете, принцесса, и являетесь сюда, когда вам заблагорассудится, не опасаясь, что ваши родители проведуют об этом.

– Вы что, не хотите пускать меня?

– Я не имею права не пускать вас, принцесса, и это вам тоже известно. Проходите.

– Благодарю вас, сэр Лен.

Когда девушки вошли в ворота, сэр Лен ударил в медный колокол, тем самым давая знать покоящимся за оградой королям, что к ним явились гости.

Энни вновь ощутила знакомую щекотку внутри – верный признак того, что на нее устремлены ледяные взгляды призраков.

«Я тебе покажу, Фастия, противная ты зануда, – усмехнулась она про себя. – Ты пожалеешь о своих словах».

Энни и Остра соскочили с лошадей и привязали их у ограды, за которой спали вечным сном мертвецы королевского рода Отважных. За оградой находился также небольшой алтарь, усыпанный свежими и высохшими цветами; там же стояли свечи – наполовину сгоревшие и целые, и чаши, от которых исходил запах меда, вина и дубового пива. Энни зажгла одну свечу, и обе девушки преклонили колени, чтобы произнести молитву. Свинцовые плиты были холодными и жесткими. Где-то поблизости гомонили сойки и вороны, и их голоса сливались в нестройный тревожный хор. Губы Энни шептали священные слова:

О святые, которые хранят моих предков,
Святой Андер – защитник, святая Дан, которая покоит их сон.
Пусть шаги мои будут легки,
Пусть предки мои спят или проснутся, согласно своим желаниям.
Благословите их, храните их,
Позвольте им узнать меня, пусть только во сне.
Сакаро, Сакараум, Сакарафум.

Закончив молитву, Энни схватила подругу за руку.

– Идем, – едва слышно выдохнула она.

Девушки проскользнули в огромный дом, где покоился прах дальних и ближних предков Энни. Там ее усопшие тетки и дяди устраивали полночные балы, а ее маленький братец Авьен играл в своей мраморной колыбели. Они обогнули колоннаду из красного мрамора, миновали украшенную бронзой арку, прошли через дворец меньшего размера, где нашли пристанище королевские кузены, которые, без сомнения, и после смерти продолжали предаваться своему излюбленному занятию – заговорам и интригам против августейших родственников. Наконец девушки оказались во внутреннем дворе, где могучие старые деревья бросали тень на каменные стены.

За многие годы Остра и Энни успели протоптать к гробнице тропинку, и по мере того как ноги их росли, тропа становилась все шире. Неистовые святые не жаловались на это, не

поражали их лихорадкой или сыпью, и девушки считали, что мертвые на них не в претензии. Все прочие следы своего пребывания они тщательно скрывали – прятали циновки, сплетенные из виноградной лозы, за камень, который можно было с легкостью отодвинуть.

Однако Энни была уверена, что визиты их остаются тайной лишь потому, что такова воля Виргеньи. На протяжении двух тысяч лет она скрывала от посторонних взоров свою гробницу, открыв ее только Энни и Остре. И несомненно, королева не желала, чтобы о месте ее упокоения узнал кто-нибудь еще.

Опустившись на колени, Энни приблизилась к каменному саркофагу.

С того дня, как подруги впервые обнаружили гробницу, им не разу больше не удалось сдвинуть тяжелую крышку. Поразмыслив, Энни поняла: королева не хочет, чтобы она заглядывала внутрь, – и оставила всякие попытки.

И все же между крышкой и саркофагом по-прежнему оставалась едва заметная щель.

– Слушай, Остра, у тебя есть с собой стило и фольга? – спросила Энни, благоговейно дотрагиваясь до крышки.

– Энни, прошу тебя, не надо из-за меня навлекать на Фастию проклятие, – взмолилась Остра.

– А я и не собираюсь навлекать на нее проклятие, – отрезала Энни. – Но слегка наказать ее необходимо. Она становится невыносимой. Ни мне, ни тебе житья от нее не стало. Надо же, придумала – угрожать, что нас разлучит.

– Раньше она была совсем другой, – напонила Остра. – Помнишь, как она с нами играла. Она была самой лучшей нашей подругой. Наряжала нас, делала нам прически, вплетала в волосы цветы.

– Это было давно. А с тех пор как Фастия вышла замуж, ее словно подменили. Теперь она нам не подруга, а надзирательница.

– Попроси у королевы, чтобы Фастия стала прежней, веселой и доброй. А наказывать ее не надо. Я не хочу, чтобы она заболела какой-нибудь страшной болезнью.

– Да и я не хочу, – пожала плечами Энни. – Страшная болезнь – это слишком даже для Фастии. А вот чирей на заднице ей не помешает. Или хотя бы несколько прыщей на ее хорошеньком точеном носике. Ладно, давай фольгу и стило.

Она взяла из рук Остры тонкий листок олова и железную палочку для письма, положила лист на крышку гроба и принялась писать:

«О великая королева, окажи мне великую милость, передай мою просьбу святой Цер, упрости ее снизойти к моему желанию. Пусть сестра моя Фастия никогда больше не обижает мою подругу Остру и пусть она вновь станет доброй, такой как была прежде».

Энни перечла написанное. На листке еще оставалось свободное место. Она вновь взялась за стило и поспешно приписала:

«А еще я хочу завладеть сердцем юноши по имени Родерик Данмрог. Пусть отныне он будет думать только обо мне и каждую ночь видеть меня во сне».

– Что это взбрело тебе в голову? Кто такой Родерик Данмрог? – воскликнула удивленная Остра.

– Ты подглядывала! – возмутилась Энни.

– А как же иначе! Я боялась, что ты и в самом деле просишь насрать на Фастию чирьи или прыщи!

– Плохо же ты меня знаешь. Видишь сама, ничего такого я не просила. И нечего тебе совать сюда свой нос, – обиженно прошипела Энни, отталкивая подругу.

– Ага, зато ты просишь, чтобы какой-то мальчишка в тебя влюбился, – ликовала Остра.

– Никакой он не мальчишка. К твоему сведению, он рыцарь.

– Тот самый, что спустился по ущелью вслед за тобой? Тот, с которым ты разговаривала в городе мертвых? Значит, ты в него влюбилась? – не оставляла ее в покое Остра.

– Разумеется, даже не думала. С какой стати мне в него влюбляться? Вечно ты придумываешь всякие глупости. Мне просто хочется, чтобы он...

– Втрескался в тебя по самые уши. Думал о тебе дни и ночи напролет. Утратил покой и сон, – услужливо подсказала Остра. – Знаешь, Энни, у сказок про принцессу и простого рыцаря редко бывает хороший конец, – добавила она с неожиданной серьезностью.

– Может быть, святая Цер не сочтет мою просьбу достойной внимания, Остра. Любовь ее не слишком волнует. Ей больше нравится насылать проклятия.

– Думаю, если этот рыцарь в тебя влюбится, это станет для него настоящим проклятием, – заявила Остра.

– Очень остроумно, – усмехнулась Энни. – Пожалуй, ты сможешь заменить Песью Шапку в должности придворного шута.

С этими словам Энни бережно сложила лист фольги и сунула его в щель.

– Дело сделано, – выдохнула она. – А теперь идем. Но как только Энни поднялась с колен, перед глазами у нее все поплыло, и на мгновение она забыла, где находится. Руки и ноги внезапно стали невероятно легкими, а в груди зазвенел золотой колокольчик.

– Энни, что с тобой? – донесся до нее встревоженный голос Остры.

– Ничего. Немного закружилась голова. Но сейчас все прошло. Пойдем, нам давно пора вернуться в замок.

6. Король

– Пожалуй, настало время представиться, – проскрежетал огромный ханзеец. – Меня зовут Эвервульф эф Гастенмарка, и я являюсь оруженосцем сэра Аларейка Уишилма, которому ты только что нанес оскорбление.

– Меня зовут Нейл МекВрен. Я – оруженосец сэра Файла де Лири, и я обещал своему господину и наставнику не обнажать клинок против тебя и твоих товарищей.

– Это ты ловко придумал, сопляк, однако твоя хитрость тебе не поможет. Для того чтобы оторвать тебе голову, мне не понадобится клинок – ни твой, ни свой. Я с легкостью сделаю это голыми руками.

Нейл испустил глубокий медленный вздох и напряг мускулы.

Эвервульф надвигался на него, подобно разъяренному быку. Нейл, несомненно уступая противнику по силе и мощи, явно выигрывал в проворстве и ловкости. В последнюю секунду он увернулся от врага и ударил кулаком ему прямо в нос. Ханзеец пошатнулся, схватился руками за воздух, однако устоял на ногах. Тогда Нейл, подскочив, с размаху врезал ему локтем по ребрам, ощущая, как кости противника жалобно захрустели. Еще один удар, на этот раз под мышку, – и с неповоротливым ханзейцем было покончено. Он тяжело рухнул на спину и потерял сознание.

Однако товарищи поверженного оруженосца не собирались сражаться по правилам. Краешком глаза Нейл заметил занесенную над его головой руку. Он бросился на землю и лягнул в колено того, кто, вопреки традициям честного боя, вознамерился нанести удар со спины. Оруженосец упал, выронив деревянный меч, который сжимал в руке. Нейл стремительно схватил оружие, обычно используемое для упражнений в фехтовании, раскрутил его в воздухе и нанес следующему ханзейцу удар по лодыжке. Тот пронзительно закричал, точно раненая лошадь.

Нейл вскочил на ноги. Один из нападавших, тот, что хотел оглушить его деревянным мечом, торопливо улепetyвал прочь. Эвервульф лежал без движения, лишь грудь его ходила ходуном. Оруженосец, получивший удар в лодыжку, тоже корчился на земле, издавая какое-то бульканье. Нейл небрежно оперся на деревянный меч.

– Ну что, вы довольны? – процедил он сквозь зубы. – Или, может быть, еще?

– Хва-а-тит, – простонал тот ханзеец, что мог говорить.

– Тогда спокойной вам всем ночи, – сказал Нейл. – Жду с нетерпением, когда мы с вами встретимся вновь. Надеюсь, на сей раз поединок будет честным и мы сразимся, как положено рыцарям.

С этими словами Нейл отшвырнул прочь деревянный меч, пригладил волосы и бросил взгляд вверх, туда, где в лунном свете сверкали остроконечные шпильки замка.

Королевский двор! Завтра он увидит королевский двор!

Уильям Второй, король Кротении, судорожно вцепился в каменный переплет высокого окна. Король ощущал себя совершенно невесомым, ему казалось, что порыв ветра способен подхватить его и унести прочь. В череп словно вбивались тысячи иголок, а в глазах было так темно, будто солнечные лучи за окном померкли. Нестерпимый ужас сжал сердце короля, и его ноги едва не подкосились.

«Мертвые называют мое имя, – подумал он и мысленно задал страшный вопрос: – Неужели конец мой близок?»

Дядюшка Уильяма тоже умер внезапно. Только что был бодр и весел, болтал, улыбался и вдруг повалился на пол и в мгновение ока испустил дух.

– Что случилось, милый брат? – раздался заботливый голос Роберта, стоявшего в дальнем конце комнаты.

Роберт чувствовал, что король слабеет, чувствовал так же безошибочно, как акулы чуют кровь.

Уильям глубоко вздохнул, стараясь набрать в грудь побольше воздуха. Нет, его сердце не остановилось – оно колотилось, бешено стучало. Небо за окном радовало взгляд голубизной. Вдали, за шпилями замка и остроконечными крышами домов, зеленела лента луга. Ветер дул с запада, с моря, и казалось, у него был легкий соленый привкус.

«Нет, я не умру в такой прекрасный день, – подумал король. – Это было бы нелепо».

– Уильям? – вновь окликнул его Роберт. Король нехотя отвернулся от окна.

– Мне необходимо привести себя в порядок, брат. Будь любезен, подожди меня в Голубином зале.

– Ты изгоняешь меня из своей опочивальни? Чем я заслужил подобную немилость?

– Прошу тебя, оставь меня. Чело Роберта омрачилось.

– Как тебе будет угодно, Уильям. Но не заставляй меня долго ждать.

Как только дверь за Робертом закрылась, Уильям без сил рухнул в кресло. Он боялся, что ноги подведут его на глазах у младшего брата. Допускать этого не следовало ни в коем случае.

Что же с ним происходит?

Несколько мгновений король сидел, откинувшись на спинку кресла; грудь его тяжело вздымалась, пальцы цеплялись за инкрустированные слоновой костью дубовые подлокотники. Наконец он поднялся, пошатываясь подошел к умывальному тазу и побрызгал себе в лицо холодной водой. Потом пристально посмотрел в зеркало на собственное лицо, по которому стекали капли. В аккуратно подстриженной бороде и выющихся каштановых волосах короля почти не было седины, но под глазами залегли темные круги, лоб бороздили глубокие морщины, а кожа имела нездоровый желтоватый оттенок.

«И когда только я успел состариться?» – вздохнул он про себя.

Королю исполнилось всего сорок пять, но выглядел он старше, чем многие из тех, кто разменял шестой десяток зим.

Уильям вытер лицо льняным полотенцем и позвонил в колокольчик. Несколько мгновений спустя появился камердинер – круглый, лысеющий человек, облаченный в черные рейтузы и расшитый золотом алый камзол.

– Сэр?

– Джон, проследи, чтобы моему брату подали вина. Ты знаешь, какое он предпочитает. И пришли Пафела одевать меня.

– Да, сэр. Сэр, осмелюсь ли спросить...

– Что?

– Вы хорошо себя чувствуете?

В голосе Джона звучало искреннее беспокойство. Он служил камердинером короля без малого тридцать лет и был человеком, которому Уильям доверял безраздельно, а таких во всем королевстве насчитывалось совсем немного.

– Честно говоря, Джон, мне немного не по себе, – признался король. – Сам не понимаю, что со мной. Я все время ощущаю... Какой-то страх, предчувствие беды. Никогда, даже на поле боя, со мной не было ничего подобного. И хуже всего: Роберт заметил, что со мной творится неладное. Теперь мне необходимо обсудить с ним неотложные дела. А после состоится прием... За весь день у меня не бывает свободной минуты. А иногда так хочется...

Король внезапно осекся и покачал головой.

– Мне очень жаль, сэр, что вы нездоровы. Могу я как-нибудь помочь вам?

– Боюсь, что нет, Джон. И все равно, спасибо.

Джон кивнул и направился к двери, но вдруг резко повернулся.

– Некоторые страхи и дурные предчувствия, сэр, трудно объяснить. Бывает, человек по непонятным причинам испытывает такое чувство, словно летит в пропасть.

– Да, Джон, я чувствую что-то в этом роде. Но я не лечу в пропасть. Я твердо стою на ногах.

– Да будет мне позволено заметить, сэр, каждого из нас подстерегает множество пропастей.

Несколько мгновений король пристально смотрел на своего верного слугу, затем губы его искривились в усмешке.

– Ступай, Джон. Подай моему брату вина.

– Да хранят вас все святые, сэр.

– И тебя тоже, дружище.

В спальню вошел Пафел, румяный молодой человек, говоривший с сильным деревенским акцентом. За ним следовал его новый помощник, Кент.

– Сегодня я не собираюсь облачаться в парадное одеяние, – непререкаемым тоном сообщил им король. – По крайней мере, сейчас я предпочитаю более удобный костюм.

И он раскинул руки, чтобы слуги могли снять с него халат.

– Как вам будет угодно, сэр. Осмелюсь заметить, сегодня день святого Тиффа, и, разумеется, цвета этого святого наиболее предпочтительны. Но сегодня также равноденствие, которому покровительствует святая Фесса, поэтому...

Под неумолчную болтовню Пафела слуги облекли короля в расшитые золотом черные рейтузы, красный шелковый, украшенный вышивкой в виде цветов, камзол с высоким воротником и мантию из черного горноста. Привычная процедура одевания благотворно подействовала на Уильяма.

«В конце концов, этот день ничем не отличается от всех прочих», – пришла ему в голову успокоительная мысль.

Он и не думает умирать, и для тревожных мыслей нет никаких оснований. К тому времени как туалет короля был завершен, руки и ноги у него перестали дрожать, и лишь смутная необъяснимая тоска, томившая Уильяма в последние несколько месяцев, по-прежнему шевелилась в глубине его души.

– Спасибо, джентльмены, – кивнул он головой слугам. Когда те удалились, король сделал несколько глубоких вдохов, словно собираясь с силами, и направился в Голубиный зал.

То было просторное, достаточно светлое помещение – настолько, насколько комната с каменными сводами может быть светлой.

Алебастровые стены сплошь покрывали гобелены и драпировки светло-зеленого и золотистого оттенка. Большие окна были широко распахнуты: какая нужда в узких бойницах – ведь если королевская армия позволит неприятелю ворваться за стены замка, битва все равно проиграна.

Едва заметное пятно на сверкающем чистотой полу напомнило Уильяму о событии, некогда случившемся в этом зале. Именно здесь более ста лет назад упал замертво Тизвальд Фрам Рейксбург, известный также под именем Волчья Шкура. Меч первого Уильяма Отважного, монарха, правившего тогда в Эслене, рассек врага до печени.

Уильям благоговейно перешагнул через пятно. Роберт восседал в кресле – королевском кресле и делал вид, что читает молитвенник. Заметив брата, он вскинул голову и насмешливо произнес:

– Тебе не было необходимости так наряжаться ради встречи со мной, Уильям.

– О чем ты хотел поговорить со мной, Роберт? У тебя опять какая-то просьба?

– Просьба? Вот уж нет!

Роберт встал, лениво потянувшись своим длинным, тонким телом. Ему минуло всего двадцать зим, он был намного моложе брата и, чтобы подчеркнуть это обстоятельство, носил маленькие усики, козлиную бородку и коротко стриг волосы, что было в моде среди самых

отчаянных придворных франтов. Его правильные черты нередко искажала кривая самодовольная ухмылка.

– Это ты должен просить меня, Уилм, – бросил он. – Просить, чтобы я рассказал тебе о том, что мне удалось узнать.

– И что же тебе удалось узнать?

– Вчера вечером я неплохо повеселился в обществе лорда Реккарда, досточтимого посла из Салтмарка.

– Представляю, что это было за веселье. Впрочем, мне нет никакого дела до твоих попок.

– Ошибаешься. Как я уже сказал, мы славно развлеклись. Сначала пошли в «Кабанью бороду», потом в «Говорящего медведя», потом пересекли канал и отправились в «Дочь скупца».

– Впечатляющий поход, ничего не скажешь. Надеюсь, твой спутник остался жив? И благодаря твоим развлечениям мы не окажемся втянутыми в войну с Салтмарком?

– За посла не волнуйся. Он жив-здоров. Хотя, возможно, сейчас его мучают угрызения совести. Что касается войны... Но дай же себе труд меня дослушать.

– Я весь внимание, – кивнул головой Уильям, стараясь сохранить на лице непроницаемое выражение.

При всем желании он не мог доверять своему младшему брату и сейчас, как всегда, ждал от него подвоха.

– Помнишь жену Реккарда, очаровательное создание по имени Сеглаша? – продолжал Роберт.

– Конечно, помню. Если я не ошибаюсь, она ведь из Хериланца?

– Да, и она истинная дочь этой варварской страны. Тот супруг, что был у нее до Реккарда, по ее милости лишился мужской силы. А до этого у нее был еще один – этого бедолагу ее братья разрубили на куски за то, что он на людях обошелся с ней неуважительно. Реккард, надо сказать, весьма опасается своей прелестной женушки.

– И, похоже, имеет на то веские основания, – усмехнулся Уильям.

Роберт насмешливо выгнул бровь.

– Тебе нелегко его понять. Ведь ты женат на женщине из рода де Лири. Она, по крайней мере...

– Не смей говорить неуважительно о моей супруге, – рявкнул Уильям. – Я и слушать не буду.

– Вот как? А со своими любовницами ты так же строг? Разве с ними ты не обсуждаешь свою обожаемую половину? Дело в том, что на днях я слышал от леди Берри несколько весьма нелестных отзывов о твоей супруге. И у меня создалось впечатление, что сия очаровательная особа лишь передавала чужие слова.

– Роберт, я надеюсь, ты не собираешься учить меня хорошим манерам и достойному поведению. В твоих устах подобные наставления звучат слишком лицемерно. Если не сказать – дико. Не уподобляйся козлу, который дразнил барана лохматым.

Роберт прислонился к алебастровой колонне и скрестил руки на груди.

– Нет, дорогой братец, я не намерен тебя учить, – ухмыльнулся он. – Я хотел лишь спросить, известно ли тебе, что Ханза направила в Салтмарк тридцать военных галер и тысячу пехотинцев.

– Что? Откуда ты это знаешь?

– Как я уже имел случай тебе сообщить, бедняга Реккард до смерти боится своей жены. Мне не составило труда догадаться: он отнюдь не желает, чтобы наши маленькие шалости с веселыми девицами во дворце Ларка стали ей известны. И я дал ему понять, что буду нем как рыба, если... если он, напротив, кое о чем проговорится.

– Иначе говоря, ты решил его шантажировать. Представители рода Отважных никогда не опускались до низких интриг.

Роберт пренебрежительно хмыкнул.

– Насколько я понимаю, теперь ты решил преподать мне урок хороших манер и достойного поведения? Должен заметить, в твоих устах подобные наставления звучат не менее лицемерно. Если не сказать дико. Тебе необходимы мои «низкие интриги», Уильям, и ты сам это прекрасно знаешь. Именно благодаря им ты сохраняешь видимость безупречной добродетели и одновременно – власть в королевстве. Но, возможно, ты не пожелаешь узнать сведения, которые я раздобыл столь бесчестным и коварным способом?

– Ты понимаешь, что я не могу себе позволить подобной разборчивости. И всегда это понимал.

– Ты прав. И поэтому впредь воздержись от упреков, Уилм.

Король тяжело вздохнул и бросил тоскливый взгляд за окно, на безоблачное голубое небо.

– А кто еще знает об этом? Об этих ханзейских судах?

– Ты имеешь в виду, при дворе? Только ты и я. Ну и конечно, посол.

– Но почему Ханза ввела свои войска в Салтмарк? И почему Салтмарк это позволил?

– Не притворяйся дураком. Причина может быть только одна. Они действуют заодно. Ведут приготовления.

– Приготовления? Но к чему?

– Реккарду об этом ничего не известно. Если же тебе угодно выслушать мое скромное мнение, то, я полагаю, они замышляют в ближайшее время захватить острова Печали.

– Острова Печали? Но зачем?

– Чтобы спровоцировать нас на ответные действия. У меня на этот счет нет ни малейших сомнений. У Ханзы слишком могущественный флот и огромная армия, братец. А император Ханзы уже стар – ему хочется побыстрее пустить свои вооруженные силы в ход, пока он еще в состоянии ими командовать. А больше всего на свете ему хочется заполучить корону, которая украшает твою царственную голову.

«Маркомир Фрам Рейксбург далеко не единственный, кто желает получить мою корону, – с горечью подумал король. – Или, милый братец, ты действительно считаешь меня безмозглым кретином, не способным догадаться о твоих тайных притязаниях?»

– Я так полагаю, тебе стоит задать несколько откровенных вопросов ханзейскому послу, – предложил Роберт. – Его корабль вчера бросил якорь в гавани.

– Скорее всего, это только осложнит дело, – пожал плечами король. – А может, и наоборот. Не исключено, он прибыл сюда, чтобы официально объявить нам войну. – С сокрушенным вздохом король запустил пальцы в свои густые волосы. – В любом случае, согласно придворному этикету, я должен принять делегацию лишь послезавтра, после праздника в честь дня рождения моей дочери. Изменять своих планов я не буду – это может вызвать ненужные подозрения и толки. – Король помолчал, погрузившись в размышления, и потом спросил: – А где сейчас лорд Реккард?

– Отсыпается после ночных увеселений.

– Приставь к нему шпионов, и к ханзейцам тоже. Я хочу знать обо всех письмах, которые они получают. Если они пожелают встретиться, не надо чинить им препятствий, однако каждое их слово должно быть услышано и передано мне. Ни при каких обстоятельствах нельзя позволять им отправлять какие-либо сообщения за пределы города. – Король переплел пальцы и устремил, на них задумчивый взгляд. – Не теряя времени, мы пошлем несколько кораблей к островам Печали, – добавил он. – Только сделать это надо без лишнего шума.

– Весьма разумное решение, – подхватил Роберт. – Ты хочешь, братец, чтобы я действовал в качестве твоего уполномоченного?

– Да. Выполняй мои распоряжения, пока не получишь новых. Завтра же я издам приказ о возложении на тебя особых полномочий.

– Благодарю тебя, Уильям. Обещаю, что не обману твоего доверия и не посрамлю славного имени Отважных.

Если в пышной тираде Роберта и звучали нотки сарказма, они были слишком тихи и едва различимы. Но король Уильям прекрасно понимал, что творится на душе у младшего брата. Недаром он знал его с рождения. Впрочем, с той поры минуло не так много времени.

Тут в вестибюле слегка звякнул колокольчик.

– Войдите! – крикнул Уильям.

Дверь чуть приоткрылась, и на пороге появился Джон.

– Прайфек просит принять его, сэр. Он только что прибыл из Виргеньи. И говорит, у него для вас сюрприз.

«Прайфек. Ну что ж, великолепно».

– Разумеется, я приму его, Джон. Веди его сюда.

Минуту спустя в зал вошел верховный священнослужитель Марше Хеспери, облаченный в черный дорожный плащ.

– Ваше величество, – произнес он, низко кланяясь Уильяму. Потом обернулся к Роберту и почтительно склонил голову: – Приветствую вас, архгрефт.

– Рад видеть вас, прайфек, – благосклонно улыбнулся Роберт. – Надеюсь, вы вернулись из Виргеньи в добром здравии?

– Да, хвала всем святым, – ответил церковный иерарх.

– А как поживают наши родственники в Виргенье? – продолжал расспросы Роберт. – Бьюсь об заклад, они еще более упрямы и тупоголовы, чем мы сами. И еще сильнее закоснели в своих заблуждениях.

Уильяму отчаянно захотелось приказать младшему брату попридержать язык. Такое желание возникало у него постоянно.

Но Хеспери ответил на выпад Роберта невозмутимой улыбкой.

– Позволю себе сказать, во многих отношениях ваши почтенные родственники чрезвычайно несговорчивы. Порой они проявляют прискорбное равнодушие к вопросам ереси, что внушает некоторое беспокойство. Но всеми земными делами располагают святые, а нам остается лишь уповать на их волю, не так ли?

– Да, все мы в воле святых, – изрек Уильям. Лицо прайфека по-прежнему светилось улыбкой.

– Пути святых неисповедимы, но церковь искони являлась их излюбленным прибежищем. В древних скрижалях записано, что королевство является служителем церкви, ее верным рыцарем. Если бы ваши рыцари отказались служить вам, король Уильям, как бы вы отнеслись к этому?

– Они никогда этого не сделают, – пожал плечами Уильям. – Не желаете ли вина и сыра, прайфек? А может, приказать принести медовых груш? Они как раз поспели за время вашего отсутствия, и чрезвычайно вкусны с голубым сыром из Тери Галле.

– Я не отказался бы от бокала вина, – ответил Хеспери. – А больше ничего не надо.

Джон наполнил для Хеспери кубок, тот отхлебнул из него и слегка нахмурился. Это не ускользнуло от Уильяма.

– Вижу, вино вам не по вкусу, прайфек. Я прикажу принести бутылку из урожая другого года.

– Вино превосходное, сэр. Причина моего беспокойства кроется в другом.

– Прошу вас, ваша милость, поделитесь с нами причинами вашей тревоги.

Хеспери помолчал несколько мгновений, потом опустил кубок на поднос и произнес:

– Я не успел еще повидаться ни с кем из членов Комвена, но слухи, дошедшие до меня, показались мне невероятными. Скажите мне, сэр, насколько они справедливы? Вы действительно ввели закон, позволяющий наследовать престол особам женского пола?

– Этот закон ввел не я, – пожал плечами Уильям. – Его ввел Комвен.

– Утвердив ваше предложение, то самое, по поводу которого мы никак не могли прийти к согласию?

– Надеюсь, прайфек, все обсуждения и споры закончены – отрезал король.

– Но вы помните мои возражения? Помните, что наследование престола женщинами запрещено церковными установлениями?

Уильям улыбнулся.

– Да, я помню ваше мнение. Но все прочие священнослужители, входящие в Комвен, не согласились с ним. Они проголосовали за принятие закона. По всей видимости, установление, на которое вы ссылаетесь, можно толковать по-разному, ваше преосвященство.

На самом деле потребовалось немало усилий, чтобы заставить хотя бы одного священника выступить за предложение Уильяма. Однако Роберт сумел-таки добиться поддержки, действуя своими привычными методами – грязными, но надежными.

В подобных случаях король вынужден был признать, что Роберт воистину незаменим.

Гневная морщина пересекла лоб прайфека, однако усилием воли он согнал ее с чела.

– Я понимаю, ваше величество, престолу необходим наследник. Чарльз, ваш единственный сын, воистину носит на себе благословение святых, но...

– Не будем касаться в этом разговоре моего сына, прайфек, – отчеканил король. – Вы находитесь у меня в доме, и я запрещаю вам произносить его имя.

Черты священнослужителя посуровели.

– Ваше желание для меня закон, сэр. Я просто хотел сообщить вам, что буду вынужден поставить этот вопрос на рассмотрение высшего церковного совета.

– Как вам будет угодно, – кивнул головой король. «Пусть только попробуют отменить решение Комвена, – с усмешкой подумал он. – Пусть попробуют убедить эту вздорную шайку лордов, что те приняли неправильное решение. Никогда им этого не добиться... Одна из моих дочерей взойдет на престол и будет править, а мой дорогой мальчик, да хранят его святые, до глубокой старости сможет безмятежно играть со своими игрушками и забавляться выходками любимого шута. Нет, Хесперио, не рассчитывай получить слабоумного короля, которым ты будешь вертеть по своему усмотрению. Если дойдет до этого, я лучше передам трон Роберту».

– Клянусь всеми святыми! – раздался у дверей звонкий женский голос. – Вы трое, я вижу, вознамерились потратить весь день на скучные разговоры о политике.

Роберт отреагировал на появление женщины первым.

– Лезбет! – закричал он, в несколько огромных шагов подскочил к вошедшей и сжал ее в объятиях.

Она рассмеялась, когда принц закружил ее на руках, гребень вылетел из ее рыжих волос, и они рассыпались по плечам. Когда Роберт наконец опустил ее на пол, она поцеловала его в щеку, затем торопливо оправила платье и бросилась в объятия Уильяма.

– Вот это радость, прайфек! – с неподдельным пылом воскликнул Роберт. – Благослови вас святые за то, что вы привезли мою любимую сестру. Она загостилась в деревенской глуши, а мне ее ужасно не хватало. Мы ведь с ней близнецы.

Уильям меж тем чуть отдалил от себя младшую сестру, чтобы получше рассмотреть ее.

– Святой Лой, как ты выросла, девочка! – с умилением пробормотал он. – И очень похорошела!

– Копия нашей матушки, – добавил Роберт.

– Как я скучала по вам, милые мои братья! – воскликнула Лезбет, хватая обоих за руки. – Как я ждала этого дня!

– Ты должна была предупредить о своем приезде, – упрекнул сестру Уильям. – Мы устроили бы грандиозный праздник в твою честь.

– Мне хотелось сделать вам сюрприз. К тому же ведь завтра день рождения Элсени, правда? Мне не хотелось бы ее обижать, привлекая к себе слишком много внимания.

– Ты не способна никого обидеть, сокровище мое, – горячо возразил Роберт. – Иди сюда, садись, Расскажи нам обо всем.

– Вы оба были так грубы с прайфekom, – укоризненно покачала головой Лезбет. – И это после того, как он оказал немалую услугу, согласившись сопровождать меня. И поверьте, его общество очень скрасило мне тяготы пути. Прайфек, я не могу выразить, как велика моя благодарность.

– И я тоже чрезвычайно признателен вам, ваше преосвященство, – торопливо подхватил Уильям. – Простите, если я был с вами резок. Хотя день еще только начался, до сих пор он приносил мне одни неприятности. Но вы подарили мне огромную радость, доставив сестру домой в целости и сохранности. Отныне я ваш должник. Я всегда был другом и верным слугой церкви, и сумею доказать это вам.

– Рад служить вашему величеству, – произнес прайфек, отвечивая низкий поклон. – А теперь позвольте мне удалиться. Мои подчиненные на редкость бестолковы, и боюсь, мне понадобится много недель, чтобы навести порядок в своем ведомстве. Как бы то ни было, если вашему величеству понадобится мой совет, я всегда к вашим услугам.

– Буду счастлив видеть вас при дворе, прайфек, – ответил король. – Поверьте, мне очень не доставало ваших мудрых и предусмотрительных суждений.

Прайфек еще раз поклонился и покинул зал.

– Нам необходимо выпить еще вина! – издал ликующий клич Роберт. – И без помех поболтать и повеселиться. Ты столько должна нам рассказать. – Он повернулся на каблуках. – Я мигом все устрою. Лезбет, ты придешь в мои покои? Примерно через полчаса?

– Разумеется, милый братец.

– А ты, Уильям?

– Возможно, загляну ненадолго. Не забывай, у меня сегодня придворный совет.

– Какая жалость. Нам будет очень тебя не хватать, да, Лезбет? Значит, через полчаса. Смотри не опаздывай.

И, шутливо погрозив сестре пальцем, он убежал. Оставшись наедине со старшим братом, Лезбет взяла его руку и погладила ее.

– Ты хорошо себя чувствуешь, Уилм? Вид у тебя усталый.

– Я и в самом деле немного устал, девочка. Но все это ерунда, тебе не о чем беспокоиться. И теперь, с твоим приездом, я ощущаю настоящий прилив сил, – Он крепко сжал ее нежную ручку. – Ты не представляешь, как я счастлив, что ты снова с нами. Я так по тебе скучал.

– И я тоже. А как поживает Мюриель? А девочки?

– У них все хорошо. Ты не узнаешь Энни, так она выросла. А Элсени совсем взрослая. Представляешь, она уже обручена! Завтра, в день ее рождения, ты увидишь ее во всей красе.

– Да, – проронила Лезбет и смущенно потупилась. – Знаешь, Уилм, я должна кое о чем тебе рассказать. И попросить кое о чем. То есть, мне нужно твое разрешение... Но сначала ты должен пообещать, что то, о чем я попрошу... Словом, это не должно помешать отпраздновать день рождения Элсени.

– Ты что-то темнишь, сестренка. Впрочем, я готов выполнить любую твою просьбу. Так что говори смело. Но, надеюсь, ничего серьезного с тобой не произошло.

В глазах Лезбет вспыхнули искры.

– Нет, произошло. Со мной случилось нечто очень серьезное. По крайней мере, мне хочется в это верить.

Мюриель Отважная, королева Кротении, отодвинулась от крошечного отверстия в стене, сквозь которое она наблюдала за своим мужем и его младшей сестрой. Секрет Лезбет не слишком занимал Мюриель, и она решила позволить королю и принцессе поговорить наедине.

Скинув башмаки и оставшись в одних чулках, королева, бесшумно ступая по гладким каменным плитам пола, миновала узкий коридор, отодвинула потайную дубовую панель, за которой скрывалась крошечная комната, спустилась по винтовой лестнице, украшенной статуей святой Брены, и наконец оказалась у запертых и замаскированных драпировками дверей собственной опочивальни.

Здесь она остановилась, чтобы передохнуть и отдышаться.

– Ты снова была там.

Резкий женский голос, раздавшийся в темноте, заставил королеву вздрогнуть. На другом конце комнаты виднелась чья-то расплывчатая тень.

– А, это ты, Эррен.

– Почему ты опять выполняла мою работу? Не забывай, ты королева. А я – твой тайный соглядатай...

– Мне было так скучно, а ты где-то пропадала. Я узнала о приезде прайфека, и мне ужасно захотелось послушать, что он скажет, – оправдывалась Мюриель.

– Ну и что же?

– Ничего особенно интересного я не услышала. На известие о том, что мои дочери объявлены наследницами престола, прайфект отреагировал именно так, как мы ожидали. Скажи, а тебе известно что-нибудь о ханзейских войсках в Салтмарке?

– Нет, до сих пор до меня доходили лишь неопределенные слухи, – откликнулась Эррен. – В Ханзе сейчас происходит много любопытного. Скоро они перейдут к действиям.

– О каких действиях ты говоришь?

– Я уверена, не пройдет и года, как между Кротенией и Ханзой разгорится война, – хладнокровно сообщила Эррен. – Но сейчас меня больше тревожит другое. Слухи, что распространяются на собраниях тех, кто получил воспитание в особом монастыре.

При этих словах Мюриель невольно вздрогнула. Эррен относилась к числу чрезвычайно искусных наемных убийц, которых церковь специально готовила на службу благородным семьям.

– Ты опасаясь за наши жизни? – с тревогой спросила королева. – Считаешь, что Ханза осмелится разделаться с королевской семьей при помощи тех, кто получил в монастыре тайные знания?

– И да, и нет. Уверена, они поостерегутся прибегать к услугам моих сестер, потому что подобный шаг навлечет на них гнев церкви. Но не только те, кто наделен особой силой, способны убивать. А в Ханзе крепнет уверенность в том, что жизнь короля Кротении необходимо прервать. И это я знаю твердо. – Эррен сделала многозначительную паузу и продолжала: – Но в воздухе носится кое-что еще. Разговоры о новых способах убийства, неизвестных даже мне и таким, как я. О том, что убийцы, прибывшие из Хэдама и других далеких мест, куда искуснее наших. Что за морем они приобретают непревзойденное мастерство.

– И у тебя есть причины опасаться, что эти новые искусные убийцы применят свое мастерство против нашей семьи? – с дрожью в голосе спросила королева.

– Да, у меня есть причины опасаться именно этого, – тоном, не оставляющим никаких сомнений, подтвердила Эррен.

Мюриель в волнении пересекла комнату.

– Раз так, прими все меры предосторожности, которые считаешь необходимыми, особенно в отношении детей, – сказала она, повернувшись к Эррен. – Это все, что ты хотела мне сообщить?

– Да.

– А теперь зажги свечи и прикажи принести подогретого вина. Сегодня в замке стоит жуткий холод.

– Но мы можем выйти на твою веранду. За стенами замка сияет солнце.

– В данный момент я предпочитаю остаться здесь.

– Как тебе будет угодно.

Эррен вышла в соседнюю комнату, шепотом отдала распоряжение ожидавшей там служанке и вернулась с горящей свечой. Подобное освещение было для нее выгодно – рассеянные блики скрывали следы прожитых лет. Сейчас она казалась чуть ли не юной девушкой. Длинные прямые волосы обрамляли лицо с тонкими изящными чертами, лишь несколько седых прядей разрушали иллюзию.

Эррен зажгла еще одну свечу, стоявшую на письменном столе. Теперь, когда освещение стало более ярким, истинный возраст нехотя выдал себя. Стали видны лучики морщин, порезавшие кожу под глазами, глубокие складки, избороздившие лоб, дряблая шея.

Огонек свечи выхватил из темноты и уголок комнаты Мюриель. На стене висел портрет отца королевы. Взгляд его, хотя и суровый, благодаря мастерству живописца лучился добротой, которая отнюдь не была присуща этому человеку при жизни.

Эррен зажгла третью свечу, и из мрака выступили кушетка, швейный столик и край кровати Мюриель. Не пышное ложе, которое она разделяла с королем, – то стояло в супружеской опочивальне, – но ее собственная кровать, сделанная из белого кедра, растущего в горах на островах Святого Лира. На шелковом белом покрывале красовались серебряные звезды. На этой кровати королева спала с детства и сейчас вновь проводила на ней ночи – в одиночестве и тревожных сновидениях.

Четвертая свеча окончательно разогнала мрак и заставила тени притаиться в дальних углах комнаты.

– Сколько тебе лет, Эррен? – неожиданно спросила Мюриель. – Я никогда не знала точно.

Эррен насмешливо вскинула голову.

– Как любезно с твоей стороны задать мне подобный вопрос. Может, еще спросишь, сколько у меня детей?

– Я знаю тебя с тех пор, как ты окончила обучение в монастыре. Мне было тогда восемь. А тебе?

– Как раз исполнилось двадцать. Можешь сама подсчитать, сколько мне теперь.

– Мне тридцать восемь, значит, тебе уже пятьдесят, – подытожила королева.

– Ты хорошо считаешь, – кивнула головой Эррен.

– Ты выглядишь намного моложе. Эррен пожала плечами.

– К женщине, которая никогда не была особенно хороша собой, годы снисходительнее, чем к красавице.

Мюриель слегка нахмурилась.

– Я никогда не считала тебя дурнушкой.

– Судя по всему, ты не слишком разбираешься в женской красоте, – усмехнулась Эррен. – По крайней мере, ты постоянно твердишь, что не считаешь красавицей себя. Однако с тех пор, как тебе минуло тринадцать, по миру идет слава о твоей непревзойденной красоте. Не представляю, как тебе удастся оставаться столь скромной среди всеобщего восхищения. Разве это возможно?

Красиво изогнутые губы Мюриель тронула лукавая улыбка.

– Невозможно, кузина, и ты сама это прекрасно знаешь, – откликнулась она. – Зато вполне возможно изобразить из себя скромницу. А если притворяться слишком долго и убедительно, в один прекрасный день притворство может стать твоей второй натурой. Впрочем, годы тоже приходят на помощь в борьбе с гордыней. Ты сама только что сказала, что они

похищают красоту, и с течением времени скромность показная волей-неволей уступает место скромности истинной.

– Прошу меня извинить, ваше величество, и вы, леди Эррен, – раздался робкий голосок из-за скрытых занавесом дверей. То была Унна, горничная королевы, маленькая девочка с волосами медового оттенка. – Я принесла вино.

– Поставь его сюда, Унна.

– Да, ваше величество.

Горничная опустила на маленький столик кувшин и два бокала. В воздухе повеяло ароматом апельсиновых цветов и гвоздики.

– Сколько тебе лет, Унна? – спросила королева.

– Одиннадцать, ваше величество.

– Прелестный возраст. Даже моя Энни в этом возрасте была очаровательна. По-своему, конечно.

Девочка молча поклонилась.

– Ты можешь идти, Унна.

– Спасибо, ваше величество.

Эррен налила в свой бокал немного вина и сделала глоток. Минуту спустя, убедившись, что вино не отравлено, она удовлетворенно кивнула и наполнила бокал Мюриель.

– А с чего это ты вдруг завела разговор о возрасте и о поблекшей красоте? – обратилась она к королеве. – Снова исподтишка любовалась, как твой супруг развлекается с любовницами? Мне не следовало показывать тебе тайный ход к его комнате.

– Я никогда за ним не подглядывала! – возмутилась Мюриель. – И не собираюсь делать этого впредь!

– Зато этим занималась я. И, доложу тебе, зрелище не слишком впечатляющее. Силы у твоего мужа уже не те. Он, бедняга, слишком громко пыхтит. Вряд ли он способен доставить удовольствие юной Элис Берри. И всем прочим тоже.

Мюриель зажала уши руками.

– Замолчи! Я не желаю этого слушать!

– И, что еще хуже, леди Грэмми заметила его повышенное внимание к Элис и почувствовала себя обиженной.

Мюриель разжала уши и всплеснула руками.

– Вот как! Старая потаскуха недовольна, что ей предпочли молодую!

– А что тебя удивляет? – пожала плечами Эррен. – Это в порядке вещей.

Мюриель слегка вздохнула.

– Мой бедный влюбчивый Уильям. Он так привык гоняться за каждой юбкой. Подчас мне даже становится его жаль. А ты полагаешь, мне стоит вновь затеять скандал? По поводу этих ублюдков, отпрысков леди Грэмми?

– Посмотрим, как будут развиваться события. Думаю, леди Грэмми всю плешь ему проест своими требованиями и упреками, юная Элис вытянет из него все жилы, а ты разделаешься с тем, что останется от бедняги. Это не составит труда.

– Я давно могла его допечь, – усмехнулась королева. – Но он, по-моему... Сегодня, когда я наблюдала за ним в Голубином зале, мне показалось, что Уильям вот-вот потеряет сознание. Он выглядел не просто измученным, а как человек, перед которым маячит призрак смерти. И если твои сведения верны и нам в самом деле предстоит война с Ханзой... Нет уж, лучше я буду ему другом, на которого он всегда может положиться.

– Ты всю жизнь была ему другом, – кивнула головой Эррен. – Его единственным другом. Абриа Грэмми спит и видит, как бы стать королевой, хотя корона пристала ей, как корове седло. Элис и прочие юные девицы мечтают... скажем так, об особом положении, вроде того

что занимает старая шлюха Грэмми. Но ты – ты настоящая королева. Ты одна ничего у него не требуешь и не добиваешься.

Мюриель почувствовала, что ее щеки вспыхнули предательским румянцем. Она уставилась в свой бокал. Отсвет ближайшей свечи играл в нем, как золотая рыбка.

– Хотелось ты мне, чтобы твои слова были правдой, – еле слышно пробормотала королева. – И все же есть нечто, чего я хочу. Хочу получить от короля. Моего супруга.

– Неужели любовь? – фыркнула Эррен. – В твои-то годы?

– Когда-то мы любили друг друга. Не сразу после свадьбы, нет, позднее. Было время, когда мы с ума друг по другу сходили. Разве ты не помнишь?

Эррен неохотно кивнула.

– Он до сих пор тебя любит, – негромко произнесла она.

– Как ты думаешь, он любит меня сильнее, чем Грэмми?

– С тобою его связывает более глубокое чувство.

– Но менее страстное.

– Полагаю, он ощущает перед тобой вину. И поэтому приходит к тебе так редко.

Губы Мюриель тронула едва заметная улыбка.

– Значит, глубокое чувство, которое связывает его со мной, – это чувство вины?

Эррен досадливо выгнула бровь.

– Слушай, а ты никогда не думала завести себе любовника?

– С чего ты взяла, что у меня его нет?

У Эррен глаза на лоб полезли.

– О, на сегодня с меня хватит оскорблений. Сначала ты напомнила мне о моих преклонных годах. Теперь заявляешь, что у меня под носом вертишь шашни с любовником, а я об этом и знать не знаю. Довольно уколов моему самолюбию.

– Прости, я не хотела тебя задеть. А вот твоё предложение насчет любовника стоит обдумать. Очень тщательно обдумать.

– Уверена, все твои размышления ни к чему не приведут.

– Подчас представлять что-либо в воображении куда занятнее, чем осуществлять свои мечты в реальности, – со вздохом заключила королева.

Эррен отпила из своего бокала и наклонилась к королеве.

– И какая же кандидатура пришла тебе на ум? Поделись со мной, не будь такой скрытной. Наверняка герой твоих грез – молодой барон, что недавно приехал из Брюн Авель.

Щеки Мюриель вновь вспыхнули.

– Нет. И хватит об этом, – отрезала она. – Скажи лучше, как там мои дочери? Что они успели натворить сегодня?

Эррен вздохнула и выпрямилась.

– Фастия, как всегда, вела себя безупречно. Элсени все утро хихикала со своими фрейлинами. Они болтали о предстоящей принцессе брачной ночи и наговорили много вздора.

– Милая моя девочка. Думаю, мне стоит самой поговорить с ней.

– Это вполне может сделать Фастия.

– Фастия и так взяла на себя слишком много моих обязанностей. А что Энни?

– Энни... Она вновь ускользнула от охраны и ускакала верхом в неизвестном направлении.

– Все как обычно. Как ты думаешь, где она пропадает? Может, тайком встречается с мужчиной?

– Месяц назад я уверенно ответила бы – нет. Тогда ей просто нравилось водить за нос королевских конников. Удирать и носиться верхом по горам и полям. Но сейчас... Сейчас она изменилась. Не удивлюсь, если выяснится, что сердце ее несвободно и она украдкой бежит на свидания...

– С Энни мне тоже придется серьезно поговорить, – тяжело вздохнула королева. – Нельзя давать ей слишком много воли. Когда она выйдет замуж, ей придется трудно.

– Ей нет особой необходимости выходить замуж, – осторожно заметила Эррен. – Она ведь младшая дочь. Ты можешь послать ее в монастырь к сестре Секуле, по крайней мере, на несколько лет. Ведь в скором времени вашей семье понадобится... – она осеклась, не договорив.

– Кто понадобится? Замена тебе? Ты что, намерена умереть?

– Нет. Но через несколько лет... я уже не смогу выполнять сложные поручения.

– И ты считаешь, нам следует сделать из Энни убийцу?

– Она обладает многими способностями, нужными для этого ремесла. Энни хитра, ловка и проворна. Далеко не всякий может ускользнуть от меня, а ей это удастся. И даже если Энни не примет обет, знания, которые она получит в монастыре, непременно пригодятся ей в жизни. К тому же строгая монастырская дисциплина пойдет ей на пользу, а сестра Секула не подпустит молодых людей и на пушечный выстрел. Уж в этом можешь не сомневаться.

Мюриель кивнула.

– Еще одно предложение, которое стоит обдумать. Хотя я далеко не уверена в необходимости столь решительных мер.

– Энни всегда была твоей любимицей, – заметила Эррен.

– Неужели это видно со стороны?

– Кому как. Я знаю об этом. И Фастия тоже. А Энни наверняка считает, что ты ее недолюбила.

– Что ж, оно и к лучшему. Девочка не должна знать, что в душе я отдаю ей предпочтение перед другими своими детьми, – заявила королева и, помолчав, добавила: – Но если я отошлю Энни в монастырь, она меня возненавидит.

– Может быть. А потом поймет и простит.

Мюриель утомленно закрыла глаза и откинула голову на спинку кресла.

– Ах, как тяжело принимать подобные решения, – прошептала она. – На досуге я подумаю о том, как нам следует поступить с Энни, Эррен. Непременно подумаю.

– Может, ты хочешь еще вина?

– Нет. Ты была права, нам лучше отправиться на веранду. Погреемся на солнышке, поиграем в карты. – Королева вновь растянула губы в улыбке. – Пожалуй, стоит пригласить красотку Элис Берри. Будет забавно наговорить юной выскочке любезностей и посмотреть, как она будет сгорать от смущения.

7. Тор Скат

В пути Стивен Даридж успел мысленно сочинить целый научный трактат, озаглавленный «Наблюдения за свойствами и поведением Лесничего Обыкновенного».

В этом научном труде, в частности, говорилось:

«Сия обитающая в диких лесах крупная и сильная особь имеет скверный нрав, постоянно пребывает в угрюмом настроении и обладает неприятным запахом. Людям, наделенным тонкой чувствительностью, ни в коем случае не следует приближаться к этому существу и вступать с ним в какое-либо общение. Вежливость и хорошие манеры вызывают у вышеупомянутой особи ярость, доводы разума пробуждают у него вспышки гнева, превращая его в подобие медведя, укушенного пчелой...»

– На минуту останови лошадь, – прервал поток его размышлений резкий голос лесничего.

«Изъясняется сие создание по большей части ворчанием, урчанием и рычанием, а также прочими невразумительными звуками. К тому же оно имеет обыкновение громко испускать газы, хотя последнее и не относится к попыткам подражать человеческой речи», – тут же добавил Стивен еще несколько строк к своему трактату.

– Я же сказал, стой, – повторил Эспер, придерживая собственного коня и лошадей, на которых восседали пленники.

– Почему?

Впрочем, Стивен и сам понял, в чем причина остановки. Лесничий явно к чему-то прислушивался – или надеялся что-то услышать.

– Что случилось?

– Если помолчишь, может, я это пойму.

Стивену оставалось лишь замолчать да самому насторожить уши, но, несмотря на все свои старания, он разобрал лишь шепот ветра в ветвях да шелест листьев.

– Я ничего не слышу, – сообщил юноша.

– И я тоже, – подал голос Пол, один из разбойников, похитивших Стивена.

– Заткнись, ты, – осадил его Эспер Белый и тронул поводья, пуская свою лошадь рысью. – Поехали. Я хочу добраться в Тор Скат до захода солнца.

– Тор Скат? Никогда не слышал подобного названия. А что это такое? – не преминул спросить любопытный Стивен.

– Место, где я хочу оказаться до заката, – отрезал лесничий.

– Видно, там ждет тебя медведь, которого тебе не терпится оттрахать, – встрял со своим предположением Пол.

На этот раз разбойник получил крепкую оплеуху, а кляп, воткнутый в рот, лишил его возможности упражняться в остроумии.

Стивен любил лошадей, очень даже любил. К седлу он привык с ранних пор. Самые сладостные его детские воспоминания были связаны с лошадью, которую подарил ему отец, – замечательным конем по кличке Искатель. На нем Стивен в обществе своих товарищей скакал по окрестностям отцовского имения. Тогда они воображали себя отважными рыцарями Виргеньи, штурмующими крепости скаслоев, и Стивен не знал ничего упоительнее этих игр.

Он обожал мчаться на лошади во весь опор, ощущая, как ветер бьет в лицо. Он не имел ничего против спокойного неспешного шага. Но ездить рысью Стивен ненавидел. Подобный способ передвижения был для него истинным мучением.

В течение двух ближайших часов всадники то пускали лошадей рысью, то снова переходили на шаг. За это время Стивен, отбивший себе все мягкие места, добавил к своему трактату несколько новых уничижительных страниц.

Как и предсказывал лесничий, до слуха юноши начали долетать какие-то странные звуки, и это отнюдь не повышало настроения. Лес вокруг становился все более густым и дремучим, и Стивену мерещилось, что в полумраке копошатся неведомые существа. Он даже слышал их голоса, приглушенные расстоянием, тающие в тишине утробные завывания, заставлявшие сердце беспокойно сжиматься. Стивен пытался не обращать на тревожные звуки внимания, сосредоточенно размышляя над четвертой главой своего исследования, озаглавленной «Чрезвычайно неприятные повадки Лесничего Обыкновенного». Однако завывания становились все громче, они эхом отдавались у него в голове, а порой переходили в стон, в котором слышалось нечто сверхъестественное.

– Господин лесничий, что это? – наконец не выдержал юноша.

– Псы, – бросил Эспер Белый в своей обычной краткой манере, так выводившей Стивена из себя. – Я же сказал, ты их услышишь.

Стивену не раз доводилось слышать, как лают и воют собаки. Но никогда на его памяти эти животные не издавали подобных наводящих трепет звуков.

– Но чьи это псы? – не унимался он. – Откуда они здесь взялись? Это же Королевский лес! Никто не имеет права здесь жить или охотиться. Или это дикие псы?

– Нет. Не дикие. То есть не вполне дикие.

– Судя по вою, это жуткие твари. Наверняка они опасны. От таких лучше держаться подальше. – Стивен повернулся в седле и нахмурился. – И объясните, что это значит – не вполне дикие? – снова принялся он донимать лесничего. – Псы могут быть или дикими, или домашними.

В ответ лесничий лишь пожал плечами. Тут в тишине, на этот раз намного ближе, чем прежде, вновь раздался вой, такой пронзительный, что от него холодела кровь. Внутренности Стивена болезненно сжались.

– А что эти псы будут делать, когда стемнеет? – тщетно пытаюсь совладать с дрожью в голосе, спросил он. – Может, нам стоит забраться на дерево и...

– Срущие святыне! – не дал ему договорить Айкен, рыжеволосый разбойник. – Не иначе как это Мрак вышел на промысел. Мрак и его охотники!

– Заткнись, – рявкнул в ответ лесничий. – Ты пугаешь мальчишку.

– О чем ты, Айкен? – выдохнул Стивен.

Лицо разбойника так побледнело, что даже веснушки исчезли.

– Да ты че, парень, совсем тупой? Надо ж, не слыхал про Мрака! Он охотится на тех, кто шляется по лесу. И уж тому, кого он схватит, не поздоровится. О святыне, сжальтесь, помогите мне! Ежели за свою жизнь я кого и прирезал, то клянусь, не со зла.

Стивен не слишком хорошо знал, кого в здешних местах величают Мраком. Однако от дедушки он слышал леденящие душу истории о полуночных демонах и привидениях и об их предводителе – получеловеке-полузвере по имени Святой Рог Проклятый. Стивен так и не проверил, было ли существование этого Святого Рога официально признано церковью, или же он считается порождением народной фантазии. Теперь он горько сожалел, что не удосужился сделать этого.

– Вы слышали, что он сказал? Это правда? – обратился Стивен к лесничему, уже не пытаясь скрыть свое беспокойство.

Эспер вновь пожал плечами, но видно было, что невозмутимому лесничему тоже не по себе.

– Может, и правда. Я не знаю. В лесу всякое бывает.

– Эй, развяжите меня, ради всех святых, – вновь раздался голос Айкена.

– Тоже хочешь кляп? – проворчал лесничий.

– Вы ведь не верите ни в привидения, ни в призраков? – допытывался Стивен, надеясь, что пренебрежительный ответ лесничего развеет терзавшие его опасения. – Не такой вы человек, чтобы в них верить...

– Да. Не верю. Гони быстрее.

Внезапно на лице лесничего мелькнуло откровенно встревоженное выражение, и душа Стивена буквально ушла в пятки. Никогда прежде он не встречал столь прозаичного, столь чуждого всякой мистике человека, как Эспер Белый. И уж если лесничий испугался, значит, дела и в самом деле плохи...

Несколько мгновений Эспер молчал, напряженно прислушиваясь, а потом сказал тихо:

– Мне доводилось слышать, как эти псы лают, но я их не видел ни разу. Однажды они были так близко, что я думал – наконец-то встретились. Приготовил лук и стрелы и стал ждать. И вдруг я услышал их рычание у себя над головой, прямо в воздухе. Клянусь, это единственное место, где они могут обитать. Но сейчас, слушай – они приближаются. Может, на этот раз увижу? Не подавай ни звука...

– Послушайте, но ведь вы сами только что сказали – все это чушь, сказки для малых детей, – побледневшими губами голосом пролепетал Стивен. – Вы не верите, и я тоже не верю...

– Ради всех святых, снимите меня с этой проклятой лошади, – взмолился насмерть перепуганный Айкен. – Если это и правда Неистовый, нам надо прятаться, пока не поздно.

– Если это он, то я, пожалуй, облегчу ему работу, – пробормотал Эспер, сжимая костяную рукоять своего кинжала. – Он предпочитает грешные души да еще те, что свободны от груза мяса и костей. Держи язык за зубами, или я выпущу твою душу на волю!

Угроза действовала. Айкен смолк и лишь тихонько всхлипывал.

Затаив дыхание, путники прислушивались к лаю огромной собачьей своры, который раздавался все ближе.

Стивена начала бить крупная дрожь. Напрасно он пытался унять ее. Каждый новый порыв холодного ветра усиливал его страх. Меж вершинами деревьев виднелось мрачное свинцовое небо. В лесу царил такой густой мрак, что на расстоянии десяти ярдов уже ничего нельзя было рассмотреть.

Внезапно на дороге возникло нечто черное и громадное. Стивен не удержался от крика. Лошадь метнулась в сторону, перед юношей мелькнуло кошмарное видение – сверкающие глаза, витые рога. Он вновь закричал и дернул за поводья; испуганная лошадь закружилась на месте, словно щенок, который охотится за собственным хвостом.

И тут на дорогу выскочила целая свора собак – все это были огромные мастиффы с обнаженными клыками. Они лаяли так оглушительно, что у Стивена едва не лопались барабанные перепонки. Большинство псов промчались мимо, преследуя свою добычу, но несколько жутких тварей начали прыгать вокруг всадников, угрожающе рыча и исходя слюной.

– Спасите нас, милостивые святые! – прошептал Стивен.

В следующее мгновение пальцы его разжались, и он упал на усыпанную листьями лесную дорогу, изрядно при этом ударившись.

Подняв голову, Стивен увидел, что из леса появился всадник. Очертания его фигуры напоминали человеческие, но обрамленное спутанными волосами лицо, на котором горели глаза-бусинки, несомненно, было лицом зверя.

– О святые, помогите! – вновь взмолился Стивен, вспомнив Святого Рога Проклятого.

– Мрак! – отчаянно завизжал Айкен.

– Привет, Эспер! – изрек человек-зверь. Речь его оказалась звучной, внятной и отнюдь не напоминала рычание. – Надеюсь, ты доволен, что испортил мне охоту. По твоей милости я, вероятно, лишился оленя.

– А вы чуть не лишили мир монаха. Посмотрите на мальчишку. Вы так перепугали его, что он вот-вот испустит дух.

– Похоже на то. Верно, ты, парень, принял меня за лесной призрак, что охотится за душами странников?

– Что? – едва выдохнул Стивен.

Теперь он на собственном опыте понял, что испытывает человек, сердце которого вознамерилось выскочить из груди; прежде он думал, что это всего лишь игра слов. Всадник подъехал ближе, и Стивен убедился, что лицо у него человеческое, хотя из-за косматой всколоченной бороды и длинных свалявшихся волос рассмотреть это было нелегко.

– Да, это ученый парень, – пояснил Эспер. – Таскает с собой карты тысячелетней давности, где сказано, что в Королевском лесу никто не живет, а значит, если кто-то встретится, то это сам Неистовый.

Бородатый отвесил Стивену поклон.

– Саймен Руксволд, к вашим услугам, – представился он.

– Сэр Саймен, – уточнил Эспер.

– Да, когда-то я был рыцарем, – печально кивнул косматой головой сэр Саймен. – Но с той поры много воды утекло.

Крепость Тор Скот не значилась ни на одной из карт Стивена, однако она оказалась вполне реальной – если только в ночном полумраке можно встретить что-либо реальное.

– Крепость эту построил король Гот, и с тех пор минуло более пятисот лет, – с грустью в голосе сообщил сэр Саймен, когда они поднимались по тропе к каменному сооружению, расположенному на вершине холма. – Говорят, этот Гот лишился ума, поэтому и возвел посреди леса крепость, которая должна защищать не от внешних врагов, а от альвов и прочей нечисти. Теперь здесь королевский охотничий замок.

В тусклом свете луны Стивен различал лишь очертания крепости, но даже они свидетельствовали о том, что та построена безумцем. Она была невелика, однако сторожевые башни и шпили располагались беспорядочно, без всякого видимого плана.

– Но порой мне кажется, что славой сумасшедшего король Гот пользовался незаслуженно, – понизив голос, произнес Руксволд.

– О чем это вы? – удивился Эспер Белый. Но сэр Саймен словно не слышал его вопроса.

– Что будем делать с этими двумя? – спросил он, указывая на пленных разбойников.

– В темницу, – проворчал лесник. – Пусть ждут королевского правосудия. Когда он придет, в следующем месяце?

– Мы ни в чем не виноваты! – попытался возразить Айкен.

– И что, мне придется кормить их все это время? – фыркнул сэр Саймен.

– Не знаю. Я мог бы бросить их волкам, но решил, что их ответы прольют свет на некоторые темные дела.

– Темные дела? – переспросил сэр Саймен, однако не стал уточнять, что имеет в виду лесничий.

– Хорошо. Я рад принять тебя под своим кровом, Эспер. Я рад, что ты откликнулся на мой зов.

– На ваш зов?

– Ну да. Я ведь посылал за тобой Брайана.

– Брайана? Но я его не видел. Давно вы его послали?

– Десять дней назад. Он отправился напрямик в Колбели.

– Странно. Я выехал оттуда сегодня утром. Он должен был отыскать меня или, по крайней мере, оставить мне письмо.

Они вошли в узкие ворота и пересекли маленький, душный внутренний двор. Сэр Саймен оставил пленников и лошадей на попечение огромного неповоротливого детины по имени

Изарн, а сам провел гостей в темный вестибюль, обставленный более чем неприязнательно. Стивен заметил, что большинство кронштейнов для факелов пусто. Их встретил седой слуга в зеленой ливрее с белой отделкой.

– Охота прошла удачно, сэр? – спросил он.

– Мне встретилась помеха, – буркнул сэр Саймен. – Но этой помехой оказался старый друг. Надеюсь, Анфалти соберет нам что-нибудь на стол?

– Разумеется, сэр. Рад видеть вас, господин Белый. Приветствую вас в Тор Скат, молодой рыцарь.

– Я тоже рад видеть тебя, Виллим, – кивнул головой Эспер.

– Добрый вечер, – выдавил из себя Стивен.

– Сейчас я принесу вам сыру и потороплю Анфалти с ужином.

– Спасибо, Вил, – сказал сэр Саймен, и старый слуга двинулся к дверям. По пути он обернулся к Стивену и разразился пышной тирадой: – Добро пожаловать в охотничий замок короля Уильяма и самые бедные и злополучные рыцарские владения во всем королевстве.

– Наш хозяин в немилости при дворе, – пояснил Эспер. – По непонятным причинам.

– По причинам, ясным как день, – усмехнулся косматый рыцарь. В свете факелов наружность его вовсе не казалась устрашающей – он выглядел старым, печальным и усталым. – Эспер, мне надо кое о чем тебе сообщить. Ты знаешь, что сеффри покинули лес?

– Я видел в Колбели табор матушки Килт. Так что в том, что в лесу их больше нет, я убедился собственными глазами.

– Но из леса ушли не только кочевники. Все сеффри покинули лес, все до единого.

– Даже те, кто принадлежит к племени халафолков?

– Все.

– Однако... Двадцать лет я пытаюсь выгнать халафолков из леса, и все безуспешно, а теперь они ушли сами? Мне даже не верится. Вы уверены?

– Они сказали мне, что уходят. И предупредили, что и мне нельзя здесь оставаться.

– Нельзя оставаться? Но почему?

Тень подозрения пробежала по лицу старого рыцаря.

– Если ты не виделся с Брайаном, почему ты приехал? – спросил он.

– В Колбели пришел какой-то мальчишка и рассказал, что люди, одетые в королевские цвета, убили всех его родных у Таффского ручья. По дороге я столкнулся с этим монахом и его похитителями. Я не могу путешествовать с таким обозом и решил доставить их сюда.

– Таффский ручей. Значит, там тоже устроили бойню.

– Что значит «тоже»?

– В двух милях к югу отсюда располагался лагерь лесорубов. Кто-то перерезал их всех. Двадцать дней назад мы обнаружили их тела. Несколько лудильщиков, направлявшихся в Виргеню, тоже были убиты. А еще мы нашли в лесу с дюжину мертвых охотников.

– У кого-нибудь из них было королевское разрешение охотиться? Или рубить лес?

– Не было. Все они находились в лесу незаконно.

– Значит, кто-то выполнил за меня мою работу, – хмыкнул Эспер.

Подобного заявления Стивен не мог вынести.

– И это вы называете работой? – взорвался он. – Достойная работа, ничего не скажешь, – убивать бедных лесорубов и охотников, которые вышли в лес, чтобы добыть пропитание своим семьям!

– Это не мои законы, а королевские. Если позволить всем безнаказанно здесь охотиться и валить деревья, от леса останется груда щепок. И королю негде будет затравить кабана.

– Но как можно убивать людей за срубленное дерево?

– Я не убиваю лесорубов, мальчик, – за исключением тех, которые пытаются убить меня, но даже их я просто беру под арест. И передаю в распоряжение королевского суда. Но чаще

всего просто пугаю, чтобы впредь неповадно было соваться в лес. И сейчас я хотел сказать лишь одно: все убитые не должны были находиться в лесу. А то, что кто-то их убил, меня вовсе не радует. Напротив, это меня злит. Этот лес – моя территория.

– И Брайана тоже до сих пор нет, – заметил сэр Саймен. – А он – мой слуга. Конечно, я не пользуюсь королевским расположением, но тем не менее я имею право жить в этом лесу вместе со всеми своими слугами и домочадцами. И этого права никто у меня не отнимал.

Тут появился Виллим с подносом, на котором стояли глиняная тарелка с сыром, кувшин с медом и три кубка. Только сейчас Стивен понял, как сильно проголодался. Твердый соленый сыр показался ему невероятно вкусным. Мед был сладким и отдавал гвоздикой.

Эспер Белый тоже с нескрываемым удовольствием принялся за еду. Лишь бородатый рыцарь даже не взглянул на поднос.

– Я думаю, все эти убийства – не человеческих рук дело, – едва слышно пробормотал он.

– Но тогда кто? – с набитым ртом спросил лесничий. – Медведи? Волки?

– Думаю, убийца – Терновый король.

Лесничий несколько мгновений пристально глядел на старого рыцаря, потом пренебрежительно усмехнулся.

– Вижу, вы наслушались выдумок сефри, сэр Саймен.

– А кто он такой, этот Терновый король? – мгновенно наострил уши Стивен.

– Еще одно из твоих народных сказаний, – фыркнул лесничий.

– Когда-то и я считал все рассказы про Тернового короля глупыми выдумками, не стоящими внимания, – вздохнул сэр Саймен. – А теперь мне пришлось изменить свое мнение. Мертвые, которых мы нашли... – Несколько мгновений он молчал, потупившись, потом вскинул голову и заговорил вновь: – Так вот, похоже, лесорубы умерли по-разному. На равнине, там, где стояли их хижины, мы нашли тела без всяких ран и повреждений. Никаких следов – ни от мечей, ни от стрел, ни от кинжалов. Звериные когти и зубы тоже их не касались, можете мне поверить. Ни до, ни после смерти. Даже вороны не тронули мертвецов. Во всем лагере не осталось ничего живого. Куры, собаки, белки, даже рыба в ручье – все были мертвы. Но ты, Эспер, конечно, знаешь, что там неподалеку есть сеот, холм, на котором сохранились остатки древнего святилища? Там мы обнаружили тела всех прочих лесорубов. Вернее, то, что осталось от этих тел. Кто-то расправился с ними на редкость жестоко. Обрек их на медленную и мучительную смерть.

Стивен заметил, что во взгляде лесничего мелькнуло и тут же исчезло какое-то особенное выражение.

– А следы? – спросил тот. – Там были следы?

– Да, множество следов. Отпечатки лап огромной кошки. И человеческие следы тоже.

– А вы их трогали? Эти следы?

Станный вопрос, подумал Стивен, но старый рыцарь, по всей видимости, так не считал. Кивнув, он поднял правую руку.

– Я дотронулся до одного из тел. И вот чего мне это стоило.

Рука была перевязана, и два пальца на ней отсутствовали.

– Пальцы начали гнить заживо, и мне пришлось их отрезать, – пояснил сэр Саймен. Потом он пристально взглянул на лесничего и сдвинул брови. – Эспер Белый, вижу по твоим глазам – ты что-то знаешь. Говори скорее, что тебе удалось выяснить?

– Я тоже наткнулся на след, – сообщил Эспер. – Вот и все, что мне известно.

– Зря ты смеешься над легендами сефри, Эспер, – изрек сэр Саймен. – Это древний народ, и за долгие века он сумел накопить мудрость. А племя халафолк – самая древняя его ветвь. Им многое открыто. Не случайно они говорят, что греффины вернулись. А повелителем греффинов и всей той нечисти, которая скрывается в лесу, является Терновый король. Если его

верные вассалы пробудились, значит, и он пробудился или скоро очнется от сна. И греффины готовят ему путь.

– Греффины, – повторил Эспер Белый. Тон его явно показывал, что само слово ему кажется нелепым.

– Вы не могли бы побольше рассказать мне об этих... греффинах и Терновом короле? – взмолился Стивен. – Я знаком с многими старинными преданиями. Вдруг я сумею вам помочь.

– Я не нуждаюсь в твоей помощи, – непререкаемым тоном отрезал лесничий. – Завтра продолжишь путь в д'Эф. Играй в свои игры с картами и историями там.

Стивен вспыхнул. Он хотел возразить, но язык ему не повиновался. Слезы бессильной ярости подступили к глазам юноши. И за что этот лесничий так его презирает?

– Терновый король был здесь всегда, – одними губами прошептал сэр Саймен. – Он был здесь прежде Гегемонии, прежде Колдовских войн, даже прежде, чем наступила эпоха владычества могущественных скаосов. Он погружен в глубокий сон, и порой столетия за столетиями ничто не нарушает его забытья. Но бывают времена, когда он пробуждается.

Старый рыцарь устремил на Стивена взгляд своих покрасневших глаз.

– Именно благодаря ему и существует Королевский лес, хотя многие об этом забыли. Лес – это пристанище Тернового короля, а вовсе не охотничьи угодья для семейства, что ныне правит в Эслене. И когда Терновый король очнется, горе тем, кто вызовет его гнев. – Сэр Саймен схватил Эспера за руку. – Помнишь старую легенду? О соглашении, что заключили между собой Терновый король и Влатимон Однорукий в ту пору, когда скаосы были повержены и создано королевство Кротения? Они договорились, что лес от реки Эф до моря и от Заячьих гор до реки Серой Ведьмы является вотчиной Тернового короля. И если эта вотчина останется нетронутой, Влатимон и его потомки смогут обрести покой. В этом и состояло соглашение.

– Но если условия его будут нарушены, то все живые существа, обитающие в этом лесу, погибнут, – продолжал сэр Саймен. – И на их костях и прахе Терновый король взрастит новый лес. Лес этот назван Королевским вовсе не честь короля Кротении. Он носит имя своего истинного владельца, бессмертного повелителя греффинов.

– Сэр Саймен, зачем вы... – начал Эспер.

– Мы нарушили древний обет Влатимона, – не слушая его, возвысил голос старый рыцарь. – В лес постоянно приникают люди. Деревья вырубаются. И вот Терновый король проснулся, в гневе и ярости.

– Сэр Саймен, я вижу, сефри совсем задурили вам голову своими рассказами, – перебил его лесничий. – Во всех этих историях правды не больше, чем в сказках о говорящих медведях и заколдованных кораблях, плавающих по суше. Спору нет, в лесу творится что-то странное. И несомненно, опасное. Но я разберусь и убью того, кто это устроил.

В ответ сэр Саймен лишь молча покачал головой.

Разговор был прерван появлением миловидной приветливой женщины средних лет и двух юных девушек, которые подали ужин. Они поставили на стол два дымящихся пирога, блюдо жареных голубей и тарелку с ломтями черного хлеба. После этого девушки удалились, не сказав ни слова, а женщина, уперев руки в бока, окинула собравшихся лучистым взглядом.

– Привет, Эспер, здравствуйте, молодой господин, не знаю, как вас величать, – с улыбкой сказала она. – Меня зовут Анфалти. Мы не слишком готовы к приему гостей, но, надеюсь, вы утолите голод. Если вам захочется чего-нибудь еще, скажите мне. Не обещаю, что непременно достану, но приложу все усилия.

– Милостивая госпожа, уверяю, ужин превосходный, и того, что вы принесли, вполне достаточно, чтобы угодить самым прихотливым вкусам, – заявил Стивен, вспомнивший о хороших манерах.

– Охота сегодня была не слишком удачной, – пробурчал сэр Саймен.

– Ох, сэр Саймен, вам бы только жаловаться, – добродушно заметила Анфалти. – Никогда-то вы не бываете довольны. О, я смотрю, вы даже не притронулись к вину! Выпейте, прошу вас! Я специально примешала туда целебные травы, чтобы поднять вам настроение!

– Тщетные усилия.

– Прошу вас, дорогие гости, не обращайтесь внимания на угрюмый вид и ворчание нашего хозяина. Уже несколько месяцев сэр Саймен ходит как в воду опущенный. По-моему, путешествие за границу пошло бы ему на пользу. Но разве такого лесного бирюка заставишь тронуться с места?

– У меня здесь дела, – буркнул сэр Саймен.

– Какие у вас дела, хотела бы я знать? Разве что нагонять на всех тоску. Ладно, кушайте, и если захотите еще, кликните меня.

Пироги, начиненные мясом кабана, олениной и бузиной, не слишком пришлись Стивену по вкусу. Зато голуби, приправленные розмарином и майораном и наспигованные паштетом из свиной печени, оказались превосходными.

– Завтра я отправлюсь к Таффскому ручью, – пообещал Эспер. – А вы последуйте совету Анфалти. Выпейте вина.

– Что ж, скоро ты своими глазами убедишься, что я был прав. Там орудовали не люди, – сказал старый рыцарь и неохотно пригубил вино. Однако же, распробовав, он осушил свой кубок жадными глотками.

Вскоре к ним присоединились прочие домочадцы сэра Саймена. Судя по всему, в башне обитало не менее двадцати человек. Через час все они сидели за столом, уставленным пирогами, жареными утками, куропатками и прочей дичью. Если сегодня охота была неудачной, какие же пиры здесь задают, когда охотникам сопутствует успех, удивился про себя Стивен. Разговор становился все более шумным и развязным, дети и собаки носились по залу и резвились под столом, и мрачное впечатление, произведенное на юношу пророчеством старого рыцаря, постепенно развеялось.

И все же рассказ о Терновом короле прочно засел в голове у Стивена, а обида, которую нанес ему лесничий, по-прежнему жгла юноше душу. По какому праву Эспер Белый отвергает все предположения Стивена, даже не дав себе труда выслушать их? По какому праву он смеется над старинными книгами, которых ни разу не открывал? Винные пары прибавили Стивену храбрости, и он подошел к лесничему.

– Знаете, что я думаю обо всем этом? – прошептал он, нагнувшись к уху Эспера Белого.

Лесничий недовольно сдвинул брови, и Стивену показалось, что сейчас вновь последует приказ держать язык за зубами. Тогда он решил опередить лесничего и торопливо выпалил:

– Послушайте. Я знаю, вы меня ни во что не ставите. Считаете бесполезным болтуном. Но поверьте, это не так. Я могу вам помочь.

– Да? Мне могут помочь твои карты тысячелетней давности?

Стивен обиженно поджал губы.

– Теперь я все понял, – дрогнувшим голосом произнес он. – Вы просто боитесь. Боитесь, что я знаю больше, чем вы. Что мне известно кое-что очень важное.

Не успели эти слова слететь с языка Стивена, как он уже понял, что вино и хмельной мед сыграли с ним злую шутку. Но высказать этому самодовольному невеже все, что он о нем думает, было необходимо, к тому же Стивен был слишком пьян, чтобы испытывать страх.

Однако, к немалому его удивлению, лесничий разразился добродушным смехом.

– Ты прав, ученостью я не блещу. Давай просвети меня.

От неожиданности Стивен захлопал глазами.

– Что?

– Я же сказал: выкладывай. Поведай, что ты думаешь об истории сэра Саймена.

– Ага.

На какое-то мгновение юноше показалось, что перед ним сидят два Эспера, и тут же они вновь соединились воедино.

– Эта история кажется мне не вполне достоверной, – заявил Стивен, стараясь произносить каждое слово как можно отчетливее.

Лесничий слегка поднял бровь.

– Вот как?

– Да, не вполне достоверной, и на то есть несколько причин. Во-первых, слишком много деталей не соответствуют действительности. Возьмем хотя бы Влатимона. Согласно историческим фактам, королевство Кротения основал вовсе не он. Он даже не принадлежал к племени кротени, которое дало королевству свое имя. Влатимон Однорукий, да будет вам известно, происходил из племени болгой, он завоевал маленькое королевство в Средних землях, однако владычество его длилось всего полвека, потому что во время первой Колдовской войны королевство это было захвачено Джестером Черным.

– Втор... Во-вторых, – без передышки тараторил Стивен, – представление о некоем древнем лесном демоне, обладающем невероятным могуществом – могуществом, которое позволяет ему наказывать целый мир, – откровенно противоречит церковной доктрине. Да, церковь признает, что миром правят существа, наделенные сверхъестественной силой, – согласно обычаям той или иной местности их называют святыми, ангелами или богами. Но все они соблюдают субординацию... То есть, я хотел сказать, все они служат Великому Единству. Не хочу утомлять вас специальными терминами, однако...

– Однако не так давно ты доказывал, что все эти народные сказания содержат немалую долю правды. Или это касается только тех, которые не противоречат учению твоей церкви?

– Это не только моя церковь, но и ваша тоже. Запальчиво произнеся эти слова, Стивен тут же усомнился в их истинности. Откровенно говоря, лесничий здорово смахивал на законченного еретика.

– Так церковь их отвергает?

– И да, и нет. Теперь я припоминаю, что, учась в колледже, слышал истории, где действовал персонаж по имени барон Зеленый Лист. Он тоже крепко спал в потайном месте и пробуждался для того, чтобы отомстить за вред, причиненный лесу. Конечно, он очень, очень напоминает этого Тернового короля. Возможно, у них обоих – у барона Зеленого Листа и Тернового короля – один реальный прототип. Предположим, это кто-то из королей – колдунов, правивших в древние времена. А возможно, даже один из скаслоев, каким-то образом сумевший выжить.

– Возможно, впрочем, что легенда о Терновом короле – всего лишь следствие искажения реальных фактов, – продолжал Стивен. – Так или иначе, согласно учению церкви, Алвалдер требует сохранения равновесия между дикими землями и землями, обработанными человеком. В каждом городе, в каждой деревне по сию пору непременно есть священный хорц, где природа остается в неприкосновенности. Точно такие же заповедные места должны быть и во всем мире. Возможно, в народных фантазиях лес превратился в некий хорц в мировом масштабе, а Терновый король стал воплощением наказания, которое неминуемо грозит за нарушение его священных пределов.

– А как насчет мертвецов? И разговоров о греффинах?

Стивен пожал плечами.

– Звери, убивающие ядом? Я не знаю, но должно быть более правдоподобное объяснение.

– Более правдоподобное, вот как? И это говорит человек, который только сегодня утверждал реальность призраков и вампиров? Храбрый малый, который несколько часов назад решил, что сам Неистовый явился по его душу?

– Ничуть. Я отстаивал точку зрения церкви. То, что признает возможным Алвалдер. Да, мертвые действительно имеют душу. И духи, создания из тьмы и света, вне всяких сомнений,

существуют. Церковь признает их, дает им имена, изучает их, составляет их списки. Но вашего Тернового короля в этих списках нет. Что же касается греффинов, не знаю, может, рассказы о них и имеют под собой реальные основания. В свое время скаслои и повелители колдунов создали на службу себе множество жестоких, враждебных человеку чудовищ. Вероятно, некоторые из них сохранились до сих пор, особенно в каких-нибудь отдаленных уголках света. Я это вполне допускаю.

– А кровавые жертвоприношения на сеоте, о которых говорил сэр Саймен? Я знаю, что в таких местах строятся храмы.

– В церковном обиходе мы обычно используем более древний термин. То, что вы называете сеотом, мы называем седое. Именно такое название издревле носили места, где святые проявляют свою силу. Посещая подобные места, священнослужители общаются со святыми и сами обретают святость. Да, мы строим там храмы, чтобы всякий, кто входит туда, мог обрести соответствующее расположение духа. Однако, согласно учению церкви, храмы следует строить лишь на живых седосах, а не на мертвых.

– А что значит – мертвые седосы?

– Я же объяснил, седое – это место, где святой оставил частицу своей силы, частицу своей добродетели. Но со временем сила эта начинает идти на убыль. Когда седое утрачивает святость, церковь уничтожает возведенный там храм. Большинство седосов в Королевском лесу давно мертвы. Но как бы то ни было, я никогда не слышал о человеческих жертвоприношениях – даже среди еретиков. По крайней мере, в последние несколько веков ничего подобного не происходило.

– Подожди. Ты слышал о них сегодня.

– Я знаю, что во время Колдовских войн черные маги приносили жертвы девяти Проклятым Святым. Неужели это имеет отношение к убийству лесорубов?

Эспер погладил подбородок и пристально взглянул на юношу.

– Почему же нет? – буркнул он.

– Потому что конец Колдовских войн стал концом черной магии. Церковь строго следит за тем, чтобы подобные злодеяния никогда более не совершались.

– Ясно. – Эспер отхлебнул из кубка меду и кивнул головой. – Благодарю тебя за глубокомысленные разъяснения, Стивен Даридж с мыса Чэвел, – церемонно изрек он. – По крайней мере, твои слова дали мне пищу для размышлений.

– Правда?

– Я выпил сегодня немало вина и меда.

– Спасибо за то, что выслушали меня.

Лесничий пожал плечами.

– Завтра с утра ты можешь отправляться в свой монастырь.

– Я предпочел бы поехать с вами, к тому ручью, где были убиты люди, и посмотреть...

Лесничий решительно покачал головой.

– Посмотреть, говоришь? А вот я вовсе не желаю смотреть, как ты расстанешься с содержимым своего желудка при виде гниющих трупов. Лучше уж я справлюсь без твоей помощи.

– Не сомневаюсь, что справитесь, – вспыхнул Стивен и протянул руку к кувшину с медом.

Тут он сделал неосторожное движение, и в следующее мгновение на стол хлынул золотистый поток.

– Анфалти! – крикнул Эспер. – Отведи этого молодого господина в его спальню.

– Не надо меня куда-то отводить. Я сам знаю, когда мне ложиться спать. Я давно уже не ребенок, – пробормотал Стивен.

Но комната начала медленно кружиться у него перед глазами, и внезапно ему захотелось оказаться подальше от этого надменного лесничего, угрюмого рыцаря и его неотесанных, грубых охотников.

– Пойдем, сынок, – ласково сказала Анфалти и взяла его за руку.

Стивен послушно кивнул и пошел за ней, прочь из шумного, ярко освещенного зала.

– Он прав, – донесся до Стивена собственный голос, полный досады и раздражения.

– О ком ты? – спросила Анфалти.

– О лесничем. Я слюняй, неженка. Не умею драться, не умею обращаться с оружием. И меня тошнит при виде крови. Он меня презирает – и правильно делает.

– Эспер хороший человек, и душа у него добрая, – успокоительно заметила Анфалти. – Но частенько ему не хватает терпения.

– Я хотел ему помочь, а он...

Анфалти привела Стивена в спальню и зажгла свечу, уже вставленную в укрепленный на стене подсвечник. Юноша тяжело опустился на постель. Прежде чем уйти, Анфалти наклонилась к нему. Ее круглое добродушное лицо расплылось в понимающей улыбке.

– Не держи зла на Эспера, сынок. Его и так преследуют призраки. Слишком много призраков. Призраки тех, кого он потерял. И он не хочет, чтобы ты стал одним из них. Уверена, ты пришелся ему по нраву.

– Он меня ненавидит.

– Не говори глупости, – покачала она головой. – На всем свете есть лишь один-единственный человек, которого Эспер Белый ненавидит. И это вовсе не ты, можешь мне поверить. А теперь ложись и постарайся хорошенько выспаться. Завтра с утра тебе предстоит долгий путь, не так ли?

– Да.

– Тогда увидимся за завтраком.

На следующее утро, когда Стивен оторвал от подушки раскалывающуюся от боли голову, Эспер уже уехал. Сэр Саймен снабдил Стивена двумя свежими лошадьми, выделил ему в провожатые молодого охотника и пожелал счастливого пути. Анфалти дала ему на дорогу целую сумку с хлебом, мясом и сыром и на прощание поцеловала в щеку.

Вскоре головная боль прошла, и настроение у Стивена повысилось. В конце концов, не так плохо, что через два дня он окажется в монастыре д'Эф и приступит к работе над древними рукописями. Уж там-то его ум и знания наверняка оценят по достоинству. Библиотека в д'Эф одна из самых полных в мире, и он наконец получит доступ к ее бесценным сокровищам.

Научный пыл, с которым Стивен более месяца назад покинул мыс Чэвел, разгорелся в нем с новой силой. Разбойники, похищение, суровый лесничий несколько остудили пыл юноши, но теперь все неприятности остались в прошлом. По крайней мере, Стивен был в этом уверен.

8. Черная роза

Как всегда в минуты волнения, Энни казалось, будто она проглотила птичье перо, и теперь оно щекочет ее изнутри. По коже у нее бегали мурашки, хотя прилетевший с моря ветер был теплым, соленым и влажным. Предчувствие дождя висело в воздухе, луна то выглядывала, то скрывалась за тучами, затянувшими небо. Ровные ряды яблонь покачивались на ветру и тихонько шелестели листьями.

До Энни доносились голоса двух стражников, стоявших в дозоре на главной башне, однако слов она не могла разобрать.

Голова у нее слегка кружилась; весь месяц, прошедший со дня поездки в Тенистый Эслен в обществе Родерика Данмрога, Энни чувствовала, что с ней творится нечто необыкновенное. Юная принцесса подошла к дереву и прислонилась к его стволу; ветви были усыпаны белоснежными цветами, испускавшими столь сладкий аромат, что головокружение у Энни усилилось. Она поднесла к глазам клочок бумаги, который конюх передал, когда она отводила в стойло Резвую. Там было нацарапано торопливым небрежным почерком:

«Встретимся во фруктовом саду у восточных ворот, когда часы пробьют десять».

– Ты быстро выполнила мою просьбу, великая королева Виргеня, – благодарно прошептала Энни.

Впрочем, Фастия по-прежнему оставалась строгой и старалась держать младшую сестру в узде; святая Цер не спешила смягчить ее нрав. Наверняка уже десять, пронеслось в голове у Энни. Почему же не бьют часы? Может, они сломались? Конечно, прийти сюда было с ее стороны настоящим безумием. Что будет, если Родерик так и не явится? А если явится в обществе других рыцарей и конюших, для того чтобы посмеяться над глупой принцессой, которая примчалась по первому его зову? Вот уж действительно, безмозглая дурочка. Ведь она ничего не знает об этом парне.

Ровным счетом ничего.

Содрогаясь при мысли о собственном безрассудстве, Энни нервно теребила в руках оборку нарядного платья из вителлианской парчи.

Внезапно завитки волос, ниспадающих на ее шею, встали дыбом. Луна выглянула из-за тучи, и в ее переменчивом свете Энни различила чью-то черную тень, притаившуюся меж ветвями ближайшей к ней яблони.

– Она подобна дивному сновидению, она неуловима, как туман, прекрасна, как фея, танцующая на лесной поляне, – донесся до нее взволнованный шепот.

– Родерик, это вы?

При первом ударе колокола Энни подпрыгнула чуть ли не до самой вершины башни Августа; она подпрыгнула еще раз, когда черная тень метнулась вниз и почти бесшумно приземлилась прямо перед ней.

– К вашим услугам, принцесса, – отвесил ей поклон Родерик.

– Вы меня испугали, – проворчала Энни. – Наверное, прежде чем стать рыцарем, вы промышляли воровством и залезали в чужие сады. Уж очень ловко у вас получается. Но то, что вы не поэт, это точно. С пышными сравнениями вы явно не в ладу.

– Вы слишком суровы к моим скромным способностям, принцесса. И к моей скромной особе тоже. Уязвили меня в самое сердце.

– Правда? Значит, вам придется отправиться к доктору или к знахарке. Что вы хотите от меня, Родерик?

Юноша сделал шаг по направлению к ней, и теперь лунный свет падал прямо ему на лицо. Оно было бледным, как слононая кость, а глаза казались темными провалами.

– До сих нор я видел вас лишь в костюме для верховой езды, принцесса. Мне хотелось увидеть вас в платье.

– Вы же говорили, что видели меня при дворе.

– Это правда. Но сейчас вы намного красивее.

– Потому что сейчас темно и вы не можете разглядеть мои веснушки?

– Нет, потому что мы с вами вдвоем в саду. Потому что вы рядом со мной. Это все меняет.

– Я полагаю, у вас вновь возникло желание меня поцеловать.

– Нет, принцесса, вы ошибаетесь. Я хочу, чтобы *вы* меня поцеловали.

– Но мы только что встретились!

– Что ж, это будет хорошим началом нашей встречи! – Неожиданно он схватил ее за руку. – Я видел, как вы несетесь верхом по ущелью, словно безумная. Вам неведомы осмотрительность и осторожность. Когда я коснулся губами ваших губ, я понял, что вам это понравилось. Но если я ошибся и слишком много возомнил о себе, вам стоит сказать лишь слово, и я уйду. Если же голос сердца не обманул меня... почему бы нам не попробовать снова?

Принцесса гордо вскинула голову и скрестила руки на груди, придумывая достойную отповедь дерзкому соблазнителю. Однако Родерик не дал ей времени на размышление.

– Я вам кое-что принес, – сказал он и протянул ей какой-то предмет.

Принцесса ощутила в руке стебель цветка.

– Это черная роза, – сообщил Родерик. – Я срезал все шипы, чтобы вы не укололи свои прелестные ручки...

– Черная роза! Где вы ее отыскиали? – В голосе принцессы звучало неподдельное удивление.

– Купил у одного капитана. Он привез ее из Лира. Энни вдохнула необычный аромат, в котором смешивались слива и анис.

– Да, черные розы растут только в Лире, на островах, – сказала она. – Моя мать родом оттуда, и она много о них рассказывала. Но я никогда не видела их собственными глазами.

Родерик подвинулся к ней еще ближе.

– Я принес эту розу, принцесса, чтобы сделать вам приятное, – произнес он. – Мне вовсе не хотелось напоминать о вашей матушке.

– Ш-ш... Вы говорите слишком громко.

– Я никого не боюсь, – заявил Родерик.

– Напрасно. Знаете, что вас ожидает, если нас здесь увидят?

– Нас не увидят.

Рука юноши все крепче сжимала руку принцессы. Голова у Энни кружилась сильнее и сильнее. Все мысли, все опасения и тревоги внезапно улетучились. Энни не сопротивлялась, когда Родерик притянул ее к себе. Его лицо теперь было так близко, что она ощущала горячее дыхание юноши.

– Поцелуй меня, – прошептал он.

Энни повиновалась. Губы их слились, и ей казалось, она слышит мерный шум морского прибоя. Она ощущала, как крепкие мускулы Родерика напряглись под тонкой полотняной рубашкой, как горячие упругие волны пробегают по ее собственному телу. Он взял лицо Энни в ладони и, нежно поглаживая, сам приник к ее губам, жадно, словно захлеб утоляя жажду.

Он что-то шептал, но Энни ничего не слышала. В это мгновение все слова утратили для нее смысл. Принцесса чувствовала лишь прикосновения его губ на своей шее, и ей хотелось закричать от наслаждения, однако она боялась, что крик услышат стражники. И тогда... О, тогда им обоим несдобровать. Энни уже представила, как мать...

– Энни! Энни! – донесся до нее знакомый голос.

– Кто это? – с усилием оторвавшись от принцессы, спросил Родерик.

– Это Остра, моя фрейлина. Я...

– Отошли ее прочь, – прошептал он, касаясь губами ее уха.

Это было щекотно, и Энни захихикала.

– Нет, я не могу здесь больше оставаться. Скоро сестра Фастия явится проверять, улеглась ли я в постель. Если меня не будет в спальне, она мигом поднимет тревогу. Остра следит за временем. Если она зовет, значит, пора идти.

– Прошу, побудь со мной еще немного!

– Нет-нет, я должна идти. Но мы обязательно встретимся вновь.

– Встретимся? Но когда? Я не выдержу долгой разлуки.

– Завтра день рождения моей сестры. Я что-нибудь придумаю. И пошлю к тебе Остру.

– Энни! – вновь раздался голос Остры.

– Иду, уже иду.

Энни повернулась, чтобы уйти, но Родерик схватил ее за талию, сжал в объятиях и поцеловал. Она засмеялась и вернула поцелуй. Наконец, чувствуя, как сердце сладко трепещет у нее в груди, Энни побежала по садовой дорожке.

– Быстрее! – прошипела Остра, хватая ее за руку и увлекая за собой. – Фастия может прийти в любой момент.

– Не поднимай паники. Фастия никогда не приходит раньше одиннадцати.

– Да сейчас почти одиннадцать, глупая ты девчонка!

И Остра потащила Энни по лестнице, которая вела на вершину стены, окружавшей сад. Оказавшись на последней ступеньке, Энни обернулась, но разглядела лишь темный силуэт между деревьями.

– Идем, идем! – торопила Остра.

Энни вцепилась в подол платья своей подруги, и они устремились в темный проем. Несколько мгновений спустя девушки оказались на другой лестнице и, взлетев по ней на одном дыхании, вбежали в просторный коридор, освещенный длинными восковыми свечами. Подскочив к высокой узкой двери, Остра схватила ключ, висевший у нее на поясе, и вставила его в медный замок. Как только дверь распахнулась, девушки услышали звук шагов. Кто-то поднимался по лестнице в дальнем конце коридора.

– Фастия! – прошептала Энни.

Стараясь двигаться как можно бесшумнее, девушки проскользнули в покои принцессы. Остра заперла дверь, а Энни скинула мокрые от росы туфли и, недолго думая, сунула их в пустую вазу, стоявшую рядом с диваном. Потом она стянула чулки и босиком побежала в спальню. Там Энни бросила чулки на кровать и принялась возиться с многочисленными застежками своего платья. Однако застежки, как назло, не желали поддаваться.

– Помоги мне, Остра! – позвала Энни.

– Некогда, – откликнулась Остра. – Накинь ночную рубашку прямо поверх платья.

– Шлейф будет виден.

– А ты залезай в постель, под одеяло.

Не теряя времени, Остра стянула свое платье через голову. Энни не удержалась от удивленного восклицания, увидев, что под платьем у ее подруги не было ни корсета, ни нижней юбки – Остра оказалась голой, как извлеченный из раковины моллюск.

– Тише! – приложила палец к губам Остра и ногой запихала смятое платье под кровать. – Нашла время смеяться!

– Ну у тебя и видок! Можно подумать, на свидание ходила ты, а не я. По крайней мере, ты явно подготовилась к...

– Ладно, хватит об этом! – сердито перебила Остра. – Я же знала, что времени раздеваться у меня не будет. И, уверяю тебя, никто не заметил, что я разгуливаю без корсета. Залезай под одеяло!

Тут послышалось царапанье ключа в замке. Остра издала приглушенный вопль и сделала Энни знак распустить волосы. Энни сорвала сетку, которая придерживала пышные рыжие локоны, бросила ее на ближайшее кресло и юркнула под одеяло. Остра тут же опустила на кровать рядом с ней и сделала вид, что расчесывает принцессе волосы.

– О! – воскликнула Энни, когда Остра изо всех сил дернула щеткой, запутавшейся в длинных прядях, а висевшие на дверях шторы раздвинулись.

– Привет!

Энни удивленно заморгала. С поздним визитом к ней явилась вовсе не Фастия.

– Лезбет! – во всю глотку завопила Энни, соскочила с кровати и бросилась на шею к своей молодой тетушке.

Лезбет, хохоча, сжала ее в объятиях.

– Святой Лой, как ты выросла, Энни! По-моему, мы теперь одного роста! И как только тебе удалось так вытянуться всего за два года! Сколько тебе сейчас лет, четырнадцать?

– Пятнадцать.

– Уже пятнадцать! И ты выглядишь как истинная представительница рода Отважных.

Энни прекрасно знала, что похожа на Лезбет. Особых причин для радости в этом не было. Спору нет, Лезбет была очень мила, но мать Энни и ее старшие сестры, Фастия и Элсени, по праву считались редкостными красавицами. А она пошла в другую семейную ветвь.

– Какая ты горячая! – продолжала Лезбет. – Щеки так и полыхают. У тебя, случайно, не лихорадка?

Остра, услышав это, тихонько хихикнула.

– А это что? – в голосе Лезбет послышалось удивление. Она на шаг отступила от Энни. – Да у тебя платье под ночной рубашкой! В такой-то час! Ты только что выходила, сознайся!

– Прошу тебя, Лезбет, не говори ни о чем Фастии. И матушке тоже. Я правда не делала ничего плохого, – умоляюще затараторила Энни.

– Мне не придется ничего им говорить. Фастия сама все увидит. Она сейчас придет.

– Прямо сейчас?

– Конечно. А ты что, решила, что она доверила мне свои обязанности?

– Но у меня есть хоть немного времени?

– Фастия допивает вино. Когда я уходила, она успела осушить свой бокал примерно наполовину. Я попросила у нее позволения несколько минут побыть с тобой наедине.

– Хвала всем святым. Надеюсь, она немного помедлит. Пожалуйста, помоги мне снять это проклятое платье.

Лезбет попыталась придать своему лицу суровое выражение, потом не выдержала и расхохоталась.

– Хорошо. Остра, принеси влажное полотенце. Надо обтереть ей лицо.

– Слушаюсь, герцогиня.

Через мгновение платье было снято, и Лезбет принялась расшнуровывать корсет Энни. Наконец тело девушки получило вожаделенную свободу, и она испустила вздох облегчения.

– По-моему, корсет у тебя слишком тугой, – заметила Лезбет и неожиданно спросила: – Так кто он? Тот, к кому ты бегала на свидание?

Энни казалось, на щеках у нее вспыхнуло по факелу.

– Я не могу сказать этого, – потупившись, пробормотала она. – Никому, даже тебе.

– Ага. Видно, он не слишком знатного происхождения. Неужели конюший?

– Нет, что ты. Он благородный рыцарь. Но не из тех, кто может понравиться матушке.

– Значит, я была права. Он не богат и не слишком знатен. Не таись, Энни, расскажи мне о нем. Ты же знаешь, я никогда тебя не выдам. К тому же я тоже хочу открыть тебе один секрет. Очень, очень важный.

– Ну... – Энни прикусила губу. – Его зовут Родерик Данмрог.

– А, так он принадлежит к семейству Данмрогов? Да, теперь я понимаю, ситуация не из легких.

– Но почему? – спросила Энни, ощущая, как нижняя юбка прилипает к ее покрытой потом коже.

– Все это связано с политикой. В жилах представителей рода Данмрог течет кровь Рейксбургов.

– Ну и что из этого? Война с Рейксбургами закончилась сто лет назад.

– Ох, Энни, милая, как ты еще молода и наивна. Все не так просто, как тебе кажется. На самом деле война с Рейксбургами никогда не закончится. Утратив трон, они только и думают о том, чтобы вернуть его.

– Но при чем тут Родерик? Он ведь не принадлежит к семейству Рейксбургов, – возразила Энни.

– Нет, милая, – продолжала Лезбет, вытирая влажным полотенцем лицо и шею Энни. – Но пятьдесят лет назад Данмроги стали союзниками одного из Рейксбургов, претендующего на трон. Правда, они не выступили на его стороне с оружием в руках и поэтому сохранили свои владения. Но, так или иначе, в Комвене они оказали ему поддержку. И с того времени на их имя легло пятно.

– Это несправедливо!

– Согласна с тобой, дорогая. Но лучше мы поговорим об этом позднее. Перемени рубашку и надень халат.

Энни подбежала к гардеробу, скинула влажную рубашку и надела свежую.

– Ты так хорошо разбираешься в политике, Лезбет, – сказала она, накидывая расшитый халат. – Где ты этому выучилась?

– Я же провела два года в Виргенье. У наших родственников, что там живут, только одно развлечение – говорить о политике.

– Наверное, это ужасно скучно.

– Не так уж и скучно, когда привыкнешь.

Энни опустилась на край кровати.

– Ты ведь никому не расскажешь о Родерике, Лезбет? Даже если это связано с политикой? Лезбет рассмеялась, поцеловала Энни в лоб и крепко сжала ее руку.

– Я не думаю, что твой Родерик как-то связан с политикой, милая. Уверена, он такой же, как ты, – молодой и глупый.

– Не такой уж он молодой. Между прочим, он твой ровесник. Ему уже девятнадцать.

– А мне целых двадцать, птичка моя, – улыбнулась Лезбет и откинула с лица Энни вьющуюся рыжую прядь. – Кстати, мой тебе совет: когда сюда явится твоя старшая сестра, старайся не поворачиваться к ней левой щекой.

– А что такое?

– Твой Родерик оставил след, вот здесь, прямо под ухом. Думаю, даже Фастия догадается, что это такое.

– Спасибо...

– Я буду расчесывать тебе волосы, как делала перед тем, как вошла герцогиня Лезбет, – предложила Остра. – Под локонами ничего не будет заметно.

– Хорошая идея, – одобрила Лезбет и вновь расплылась в улыбке. – Удивительно, как наша маленькая птичка успела вырасти, Остра! Когда я видела ее в последний раз, она расха-

живала в мальчишеских штанах и ни о чем, кроме верховой езды, думать не думала. А теперь она превратилась в настоящую леди.

– Я по-прежнему люблю ездить верхом, – не без гордости сообщила Энни. – И предпочитаю заниматься этим в штанах.

– Это правда, – подхватила Остра. – Она обожает носиться сломя голову. И с этим молодым рыцарем, Родериком, познакомилась во время верховой прогулки. Точнее, во время бешеной скачки. Он вслед за ней спустился по ущелью Змеи.

– Да он отчаянный.

– О да, смелости Родерику не занимать, – просияв от радости, подтвердила Энни. – Но ты обещала открыть мне секрет, Лез! Очень важный секрет!

Лезбет улыбнулась, на этот раз загадочно.

– Твой отец уже дал мне разрешение, и думаю, можно не делать из этого тайны. Я выхожу замуж.

– Замуж? – хором выдохнули изумленные Энни и Остра.

– Да, замуж, – слегка нахмурившись, повторила Лезбет: – Что-то мне не нравится, как вы приняли мою новость. Судя по вашим растерянными лицам, вы ушам своим не верите.

– Просто... в твоём возрасте...

– А, понятно. Вы решили, что я навсегда останусь старой девой. Но, видите ли, у меня множество сестер, и все они выскакивали замуж, едва вырастали из пеленок. Я – самая младшая, и решила вести себя иначе. Поэтому выбирала так долго.

– И кто же он, твой избранник?

– Самый лучший человек на свете, веселый, умный и добрый. И смелости ему тоже не занимать, как твоему Родерику. У него огромный замок, и владения его простираются...

– Но кто же он?

– Принц Чейсо из Сафнии.

– Из Сафнии? – повторила Остра.

– А где эта Сафния? – уточнила Энни.

– На берегу южного моря, – мечтательно протянула Лезбет. – Там растут апельсиновые и лимонные деревья, и на их ветвях распевают разноцветные птицы.

– Никогда не слыхала о такой стране, – призналась Энни.

– В этом нет ничего удивительного. Особенно если ты за два года не изменила своим привычкам и по-прежнему пропускаешь мимо ушей все рассказы своих учителей.

– И ты любишь его, Лез? – слегка смутившись, спросила Энни.

– А как же иначе. Люблю всем сердцем.

– Значит, твое замужество – это не политический шаг?

Лезбет расхохоталась.

– Птичка моя, замужество благородной девицы, которая принадлежит к королевской семье, непременно является политическим шагом. Иначе и быть не может. Я ведь не за пастуха замуж выхожу. И хотя вы, юные невежды, слыхом не слыхивали о Сафнии, это страна, которую нам важно иметь в союзниках.

– Но ты все равно выходишь замуж по любви, а не по расчету!

– Да, но вот что я тебе скажу. – И Лезбет погрозила Энни пальцем. – Выброси из головы всякие глупости. Помни: королевская дочь не имеет права жить по своей воле.

– Золотые слова, – раздался ровный, размеренный голос, и шторы у дверей раздвинулись вновь. – Не ожидала, что ты дашь моей легкомысленной сестрице столь разумный совет, Лезбет.

– Привет, Фастия.

Из всех собравшихся в комнате Фастия была самой старшей – вскоре ей исполнялось двадцать три. Ее каштановые шелковистые волосы были убраны в сетку, безупречно правильные

черты лица отличались тонкостью и изяществом. Ростом она была примерно с Энни и Остру, почти на полголовы ниже Лезбет. Но в осанке Фастии ощущались надменность и властность.

– Милая Фастия, я только что сообщила Энни важную новость, – сказала Лезбет.

– Насколько я понимаю, ты рассказала ей о своей помолвке.

– Ты уже знаешь о моей помолвке? Но откуда? Я говорила об этом только с братом Уильямом. А с тех пор как я попросила у него разрешение вступить в брак, прошло всего несколько часов.

– Боюсь, ты успела отвыкнуть от Эслена, милая Лезбет. Ты забыла, с какой скоростью здесь распространяются новости. Так или иначе, прими мои поздравления. Замужество – это великое счастье, и, уверена, ты скоро в этом убедишься.

Однако ледяной тон, которым Фастия произнесла эти слова, позволял предположить, что сама она отнюдь не убеждена в их истинности. Внезапно Энни почувствовала приступ острой жалости к своей суровой и непроницаемой старшей сестре.

Лезбет с готовностью кивнула головой.

– Я тоже уверена, что меня ждет счастье, – сказала она. – Не зря я ждала так долго.

– Святые вознаградят тебя за терпение, – изрекла Фастия и перевела разговор на другую тему: – Вы готовы ко сну, юные леди? Надеюсь, вы не забыли умыться и прочесть молитвы?

– Когда я вошла, они как раз молились, – с самым искренним видом солгала Лезбет.

– Мы уже почти спали, – торопливо добавила Энни.

– Ты вовсе не выглядишь сонной, – заметила Фастия.

– Я так обрадовалась, увидев Лезбет, что с меня слетел весь сон. Она рассказала нам о Шанифаре, стране, где правит ее жених. Название, по-моему, очень красивое...

– Да, только это государство называется Сафния, а вовсе не Шанифар, – поправила Фастия. – Тысячу лет назад она была одной из пяти провинций Гегемонии. – А теперь это процветающая страна, и, насколько я слышала, там много интересного.

– Ты совершенно права, – подхватила Лезбет, словно не замечая снисходительных ноток, прозвучавших в голосе Фастии. – Там есть на что посмотреть.

– Мне кажется, это необыкновенная, экзотическая страна, – вмешалась Энни.

– Многие страны кажутся нам необыкновенными и экзотическими до тех пор, пока мы там не побываем, – отрезала Фастия. – И не убедимся собственными глазами в их заурядности. Ладно, юные леди, вам пора ложиться. Мне вовсе не по душе строить из себя мегеру, но я должна была убедиться, что вы привели себя в порядок. Лезбет, мне бы хотелось поговорить с тобой.

«Врешь ты все, Фастия, – подумала Энни. – На самом деле ты обожаешь строить из себя мегеру. Вот только непонятно, почему эта роль так пришлась тебе по душе». Вслух же она произнесла:

– Побудьте с нами еще немного. Мы так долго не видели Лезбет. Если мы сегодня ляжем чуточку позже, в этом не будет большой беды.

– Нет, час уже поздний, – непреклонно заявила Фастия. – На сегодня разговоров более чем достаточно. Завтра, на дне рождения Элсени, мы вдоволь наговоримся с тобой, Лезбет. Нам, женщинам, есть о чем поболтать.

– Мы тоже женщины, – вставила Энни.

– Ты станешь женщиной, когда будешь помолвлена, – возразила Фастия. – Спокойной ночи. Или, как сказал бы жених Лезбет, «бона ноча». Остра, надеюсь, после моего ухода вы обе немедленно уляжетесь.

– Разумеется, архигреффесса.

– Спокойной ночи, мои дорогие, – сказала Лезбет, послала девушкам воздушный поцелуй и вслед за Фастией двинулась к дверям.

Несколько мгновений спустя Энни и Остра остались вдвоем.

– И почему только Фастии нравится быть такой занудой? – пробормотала Энни.
– Не будь она занудой, твоя матушка не доверила бы ей за тобой приглядывать, – заметила Остра. – Она считает, для такого дела только зануды и годятся.
– Да уж. Знала бы ты, как этот постоянный надзор меня бесит...
– На самом деле я рада, что они ушли так быстро, – сказала Остра.
– Почему? – спросила Энни. Ответом ей послужил удар подушкой.
– Потому что ты до сих пор не рассказала мне, что произошло там, в саду, негодница! А я умираю от любопытства!

– Ах, Остра, знала бы ты! Это было так... просто словами не выразишь. Он... Я думала, что сторю заживо, честное слово! И он подарил мне розу, замечательную черную розу... – Внезапно Энни осеклась: – Слушай, а где моя роза?

– Понятия не имею. Когда мы вошли в спальню, ты держала ее в руке.
– Да, но сейчас я ее не вижу! А мне обязательно надо ее засушить, или что там делают с розами...

– Прежде чем с розой что-то делать, ее необходимо найти, – возразила Остра.
Девушки обшарили всю спальню, но розы нигде не было – ни на полу, ни на кровати, ни под кроватью. Не оказалось ее и в соседней приемной.

– И куда только она могла деться? Мы найдем ее утром, при ярком солнечном свете, – пообещала Остра.

– Надеюсь, – откликнулась Энни, но в голосе ее звучало сомнение.
Во сне Энни видела, будто стоит на поле, сплошь покрытом черными розами. На ней черное атласное платье, расшитое жемчугами, которые тускло поблескивают в ярком лунном свете. В воздухе витает такой густой аромат, что у Энни едва не перехватывает дыхание.

Полю, поросшему розами, не видно ни конца, ни края; оно тянется до самого горизонта, и легкий ветер слегка колеблет цветочные стебли. Куда бы Энни ни посмотрела, перед глазами у нее стояла одна и та же картина.

Но вот она медленно поворачивается и видит, что у нее за спиной поле обрывается. Всего в нескольких шагах возвышается стена деревьев, их исполинские черные стволы покрывают острые толстые шипы. Верхушки деревьев уходят в небо и теряются там в сумрачной вышине. Лианы, толщиной с руку Энни, обвивают стволы и ползут по земле, подобно змеям. А за тесным переплетением деревьев и лиан – тьма, непроглядная тьма. Энни чувствовала, что эта тьма опасна, что она наблюдает за ней, ненавидит ее, желает поглотить. И чем дольше она вглядывалась в тревожный сумрак, тем больший ужас наводили на нее мелькавшие там тени, доносившиеся оттуда едва различимые звуки – не то шорох шагов, не то шелест крыльев.

И когда ужас охватил ее всю, достигнув предела, Энни поняла – кто-то приближается к ней, продираясь сквозь шипы и лианы. Лунный блик выхватил из темноты руку с протянутыми вперед пальцами, руку, несущую зло.

А потом она увидела высокий остроконечный шлем, увенчанный черными рогами, шлем, скрывающий гигантскую голову. Забрало было поднято, и взору Энни открылось нечто, заставившее ее испустить пронзительный жалобный крик. Никогда прежде не видала она столь жуткого зрелища. Энни повернулась и побежала по полю, поросшему черными розами, и их колючки цеплялись ей за платье, словно хотели остановить, а луна равнодушно смотрела на нее сверху, тусклая и холодная, как глаз дохлой рыбы.

Энни проснулась в холодном поту и долго не могла понять, где она и что с ней. Наконец, стряхнув с себя остатки кошмара, она села на кровати и обхватила дрожащими руками плечи.

– Это сон, – прошептала она, тихонько покачиваясь и вглядываясь в знакомые очертания своей спальни. – Это всего лишь сон.

Однако воздух в комнате по-прежнему был пропитан удушливым ароматом аниса и сливы. В бледном свете луны, льющемся из окна, Энни увидела черные лепестки, разбросан-

ные по одеялу. Она чувствовала, что лепестки запутались в ее волосах. По щекам текли слезы, она ощущала на губах их соленый вкус.

В эту ночь Энни больше не сомкнула глаз. Сжавшись в комочек, она сидела в постели и ожидала, когда первый крик петуха возвестит восход солнца.

9. На Выгнутом лугу

Нейл проснулся рано и первым делом осмотрел свои новые доспехи, опасаясь, что вчера, надев их впервые, успел поцарапать или запачкать во время стычки с ханзейцами. Потом он проверил, в порядке ли шпоры и плащ, и, наконец, вынул из ножен свой верный меч, носивший имя Ворон, дабы убедиться, что оружие готово к бою. Меч был в превосходном состоянии – наточенный и начищенный, он сверкал, как поверхность реки в солнечный день.

Стараясь двигаться бесшумно, Нейл сунул ноги в башмаки, выскользнул из комнаты, спустился по лестнице и вышел из харчевни. Утренний туман еще не успел рассеяться, однако на причалах уже царило оживление. Рыбачьи баркасы готовились выйти в море, портовые грузчики бродили в поисках работы, а чайки и вороны сражались из-за валявшихся повсюду отбросов.

Церковь Святого Лира Нейл заметил еще вчера, узнав ее по высокому шпилю, напоминавшему мачту. Это скромное деревянное здание, возведенное на крепком каменном фундаменте, стояло у самой кромки воды. Когда Нейл приблизился к церкви, из ее дверей вышли несколько матросов, на вид суровых и грубоватых. Нейл приветствовал их, проведя рукой по лицу, – то был знак святого Лира.

– Да хранит вас его длань, – произнес он.

– Спасибо, парень, – проворчал один из матросов. – И тебя тоже.

В церкви царил полумрак. Убранство ее оказалось чрезвычайно простым – все сделано из дерева и выдержано в самом аскетичном стиле. Единственным украшением служила статуя святого, возвышавшаяся над алтарем, – вырезанная из бивня моржа, она изображала святого Лира в рыбачьей лодке.

Нейл благоговейно опустил две серебряные монеты в кружку для подношений, преклонил колени и принялся нараспев произносить слова молитвы:

«О, Отец Морской Пены, Путешествующий По Волнам,
Ты один знаешь, глубоко ли у нас под килем,
и слышишь наши молитвы.
Перенеси нас через море на своей широкой спине,
Доставь нас к берегу, когда на море бушует шторм.
Прошу тебя,
Внемли моей молитве.
Повелитель Ветров, Седьмая Волна,
Тебе известна судьба моих предков,
Ты видел их в часы испытаний,
Видел, как они сражались и умирали на широких
морских дорогах,
Нейл, сын Врена,
Просит тебя внять молитве».

Нейл помолился о душах своих отца и матери, о благоденствии сэра Файла и его супруги Фиены, обо всех духах, обитающих в море и не ведающих покоя. Помолится о здравии короля Уильяма, королевы Мюриель и о процветании Кротении. Но особенно горячо он просил святого не дать ему свернуть с достойного пути. Несколько минут Нейл стоял на коленях, погруженный в молчание, а затем поднялся и повернулся к двери.

Тут он увидел, что за спиной его стоит дама в темно-зеленом плаще. Нейл вздрогнул. Всецело отдавшись молитве, он не заметил, как незнакомка вошла в церковь.

– Прошу прощения, госпожа, за то, что я не уступил вам место у алтаря, – произнес он, поклонившись.

– Места здесь достаточно для всех, – ответила она. – Вы ничуть не помешали мне. Напротив, доставили несколько счастливых минут. Я давно не слышала такой прекрасной молитвы. Это я должна просить у вас прощения – за то, что стала невольной свидетельницей вашего разговора со святым.

– Просить прощения? – пожал плечами Нейл. – Но почему? Я не стыжусь своих молитв. И если вы находите их прекрасными, для меня это честь. Я...

Тут глаза его встретились с глазами незнакомки. Зелеными, как морская вода. Из-под капюшона выбивались непослушные локоны темных волос, а губы ее, яркие, как рубин, были выгнуты подобно луку. Определить ее возраст было трудно, но Нейл решил, что женщине около тридцати. Незнакомка была слишком красива, чтобы принадлежать к человеческой породе. Чем больше Нейл смотрел на нее, тем сильнее кружилась у него голова. Он понял, что перед ним не земная женщина, а дивное видение, возможно, святая или ангел.

И когда догадка эта пронзила Нейла, язык его прилип к небу, и он осекся, внезапно забыв все любезные выражения, которые намеревался произнести.

– Ваши слова мне чрезвычайно приятны, молодой человек, – коснулся его ушей мелодичный голос незнакомки. Она благосклонно улыбнулась. – Я замечаю в вашей речи легкий акцент, свидетельствующий о том, что вы родились на островах. Вы, случайно, прибыли не с островов Святого Лира?

– Я родился в Скерне, госпожа, – смущенно пробормотал Нейл. – Но, подобно своему отцу, я служу лорду Лира.

– Насколько мне известно, этим лордом является барон сэр Файл де Лири, не так ли?

– Да, леди, – выдохнул Нейл. Ему казалось, что все это происходит во сне.

– Он человек высоких достоинств и редкого благородства. Не сомневаюсь, вы служите ему верой и правдой.

– Госпожа, но как вы...

– Не забывайте, я слышала ваши молитвы. Сэр Файл прибыл с вами? Он где-то поблизости?

– Да, госпожа. Он на постоялом дворе, неподалеку отсюда. Мы прибыли вчера. Сэр Файл хочет представить меня ко двору, хотя я, возможно, и недостойн такой чести.

– Если сэр Файл желает вас представить, с вашей стороны недостойно лишь одно – испытывать сомнения. Этот человек никогда не совершает необдуманных поступков.

– Разумеется, госпожа. Вы правы. Прекрасная незнакомка кивнула головой.

– Раз вы собираетесь испросить аудиенции у короля, вам следует знать, что сегодня двор соберется на вершине холма Том Вот, где будет устроено празднество в честь дня рождения принцессы Элсени. Вы только что прибыли, и возможно, сэру Файлу еще не известно это обстоятельство. Въезжайте в город через северные ворота и двигайтесь по Выгнутому лугу. Сэр Файл знает, где это. Скажите ему, чтобы подъехал к каменному кругу и ждал там.

– Счастлив выполнить ваше распоряжение, госпожа, – с готовностью откликнулся Нейл.

Сердце молотом билось у него в груди, и он сам не понимал, что с ним творится. Ему мучительно хотелось спросить имя незнакомки, но почему-то он боялся услышать ответ.

– А теперь прошу простить меня, но я хотела бы остаться наедине со святым, – с улыбкой заметила незнакомка. – Мои молитвы далеко не так поэтичны, как ваши. Я знаю, святые по своему милосердию простят мне мое косноязычие. Однако мне не хотелось бы, чтобы кто-то еще слышал мою невразумительную и сбивчивую речь. С тех пор как я в последний раз преклоняла колени перед этим алтарем, прошло много времени. Слишком много.

В ее мелодичном голосе послышались нотки затаенной грусти.

– Госпожа, если я могу что-то для вас сделать, вам стоит лишь сказать...

Глаза ее сверкнули в полумраке.

– Будьте осторожны, когда окажетесь при дворе, – негромко произнесла она. – Храните верность себе. Всегда оставайтесь таким, какой вы есть. Это трудно... очень трудно.

– Я понял, госпожа. Для вас я готов преодолеть любые трудности и испытания.

С этими словами Нейл повернулся и, ощущая, что ноги налились странной тяжестью, вышел на залитую ярким солнечным светом улицу.

– Впечатляющее зрелище, правда? – спросил сэр Файл де Лири.

Нейл беспрестанно вертел головой из стороны в сторону.

– В жизни не видал ничего подобного, – признался он. – Какие яркие одеяния, и все из шелка.

По зеленому ковру луга гарцевали верхом сотни придворных. Среди них сновали карлики, великаны, шуты, лакеи, все в поражающих воображение разноцветных костюмах.

– погоди, ты еще не то увидишь. Давай подъедем вон к тем камням впереди.

Они пустили лошадей в галоп и двинулись к видневшемуся на опушке леса небольшому кругу, выложенному из остроконечных камней. Здесь уже собралось несколько человек, пеших и конных. Среди них Нейл заметил нескольких рыцарей – все они были в черных и темно-зеленых плащах с бронзовой отделкой. Нейл не знал, чьи это цвета, а гербов рыцари не носили.

– Сэр Файл! – радостно воскликнул один из рыцарей, когда они приблизились к каменному кругу.

Приветственно вскинув руку, он устремился к ним навстречу. Нейл разглядел, что это был человек средних лет, не носивший ни доспехов, ни оружия. Его каштановые волосы подерживал золотистый обруч. Судя по величавой осанке и гордому взгляду, человек этот играл при дворе важную роль. Сэр Файл спешил, и Нейл последовал его примеру. Незнакомец тоже соскочил со своей лошади – великолепного галленского жеребца, серого в яблоках.

– Ну, здравствуй, де Лири, старый боевой петух! Как поживаешь?

– Дела мои хороши, ваше величество.

Нейл почувствовал, как у него затряслись поджилки. «Ваше величество?» Столь скорой встречи с королем он никак не ожидал.

– Рад видеть тебя здесь, старина, – самым непринужденным тоном продолжал король. – Очень рад.

– На мое счастье, ваше величество, мне удалось найти вас. Если бы не мой оруженосец, я отправился бы сейчас в пустой замок. Позвольте ли вы представить вам моего юного друга и подопечного?

Глаза короля устремились на Нейла. Взор его был пронзительным и усталым одновременно.

– Разумеется, – кивнул он головой.

– Ваше величество, пред вами Нейл МекВрен, молодой человек, наделенный выдающимися дарованиями и уже совершивший немало славных дел, – торжественно произнес сэр Файл. – Нейл, тебе выпала честь быть представленным Уильяму Второму, королю Кротении.

Нейл вспомнил, что надо опуститься на одно колено и поклониться, и проделал этот ритуал с таким усердием, что голова его едва не коснулась земли.

– Ваше величество! – с трудом выдавил он из себя.

– Поднимитесь, молодой человек, – благосклонно изрек король.

Нейл повиновался.

– Надеюсь, этого юношу ожидает большое будущее, – заметил король. – Ты сказал, он твой оруженосец? Не о нем ли я так много слышал? Ведь это он еще в отрочестве отличился в битве у Темного озера?

– Именно он, сэр.

– Что же, Нейл МекВрен, ты уже стяжал славу, и я верю, она не отвернется от тебя впредь. Наверняка мы еще услышим о тебе.

– Услышим, но не сегодня, – воскликнула надменного вида молодая дама, сидевшая на изящном гнедом жеребце. Она важно кивнула Нейлу, и его пронзило странное ощущение: казалось, он уже видел ее прежде. Глаза ее, цвета лесного ореха, были ему знакомы... почти знакомы. Красота всадницы отличалась строгостью, даже суровостью – идеально правильные черты, высокие скулы, волосы несколько более темного оттенка, чем каштановый.

– Не забывайте, сегодня день рождения Элсени, и все хвалы достанутся только ей, – продолжала прекрасная всадница. – Но вам я тоже желаю хорошо провести этот день, оруженосец. Насколько я успела расслышать, ваше имя Нейл МекВрен, не так ли?

Нейл, открыв от восхищения рот, уставился на ее протянутую руку. Лишь несколько мгновений спустя он вспомнил, что полагается делать в таких случаях, осторожно взял нежную ладонь и коснулся губами кольца с королевской печатью.

– Ваше величество, – благоговейно прошептал Нейл. Он не сомневался: перед ним не кто иная, как королева.

За спиной его раздался смех, и Нейл понял, что совершил ошибку.

– Это моя дочь Фастия. Ныне, вступив в брак, она принадлежит к дому Тигерн, – снисходительно пояснил король.

– Не понимаю, почему все хохочут, – сердито бросила Фастия. – Этот молодой человек – наш гость. И он умеет отличить королевское достоинство с первого взгляда, а подобная прозорливость делает ему честь.

Ее надменно сжатые губы тронула мимолетная улыбка, которая тут же погасла.

В следующее мгновение в объятия сэра Файла бросилась еще одна молодая красавица. Он подхватил ее на руки и закружил, а та завизжала от удовольствия.

– Элсени, да от тебя глаз не отвести! – заявил старый рыцарь, поставив наконец девушку на землю.

Про себя Нейл согласился с этими словами. Элсени была моложе своей сестры Фастии – юноша решил, что ей лет семнадцать. Волосы ее имели цвет воронова крыла. И если от безупречного лица Фастии веяло холодом, младшая сестра казалась веселой, простодушной и непосредственной, как дитя.

– Как я рада, что ты приехал, дядюшка Файл! Да еще в мой день рождения!

– Видно, так было угодно святым, – улыбнулся сэр Файл. – Уверен, они радуются, глядя на тебя.

– А кто этот молодой человек рядом с тобой? – дала волю любопытству Элсени. – Вижу, все уже познакомились с ним, кроме меня!

– Это мой воспитанник, Нейл МекВрен.

Нейл, польщенный всеобщим вниманием, расплылся в улыбке.

На принцессе Элсени было изумительное шелковое платье, многоцветное, расшитое цветами и переплетенными лианами. Легкий плащ, развевающийся за ее спиной, напоминал крылья стрекозы. Блестящие черные волосы были убраны в высокую, на редкость сложную прическу, настоящую башню, каждый этаж которой был украшен различными цветами – внизу фиалки, затем красные гвоздики, затем лилии. Белый лотос венчал все сооружение, подобно короне.

По примеру своей старшей сестры, Элсени протянула Нейлу руку, но, как только он поцеловал ее кольцо, вновь повернулась к сэру Файлу.

– А ты знаешь, дядюшка, что сегодня я вовсе не Элсени, – прошептала она. – Да будет тебе известно, я Мересвен, королева фей.

– О, разумеется! Кем и быть такой красавице, как не королевой фей.

– Вы приехали, чтобы получить звание рыцаря? – внезапно выпалила Элсени, пристально взглянув на Нейла.

От неожиданности Нейл смешался.

– О да, принцесса... То есть, я хотел сказать, ваше высочество. Удостоиться рыцарского звания – это мое самое заветное желание, – пробормотал он.

– Прекрасно. Когда вы явитесь к моему двору, я немедленно возведу вас в звание рыцаря Эльфинов, – пообещала она, взмахнув роскошными ресницами. В следующее мгновение принцесса уже позабыла о Нейле и схватила за руку сэра Файла. – Дядюшка, вы должны рассказать мне о том, как поживают мои кузины, – потребовала она. – Вспоминают ли обо мне? Знают ли, что я скоро выхожу замуж?

– А вот мой сын, Чарльз, – произнес король, решив, что церемония представления Нейла принцессе Элсени окончена.

Нейл давно уже заметил того, на кого теперь указывал король. Ему и прежде доводилось встречать несчастных, которые, не уступая ростом взрослому человеку, сохраняют разум малого дитяти. О том, что это именно так, говорил блуждающий, безмятежный, до странности пустой взгляд королевского сына. Нейл знал, что людей, подобных принцу, обычно считают избранниками святых.

Чарльз, не взглянув в сторону Нейла, продолжал разговор с человеком в удивительном наряде, сшитом из десятков разноцветных лоскутков. На голове у того красовалась шляпа с невероятно широкими, обвисшими полями, обшитыми серебряными колокольчиками, которые звенели при каждом его шаге. Шляпа была так велика, что ее нелепый обладатель напоминал ходячий гриб.

– Чарльз! – вновь попытался привлечь внимание сына король.

Чарльз был крупным молодым человеком с вьющимися Рыжими волосами. Когда бессмысленный взгляд блаженного Уперся в Нейла, по спине у того пробежала легкая дрожь.

– Привет! – сказал Чарльз, заметив наконец Нейла. – Ты кто?

Голос у него был совершенно детский и не вязался с его наружностью.

– Меня зовут Нейл МекВрен, милорд, – с низким поклоном произнес Нейл.

– Я принц, – с простодушной гордостью сообщил Чарльз.

– Это видно всякому, милорд.

– Сегодня день рождения моей сестры.

– Я имел честь узнать об этом, милорд.

– А это Песья Шапка, мой шут. Он из племени сефри.

Из-под широких полей шляпы на Нейла взглянули желтые, как медь, глаза, сверкающие на матово-бледном лице. Нейл с любопытством воззрелся на королевского шута. Никогда прежде он не видал людей из племени сефри. В Лире их не было, ибо, как он слышал, сефри никогда не путешествовали по морю.

– Желаю вам хорошего дня, – изрек Нейл и кивнул головой, не зная, что еще сказать.

На лице шута мелькнула хитрая усмешка. Он принялся петь и приплясывать, так что бубенчики на его шляпе звенели не переставая:

Здравствуй, сэр, здравствуй, сэр,
или ты совсем не сэр?
У себя в навозе спал,
Что же там ты увидал?
Видел рыцарскую розу,
выбираясь из навозу?

Песенка шута была встречена дружными раскатами хохота. Громче всех смеялся Чарльз, который от удовольствия с размаху шлепнул шута по спине. Тот не удержался на ногах или сделал вид, что не удержался. Неуклюже повалившись, он схватился за поля своей потешной шляпы и покатился по траве, как шар. Стоило ему подлететь к кому-нибудь из придворных, тот пинал живой мяч, и шут, истошно вопя, отскакивал в противоположном направлении. Через несколько мгновений импровизированный матч, возглавляемый принцем, заставил всех позабыть об издевательской выходке Песьей Шайки. Однако у Нейла по-прежнему горели от обиды уши. Все, все смеялись над ним – и король, и Фастия, и Элсени. Спасибо, сэр Файл удержался.

Нейл сжал губы, изо всех сил стараясь не дать воли рвавшимся наружу словам. Пускаться в пререкания с шутом недостойно, и он вовсе не желал позорить сэра Файла. Язык и так не раз доводил Нейла до неприятностей.

– Не обращайтесь внимания на Песью Шапку, – услышал он невозмутимый голос Фастии. – Он только и знает, что поднимать всех на смех. Сами понимаете, такая у него работа. Если хотите, можете проехаться рядом со мной. Продолжим ваше знакомство с двором. Думаю, вам необходим провожатый.

– Вы очень добры, госпожа.

– Вас еще не представили самой младшей моей сестре, Энни. Она сегодня в дурном настроении. О, да я, кажется, вижу вдали ее рыжие волосы. И посмотрите, к нам приближается моя матушка, королева.

Нейл проследил за направлением взгляда Фастии.

На утренней незнакомке не было длинного плаща с капюшоном, однако Нейл узнал ее сразу – по глазам и легкой улыбке. Теперь он понял, почему лица Фастии и Элсени показались ему такими знакомыми. Обе принцессы чрезвычайно походили на свою мать.

– Значит, вы передали мои слова старому Файлу, – сказала королева, приблизившись к ним.

– Да, ваше величество, – пробормотал Нейл. На этот раз он поклонился так низко, что ударился лбом об землю.

– Вы уже встречались с этим молодым оруженосцем прежде, матушка? – с недоумением спросила Фастия.

– Сегодня утром я ходила в церковь Святого Лира, – пояснила королева. – У алтаря я увидела этого молодого человека. Его молитва поразила меня своей поэтичностью и глубиной чувства. Лишь те, кто вырос на островах, умеют так молиться. И я догадалась, что он из Лира и приехал со старым Файлом.

– Ваше величество, прошу простить мне невольную дерзость, которую я, возможно, проявил, не зная...

Поток извинений Нейла прервал недовольный голос короля:

– Ты ходила в портовую церковь, Мюриель? Одна, без охраны?

– Мои телохранители все время находились поблизости, и Эррен ждала меня за дверями церкви. К тому же я закрыла лицо капюшоном. Узнать меня было невозможно.

– Мюриель, поступать так – это чистой воды безрассудство. Особенно в нынешние беспокойные времена.

– Прости, если я заставила тебя волноваться.

– Как я мог волноваться, если я ничего не знал о твоём опрометчивом поступке? Но теперь я действительно встревожен. Отныне ты никуда не будешь выходить без охраны. Прошу тебя. – Король, как видно, почувствовал, что избрал чрезмерно резкий тон, и последние его слова прозвучали почти умоляюще. – Впрочем, мы обсудим это потом, – поспешно добавил он. – Я не хочу, чтобы наши дорогие гости в свой первый день при дворе стали свидетелями семейной склоки.

– Кстати о семейных склоках, точнее, о семейных делах, – заметила королева Мюриель. – Я вынуждена просить у вас всех извинения, но мне придется вас покинуть. Здесь есть кое-кто, с кем мне необходимо поговорить. Молодой МекВрен, прошу прощения за то, что утром ввела вас в заблуждение. Но, право же, я получила огромное удовольствие, увидев сейчас ваше изумленное лицо. – Она повернулась к своему супругу. – Я буду здесь, неподалеку, если вас это интересует, – бросила она, повернулась и пустила лошадь вскачь.

Нейл был рад, что королева сменила тему разговора, ибо в душе у него царил полный сумбур... По причинам, которые он сам не мог определить, юноша чувствовал себя виноватым.

– Наверняка выходка с розой – дело рук Фастии, – заявила Энни.

Они с Острой пустили лошадей вскачь по поросшему фиалками Выгнутому лугу. Воздух наполняли упоительные весенние ароматы, но Энни была слишком взволнована, чтобы наслаждаться ими.

– Фастия не любит ходить вокруг да около, – возразила Остра. – Она не стала бы тебя изводить исподтишка. Если бы она увидела розу, то спросила бы напрямик, откуда цветок.

– Может, ей и спрашивать не надо. Вдруг она уже все знает?

– Откуда? Ни одна живая душа вас не видела, за это я отвечаю.

– Ну а кто тогда? Неужели Лезбет? Это на нее не похоже.

– Она очень изменилась, – заметила Остра. – Стала такой... осмотрительной. И все время думает о политике. Может, она теперь – точная копия Фастии, только мы еще этого не заметили.

Энни заерзала в седле, пытаясь устроиться поудобнее. Она презирала дамские седла, заявляла, что, сидя боком, далеко не уедешь. И в самом деле, она постоянно с них соскальзывала. Будь они с Острой наедине, Энни, наплевав на свои пышные юбки, немедленно уселась бы по-мужски.

Но они были далеко не одни. По лугу разъезжала едва ли не половина благородных рыцарей королевства.

– Нет, я не верю, – покачала головой Энни. – Лезбет никогда меня не предаст. Я доверяю ей, как тебе.

– А может, ты и меня подозреваешь? – ехидно предположила Остра.

– С чего ты взяла, дурочка? Я только что сказала, что тебе доверяю.

– Надеюсь. Но все же, кто выкинул с тобой такую злую шутку? У кого есть ключи от твоей комнаты? Только у Фастии.

– Может, она забыла запереть дверь?

– Забыла? Нет, Фастия никогда ничего не забывает, – покачала головой Остра.

– Это верно. Значит...

– Значит, остается твоя мать.

– Ты права. У матушки, конечно, есть ключ от моей спальни. Но...

– Тише. Она здесь, совсем рядом.

Энни вскинула голову и невольно вздрогнула, увидев, что ее подруга и фрейлина права. Мюриель Отважная, урожденная де Лири, королева Кротении, оставив свиту, приближалась к ним рысцой на своей гнедой вителлианской кобыле.

– Доброе утро, Остра, – с приветливой улыбкой сказала она.

– Доброе утро, ваше величество.

– Если ты не возражаешь, мне хотелось бы немного поговорить с дочерью наедине.

– Разумеется, ваше величество.

Едва успев сказать это, Остра натянула поводья и повернула прочь, напоследок бросив на Энни извиняющийся и встревоженный взгляд. Если над головой Энни сгустились тучи, значит, Остре тоже приходилось ждать неприятностей.

– Вы обе, похоже, сегодня чем-то обеспокоены, – заметила Мюриель. – И предпочитаете держаться в стороне.

– Я видела дурной сон, матушка, – призналась Энни. Впрочем, это была лишь часть правды. – И никто не сообщил, где именно мне следует держаться.

– Дурной сон? Но ты уже взрослая девушка, тебе стыдно переживать из-за таких пустяков. Однако я скажу Фастии, чтобы сегодня на ночь она дала тебе целебный отвар. Тот, что не дает Черной Мэри приближаться к спящему.

В ответ Энни лишь пожала плечами.

– Но я полагаю, дело не только в дурном сне, – продолжала королева. – Фастия считает, что у твоего скверного настроения есть более глубокие причины.

– Фастия только и думает, как бы мне досадить, – вздохнула Энни.

– Ты не права. Твоя сестра любит тебя, и ты это прекрасно знаешь. Но если ты ведешь себя не так, как подобает принцессе, она не может этого одобрять.

– Похоже, все вокруг сговорились меня не одобрять, – буркнула себе под нос Энни.

Королева устремила на дочь пронзительный взгляд изумрудно-зеленых глаз.

– Не забывай, Энни, что ты занимаешь высокое, исключительно высокое положение. И это налагает на тебя определенные обязанности. Пока ты была мала, тебе многое сходило с рук. Но ты уже вступила в возраст, когда девушке следует думать о замужестве. О детских привычках и проказах пора забыть. Своей нелепой выходкой с грефтом Остгартом ты поставила в крайне неловкое положение и своего отца, и меня...

– Этот ваш грефт – на редкость противный старикашка. Навел на меня такую тоску! Не думали же вы, что я...

– Во-первых, он не старикашка, а пожилой господин. Во-вторых, его политическая поддержка чрезвычайно важна для Кротении. Или тебя не волнует процветание королевства, которым правит твой отец? Может, ты не помнишь, сколько твоих предков пожертвовало жизнью во имя блага страны?

– Но почему для блага страны я должна выходить за старого скучного уродца? Это несправедливо.

– Справедливо? Справедливость хороша, когда речь идет о простых людях. А нам часто приходится жертвовать собой. Высокое рождение лишает нас права выбора.

– Лезбет выходит замуж по любви! Мюриель покачала головой.

– Да, именно этого я и боялась, и Фастия тоже. Лезбет окончательно сбила тебя с толку. Пойми, девочка, она делает выгодную, весьма разумную партию. Что касается любви... Можешь не сомневаться, в ней Лезбет смыслит не больше, чем ты.

– Можно подумать, матушка, вы много смыслите в любви, – взорвалась Энни. – Всему Эслену известно: отец давно уже предпочитает предаваться любовным утехам с леди Грэмми, а ваши покои обходит стороной.

Когда в этом была необходимость, королева двигалась с редким проворством. Энни даже не успела заметить, как мать занесла руку, лишь услышала звук пощечины и ощутила, как ее щека вспыхнула.

Глаза юной принцессы застилали слезы, в горле стоял ком.

«Не смей плакать, – приказала она себе. – Не смей!»

– А теперь слушай меня внимательно, девочка, – как ни в чем не бывало сказала королева. – Сегодня среди гостей присутствуют три молодых человека, все по-своему очень милые и достойные внимания. Зовут их Уингальн Катсон из Авлхама, Уильям Фуллхэм, баронет Уинстона, и Дункат МекАвэн. Запомнила? Каждый из них мог бы стать для тебя отличной партией. И противных скучных старикашек, которых ты так презираешь, среди них нет. Надеюсь, ты дашь себе труд быть с ними обходительной и любезной. Они приехали специально для того, чтобы с тобой познакомиться.

Энни ехала молча, угрюмо потупившись.

– Ты поняла меня? – возвысила голос Мюриель.

– Да. А как я их узнаю, этих ваших женихов?

– Можешь не беспокоиться, тебе их представят.

– Хорошо. Я все поняла.

– Энни, надеюсь, ты поняла также, что все это делается для твоего блага?

– Я рада, матушка, что вы так хорошо знаете, в чем заключается мое благо.

– Твои колкости излишни, Энни. И твой надутый вид сейчас совершенно неуместен. Не забывай, сегодня день рождения твоей сестры. Постарайся выглядеть веселой – если не для меня, то хотя бы для нее. И давай забудем о нашей маленькой ссоре, хорошо, дорогая?

Последние слова Мюриель сопровождала натянутой холодной улыбкой, которой Энни никогда не доверяла.

– Хорошо, матушка, – буркнула она, старательно избегая пронзительного взгляда матери.

Однако, несмотря на неприятный разговор и на то, что щека у Энни все еще горела, на душе у нее стало легче. О Родерике мать ничего не знает, а это главное.

И все же кому-то ее тайна известна. Кто-то нашел ее розу. Черную розу.

«Возможно, кошмар, который мне привиделся, вообще не имеет отношения к Родерику, – размышляла про себя Энни. – Ведь его-то не было ни на поле, среди черных роз, ни в жутких темных зарослях...»

– Что это за диво? – раздался за их спинами раскатистый и звучный мужской голос. – Две прекраснейшие женщины королевства разъезжают без охраны?

Энни и Мюриель обернулись одновременно.

– Здравствуй, Роберт, – сказала королева.

– Здравствуй, здравствуй, милая невестушка! До чего ты хороша, смотреть больно! Сегодня даже солнце медлило выходить на небо, опасаясь, что ты его затмишь.

– Ты очень любезен, – процедила Мюриель.

Не обращая внимания на ее ледяной тон, Роберт повернулся к Энни.

– Ты тоже восхитительна, моя обожаемая племянница! – громогласно возвестил он. – Боюсь, в самом скором времени ты разобьешь немало мужских сердец. Не прими мы сегодня меры предосторожности, этот праздник превратился бы в состязание молодых рыцарей, готовых сложить головы из-за твоей благосклонной улыбки.

Щеки Энни вспыхнули. Дядюшка Роберт частенько приводил ее в смущение. Он был молод и красив, строен, широк в плечах, тонок в талии. На его лице, слишком смуглом для представителя рода Отважных, сверкали жгучие черные глаза, а борода и небольшие аккуратные усики очень шли к насмешливому выражению и ироничной улыбке.

– Позаботьтесь лучше об Элсени, дядюшка, – ответила Энни. – Она намного красивее меня, и, кроме того, сегодня день ее рождения.

Роберт подъехал ближе и бесцеремонно схватил Энни за руку.

– О прекрасная леди, у моего брата три дочери-красавицы, и хотя ты самая младшая, но отнюдь не уступаешь сестрам по красоте, – заявил он. – А если кто-то полагает иначе, покажи мне этого наглеца. Можешь не сомневаться, я сумею его проучить. Вороны выключают его бесстыжие глаза прежде, чем сумерки вновь спустятся на землю.

– Роберт, совершенно ни к чему приучать мою дочь к такой беззастенчивой лести, – заметила Мюриель, и в голосе ее послышались нотки раздражения. – Вряд ли это пойдет ей на пользу.

– Дорогая Мюриель, но при чем тут лесть? Я говорю лишь чистейшую правду, воздавая должное моей прекрасной племяннице. А если хвалы мои показались вам преувеличенными, смиренно прошу простить меня за это. Но, в самом деле, где ваша охрана?

– Там, – Мюриель указала рукой в сторону короля и его свиты. – Я хотела поговорить с дочерью наедине. Но мои телохранители рядом, и уверяю тебя, они всегда настороже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.